

Ильяс ЕСЕНБЕРЛИН

ЗОЛОТАЯ ОРДА

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

КНИГА ТРЕТЬЯ

ГИБЕЛЬ АЙДАХАРА

Авторизованный перевод с казахского Виктора Мироглова

Глава первая

За год до смерти Джучи, деля свой великий улус между сыновьями, отдал степи, лежащие на границе между землями Бату и Орду пятому сыну Сибану. Начинаясь его владения от реки Тобол и простирались до рек Иргиз и Жем. И хотя с той поры новый улус управлялся сначала Сибаном, а затем его потомками, он ни разу не вышел из повиновения Золотой Орды, по молчаливому согласию, всегда был ее частью.

Тохтамышу, ставшему благодаря Хромому Тимуру ханом Белой Орды, для того чтобы захватить трон Золотой Орды, предстояло пройти через земли Сибана, а он понимал, что сделать это будет нелегко, так как знать этого улуса имеет в Орде большой вес и едва ли захочет поставить над собой ханом пришельца.

Тщеславен и упорен в достижении своей цели был Тохтамыш. Предстоящая борьба не пугала его. Он знал, что проложит себе дорогу лезвием меча и острием копья.

И еще он твердо верил в помощь Хромого Тимура. Тимур надеялся, что когда Тохтамыш достигнет своей цели, он по-прежнему останется преданным и послушным, а это даст возможность больше не оглядываться настороженно на Золотую Орду и заняться, наконец, своими делами.

В год овцы (1379), когда пожухли в степи травы и все чаще стали прилетать из «страны мрака» холодные ветры, а по ночам начал появляться на лужах тонкий звенящий лед, Тохтамыш начал подтягивать свое войско к границам Золотой Орды.

Он был уверен в успехе. Почувствовав, что за Тохтамышем стоит великая сила, без колебаний выразили ему свою преданность все знатные люди Белой Орды. Под знамена хана стали эмиры Казанши-батыр, Алибек, Мухаммед-оглан и другие. Последовали их примеру и батыры, и бии кипчакской степи, принадлежавшие к разным родам: кудайберды, даулет, нарик, иргиз, кобланды, уак, шуак и монбура.

Так было издавна заведено в степи – знать всегда становилась на сторону того, кто был в это время сильнее. Еще недавно многие из эмиров и батыров склоняли свои головы перед Орус-ханом, сегодня их повелителем стал Тохтамыш, а завтра они легко могли оказаться в стане того, кто окажется более удачливым на поле сражения. Это не

считалось предательством, а было законом жизни, велением времени.

Тохтамыш был уверен, что Хромой Тимур не сомневается в его преданности, и все-таки хитрый и коварный правитель Мавераннахра на всякий случай отправил вместе с ним в поход эмира Едиге, дав ему десять тысяч воинов из рода мангыт.

Сложным было отношение Тохтамыша к Едиге. Он доверял и одновременно не доверял ему. Для этого были веские причины. Когда-то Тохтамыш умертвил его отца Кутлуккияна за то, что тот поддержал Темир-Малика. Та же участь ждала и племянника Едиге – Темир-Кутлука, рискнувшего плести нити заговора против Тохтамыша. Только своевременное бегство спасло молодого и безрассудного эмира.

Очень хорошо помнил об этом хан Белой Орды, и его постоянно мучили сомнения – не затаил ли злобу, не ждет ли только удачного момента для мести молчаливый и гордый Едиге? Сколько раз уже случалось такое в степи.

Но были и причины доверять эмиру, потому что на их долю выпала одинаковая судьба – оба бежали из Золотой Орды, обоих поддерживал Хромой Тимур, оба жаждали мести и власти. Правда, Едиге никогда не говорил о том, что хотел бы стать ханом, но по всему было видно, что в случае успеха он надеется стать в Золотой Орде одним из самых сильных и влиятельных. Ну что ж, пусть думает об этом. Желание получить при дележе лакомый кусок объединяет в погоне за добычей даже степных волков, заставляет их не думать о нанесенных в прежнее время ранах. Именно из этих соображений хан постоянно держал при себе Едиге и даже подумывал порой о сближении с ним.

Девятнадцать сыновей и семь дочерей родили Тохтамышу его жены и наложницы. Одну из дочерей – Жанике, хан решил отдать Едиге в токалы – младшие жены, чтобы навсегда породниться с ним кровью и тем самым отнять у него право на возможную месть. Однако, пока это было не осуществлено, Тохтамыш не торопился передавать войско Белой Орды под начало своего будущего зятя, хотя среди всех его приближенных не было ни одного равного Едиге по умению вести сражение, по смелости и отваге. Хан решил, что сделать это будет никогда не поздно, а время подскажет, как поступить.

Медленно, словно нехотя, двигалось войско Тохтамыша вперед, сметая на своем пути редкие и немногочисленные отряды Золотой Орды. У берега светлого Яика, не переправляясь через него, Тохтамыш велел своим туменам остановиться на зимовку. Хан не боялся сражения с главным золотоордынским войском. Он был уверен в победе, но сведения, которые доставляли верные люди из Сарай-Берке, подсказали ему, что самое выгодное в его положении воздержаться от битвы. Он знал, что победит Мамай – нынешнего своего врага, но, думая о будущих сражениях с Хромым Тимуром, надо сохранить свое войско. Мамай готовился к борьбе с русскими княжествами, и в любом случае, победит он или будет разбит, с ним после можно разделаться малыми силами. И удачная, и неудачная битва всегда уносит жизни воинов. Следовало быть терпеливым и научиться ждать...

Заложив за спину руки и нагнув голову, Мамай угрюмо расхаживал по юрте.

Тревожные, пугающие вести шли к нему со всех сторон. Копил силы его главный враг Тохтамыш, а самый богатый данник Орды – Русь – стала похожа на огромный котел, в котором начинает кипеть вода. Было о чем подумать, было от чего тревожиться.

С тех пор, как сел Мамай на коня, не проходило ни одного года, чтобы не принимал он участия в походе или набеге. Он знал жар и холод жизни, знал победы и поражения. И если бы сегодня судьба лишила его всего того, к чему он привык, он бы, наверное, посчитал, что настал его смертный час. Всегда было нелегко управлять народами, всегда было трудно предугадать, с какой стороны подстерегает опасность или измена, но помогали молодость и неумное желание властвовать. Раньше казалось, что нет ничего непреодолимого. Сегодня же вдруг словно навалилась вся усталость прошлого. Мамай боялся признаться себе, что причиной этому близкая старость. Он думал: просто виноваты последние трудные годы и неудачи.

Каким прекрасным было начало жизни! Мамай вспомнил себя восемнадцатилетним – горячим и быстрым в делах и поступках, как обоюдоострый меч. Тогда он взял себе первую жену – дочь Бердибека, который был старшим сыном славного и могущественного хана Джанибека. Девушку звали Ханум-бегим...

Именно тогда сам правитель Азова – Хазбин согласился стать его сватом. И, чтобы не уронить достоинства ногайлинцев, приказал посадить всех, кто принимал участие в поездке, на одномастных черных иноходцев, вся сбруя которых была украшена белым серебром. Славное было время, и бесконечная, как дорога в Дешт-и-Кипчак, лежала впереди будущая жизнь. Во главе каравана, состоящего из одних бурых паров, тяжело нагруженных вьюками с подарками, ехал сам Хазбин. По правую руку – его внук Карабакаул, слева – знаменитый лучник, не знающий страха Кастурик-мирза, а стремя в стремя с ним – Азу-жирау, чья слава сказителя-песенника уже распростерла над ногайскими степями свои могучие крылья.

О, время, подобно тому каравану, прошедшее над степью и растаявшее в голубоватой дымке зноя, где ты!

Мамай зажмурил на миг глаза, и в памяти отчетливо нарисовалось то давнее и как будто бы совсем забытое. Едва у края земли показался Сарай-Берке и стали видны голубые купола мечетей и острые, словно поднятые к небу пики, минареты с золотыми полумесяцами над ними, Азу-жирау остановил своего иноходца и, прижимая к груди домбру, ударил по ее струнам.

Здравствуй, Золотая Орда.

Ты подобна луне, сияющей в высоком небе.

Крепостью каменной ты всегда нам была,

Дворцом прекрасным для душ наших...

С этой минуты суждено было облететь этой песне всю степь, с этой минуты суждено было проснуться в душе Мамай сладкой и неукротимой мечте – когда-нибудь завладеть Золотой Ордой, сесть на ее трон и, подобно грозному Бату, повелевать ее необъятными просторами, войском и бесчисленным народом.

Десятилетия минули с той поры, и все равно не хотелось верить, что мир настолько переменялся. В год собаки (1346) увез Мамай из Сарай-Берке прекрасную, как

утренняя заря, дочь будущего хана Золотой Орды Бердибека. И не рабы и рабыни, не богатые подарки, не бесчисленные косяки полудиких коней и отары овец, полученные вместе с Ханум-бегим, веселили тогда сердце Мамай. Самое драгоценное было – родство с чингизидами. Судьба словно открыла свое лицо эмиру Мамаю. С каждым днем начало расти и крепнуть его влияние среди родов, населяющих Золотую Орду.

Но прошло десять лет после этого события, и в год курицы (1357), Бердибек с помощью алшинца Туле-бия убил своего отца Джанибека и стал ханом. Это событие снова обернулось на пользу Мамай. Тесть сделал его лашкаркаши всего золотоордынского войска. Но не зря говорят, что после тепла приходит холод, после счастья – несчастье. Туле-бий всегда был главным советчиком Бердибека, теперь же он, прикрываясь его именем, стал исподволь править Ордой. Опасаясь Мамай, он обрушил на него свою немилость. Эмиру пришлось на какое-то время затаиться – слишком опасным был враг. Мамай видел, как по его подсказке подозрительный Бердибек за два года сумел умертвить двенадцать братьев, которые бы могли претендовать на его трон.

Проходит время, и иссякает самый бурный поток. Потомки Джучи, боясь за свою жизнь, зарезали Бердибека. И теперь уже сами сплелись в яростный змеиный клубок. Страшная, безжалостная борьба шла у подножья золотоордынского трона. За восемнадцать лет после смерти Бердибека на троп вскарабкивались двенадцать ханов, но никому из них не удалось продержаться более двух лет – кого скинули, кого зарезали, кого отравили. Качался от междоусобиц остов Орды, трещала и рвалась на части могучая Орда. Каждый, кто мог, старался оторвать от нее хотя бы клочок и объявить себя хапом.

Деятельный, вечно жаждущий власти и славы, не оставался все эти годы в стороне и Мамай. Не являясь чингизидом, он не мог претендовать на звание хана, но перед его глазами вечно стояла картина, увиденная в год, когда он ехал в Орду за Ханум-бегим. И во сне, и наяву видел он красавец-город Сарай-Берке – символ могучей и великой Золотой Орды. Зная, что только счастливая случайность может помочь ему в осуществлении задуманного, он решил не терять времени даром и объявил Крым самостоятельным ханством. А для того, чтобы все выглядело так, как надо, Мамай в год барса (1362) поднял ханом Абдоллу – потомка Джучи. Только слепой мог поверить, что правит новым ханством Абдолла, потому что вся власть в Крыму принадлежала Мамаю. Повсюду сильные побеждали знатных. В Мавераннахре на троне сидел чингизид Хусаин, а правил землями, распоряжался войском Хромой Тимур.

Почувствовав себя сильным, Мамай двинул свои тумены на Хаджи-Черкеса и отнял все принадлежавшие ему земли вместе с городом Хаджи-Тарханом¹.

Отныне в подвластное ему ханство входили не только степи Крыма, но и низовья рек Дона, Днепра, Итиля. Край этот кочевники называли Сакистаном.

Мамай потребовал, чтобы русские княжества посылали ему дань...

Все это было. Было, кажется, совсем недавно, но сколько всего случилось за это

---

¹ Хаджи-Тархан – древнее название Астрахани.

время... Казалось, что заветная цель совсем близко, стоит только сделать последнее усилие и Золотая Орда будет лежать у ног. До чего же обманчива река времени, и кто может предсказать, что будет после того или иного события?

Мамай тяжело вздохнул. Он все делал, чтобы стать могущественным, чтобы в нужный момент быть готовым к решающему сражению с Ордой. Вроде бы обдуманно и проверено все, намечен каждый дальнейший шаг. Нужен был сильный союзник – Мамай нашел его в лице литовского князя Ольгерда. Выгоден ему был этот союз. Окрепшая в последние годы Литва подчинила себе несколько южнорусских княжеств и смогла бы удержать Русь от выступления против Мамаю, пока взор его был обращен на Золотую Орду. Кроме того, войско ее было сильно, и хитрый Мамай втайне надеялся, что если его вдруг постигнет неудача, он сможет воспользоваться помощью Литвы в борьбе со своими соперниками. Чтобы упрочить выгодный для него союз, Мамай породнился с Ольгердом, отдав ему в жены свою дочь Акбике, рожденную любимой женой Ханум-Бегим.

Казалось бы, все обещает удачу Мамай двинул свои тумены на Сарай-Берк, покорил золотоордынскую столицу, убил хана Хаджи-Темира, но удержаться на берегах Итиля не смог. Судьба словно смеялась над ним. Кутлук-Темир, собрав вокруг себя всех недовольных Мамаем, прогнал его в пределы Крымского ханства. И снова был поход, в котором удачи сменялись неудачами.

Золотая Орда превратилась в заколдованную птицу. Она была рядом, но стоило протянуть к ней руки, как птица ускользала, оставив нетерпеливому охотнику лишь несколько ярких перьев. Пока Мамай был занят Ордой, мир не оставался в покое. Выходило над землей солнце, и живущие на ней люди думали о дне завтрашнем. Как гром среди ясного неба, была для Мамаю весть о том, что русские княжества отказались посылать ему дань. Подобного еще не случалось. Да, он пока не сидел в Сарай-Берке, но до заветной цели оставалось не более чем полшага. И простые воины, и батыры, окружающие Мамаю, давно называли его ханом.

Мамай все быстрее и быстрее шагал по юрте. Правая рука его опустилась на рукоять сабли, вздулись на шее жилы. В тот день, когда он узнал, что русские больше не хотят платить дань, Мамаю охватила ярость. Еще сильнее она была сегодня, когда он узнал о поражении Бегича.

Хан слушал гонца, стоящего перед ним на коленях, и не слышал его слов. Ясно было одно – войско разбито, сам Бегич погиб. Сквозь бушующую в душе ярость упорным ростком пробивалась тревога, предчувствие беды. Никогда жизнь Мамаю не была безоблачна. Не раз он знал поражения от соперничающих с ним чингизидов, но это было совсем другое. Неудачи в междоусобной борьбе не пугали. Как говорят в народе: «В рукаве чапана не видно, что рука сломана, под шапкой не увидишь, что голова разбита». Проходило какое-то время, и он, собрав новое войско, сполна рассчитывался со своим обидчиком. С Русью все было сложнее. Мог наступить такой день, когда, объединив все княжества, она поставит крепкий заслон на своих рубежах и Золотая Орда – государство кочевников, не способное жить иначе, как за чужой счет, потеряет всякую силу. Она зачахнет, как трава в лето без дождей.

Очень хорошо понимал это Мамай, и потому, чтобы не дать народам объединиться, собрать силы, постоянно посылал на русские земли погромные отряды.

Казалось бы, совсем недавно ходил оглан Арапша на Нижегородское княжество, и удача сопутствовала ему. Несмотря на то, что противостояло ему объединенное войско, состоящее из полков владимирского, переяславского, юрьевского, муромского, ярославского и нижегородскосуздальских полков, Арапше удалось обмануть противника.

На реке Пьяне, окружив русское войско, золотоордынцы многих порубили, еще больше дружинников утонуло в реке. Арапша взял Нижний Новгород, разграбил и пожег окрестные селения. На следующий год он вернулся, довершил разгром, попутно разорив рязанскую землю.

Мамай знал, – за нижегородцами стояла Москва – и был уверен, что напугал князя Дмитрия Ивановича, отбил у него охоту своевольничать и выражать непокорность. На всякий случай еще через год послал хан войско мирзы Бегича, рассчитывая окончательно сломить русских князей. И вот случилось то, чего он никак не ожидал...

– Подожди, – сказал Мамай гонцу. – Расскажи все сначала...

Тот поднял серое от усталости и пыли лицо:

– Я повинуюсь, мой хан...

Сбивчивой и порой бессвязной была речь гонца, но Мамай был опытным воином и потому легко представлял, как все происходило.

Нет, не испугались русские князья. Недавнее поражение, видимо, пошло им на пользу. Не испугался Дмитрий Иванович, а с того самого дня, как понял, что Орда все еще сильна, стал готовиться к новой битве. Верные люди сразу же донесли ему, как только мирза Бегич двинул свои тумены в сторону русских земель. Сам великий московский князь вышел навстречу незваному гостю с сильным войском. Было решено встретить врага на краю Руси, в рязанской земле.

Лето было на исходе, когда сошлись русские полки с золотоордынцами на реке Воже. Рать Дмитрия Ивановича укрепились на невысоких холмах. Впереди всего русского воинства встал сам князь со своими полками, по левую руку от него ошетинились копьями полки князя Даниила Дмитриевича Пронского, по правую – полки князя полоцкого Андрея Ольгердовича. Ничего не оставалось Бегичу, как довольствоваться левым берегом Вожи – низким, изрезанным оврагами и балками, где не могла в полную силу развернуться его конница. Но мирза был уверен в успехе, тем более что силы противников были примерно равны.

Несколько дней русские и золотоордынцы перебрасывались стрелами через реку, словно испытывая друг друга на твердость, на крепость духа. Наконец, 11 августа, незадолго до захода солнца, воины Бегича, ринувшись могучей лавиной через Вожу, обрушили неожиданный удар на центр русского войска. Большой полк не только устоял, но и смял золотоордынскую конницу. На помощь ему пришли остальные князья и, прежде чем наступила ночь, с войском мирзы было покончено. Сам он погиб в сражении, а немногие уцелевшие ордынцы, вручив свои жизни аллаху и крепким ногам степных скакунов, неслись прочь от поля битвы, бросая обозы, забыв о добыче,

о которой еще недавно мечтали.

Неудача похода Бегича бесила Мамай. Случившееся требовало мести. Любой ценой надо было сохранить лицо, показать соперникам, что Русь по-прежнему подвластна ему и поражение на Воже произошло случайно.

Хлопнув в ладоши, Мамай велел своим нукерам из охраны выволочь прочь из шатра гонца и срочно собрать всех военачальников на совет.

Приказ хана был суров и тверд – без промедления выступить на русские земли, наказать дерзких. Кто посмеет возразить грозному Мамаю?

Отдавая приказ о новом походе, хан не мог даже предположить, что едва вступит он на самую близкую к нему рязанскую землю и начнет жечь и грабить, как охватят его душу робость и сомнения, исчезнет уверенность в легкой победе и он убоится идти дальше, потому что ему станет известно о твердо стоящих на Оке русских полках...

Мамай хотел думать, что все происшедшее за последние годы лишь следующие друг за другом случайные неудачи, но опыт воина говорил ему о другом. Уже нельзя было, как прежде, держать русских в узде посылкой сильных отрядов. Все чаще оставались от них только жалкие кучки воинов, перепуганных насмерть, потерявших всякое мужество и желание сражаться. Великая империя Чингиз-хана распалась, и, словно так было predetermined судьбой, в каждой ее части происходили события, похожие на то, что ныне творились в Орде. Подвластные народы отказывались повиноваться. От некогда сильного ильханства Хулагу отпал восточный Иран, отказался признавать власть чингизидов Китай, потом Корея... Теперь же, словно полноводная весенняя река, выплескивалась из берегов Русь.

Выход был один. Надо повторить поход великого Бату-хана, чтобы снова на долгие годы заставить трепетать непокорный народ. Хватит распылать силы! Удар должен быть один – мощный и жесткий. Но для этого необходимо подготовиться, собрать силы. Этой мыслью жил теперь Мамай, а все остальное сделалось для него второстепенным.

Прежде всего хан послал тайных послов к великому литовскому князю Ягайло. Мамаю нужен был сильный и надежный союзник, который бы постоянно нависал над русскими землями, тревожил бы Дмитрия Ивановича, мешал ему сосредоточить все войска против Орды. Русь всегда не ладила с Литвой, и хан быстро получил от Ягайло согласие на совместные действия против Москвы. Легко поддался на уговор и рязанский князь Олег Иванович. Трудно было устоять ему против посулов и угроз Мамаю. Тяжко жилось все годы золотоордынского ига рязанской земле. Не ладила она и с Москвой, постоянно боролась за право быть первой среди русских княжеств и первой же встречала грудью любой ордынский поход. С кем бы ни воевала Орда, какое бы княжество ни наказывала за непокорность, всегда шли ее тумены через Рязань, оттого не гасли здесь пожарища, не успевали остывать пепелища и скудела людьми рязанская земля. Соперничало постоянно с Москвой и тверское княжество. Верные люди доносили Мамаю, что тверичи не желают становиться под знамена Дмитрия Ивановича.

Закончив всякие переговоры, решил хан, что настало время двинуться на Русь «со всеми князьями ордынскими, со всею силой татарскою и половецкою». С ранней весны начало собираться вокруг его ставки разноязыкое войско. Пешими и конными шли мусульмане-бесермены, живущие по берегам Итиля буртасы, черкесы и осетины-ясы, армяне и итальянцы-фряги из Крыма. Специально назначенные ханом люди считали прибывших, разбивали их на десятки, сотни и тысячи и передавали под начало опытных военачальников. К тому времени, когда настала пора выступать в поход, в войске Мамай было почти сто пятьдесят тысяч всадников и пеших воинов.

Противоречивые, непривычные для него чувства овладели в эти дни Мамаем. То крепла, росла уверенность в быстрой и легкой победе над, русскими, то вдруг неведомо откуда приходил страх.

Нет ничего вечного на земле. Не та стала Золотая Орда, иной сделалась Русь. Словно и не одно и то же время прокатило над ними свои клокочущие высокие волны. Мамай знал истоки своего страха перед грядущим: когда ссорятся в юрте родственники – им не хватает времени посмотреть, что делается у соседа. Пока чингизиды рвали Золотую Орду на части, сплетались в клубки, подобно степным гадюкам, русские княжества были заняты своими делами. У них тоже было беспокойно и тоже лилась кровь, но люди помнили, что, помимо распрей, есть у них общий враг – раскосый и жадный, беспрепятственно приходящий из безбрежных степей, владеющий их жизнью и смертью. Только сила ломает силу. И потому надо было искать выход. А дорога к нему была одна – единство.

С той поры, как княжить на Москве стал Иван Данилович Калита, словно подули иные ветры. Осторожно, исподволь начал он заигрывать с Золотой Ордой – чаще кланяясь, чем показывая гордость, и, не лентяя, оглядываться вокруг. И когда вечный недруг Москвы – княжество тверское поднялось против притеснений Чолхана – брата Узбек-хана, Иван Калита, не мешкая, поехал в Сарай-Берке.

Вернулся он оттуда с войском и повелением наказать непокорную Тверь, что и сделал, не мучаясь сомнениями, проявив железную волю и не выказав жалости. Тверской князь Александр Михайлович бежал в Литву. Позже он вернулся, но уже сами тверичи не могли простить ему трусости. Бояре же предпочли служить более сильному князю Ивану, видя в нем надежную защиту и опору. Иван Калита, чтобы навсегда сломить своего давнего врага, велел вывезти из Твери в Москву соборный колокол, голосом которого было принято созывать народ на вече.

Но не сразу удалось стать ему полновластным князем владимирским. Заслуги Ивана Калиты Узбек-хан учел, но, не желая его усиления, отдал ему только Новгород и Кострому. Суздальский князь Александр Васильевич получил Владимир, Нижний Новгород и Городец. Прошло еще немало лет, прежде чем стал Иван Калита единоличным хозяином «над всею Русскою землею».

Мамай уже хорошо помнил то время, когда великий князь приезжал в Орду. И подарком, и словом умел он угодить хану и ханшам, визирям и эмирам. Не было ни одного князя, который бы так исправно вносил в ханскую казну дани и поборы. Великая тишина стояла в его правление на всех подвластных ему землях. Казалось, что

нет у Орды более преданного князя. По первому требованию хана отправлялся он туда, где возникало недовольство Ордой, и, жестко покарвав непослушных, доставлял «злато и серебро». Сквозь пальцы смотрели правители Орды на то, что часть собираемой князем дани оседало у него в кремлевских подвалах.

Иван Калита подчинил себе Ростовское княжество и начал расширять свои владения, понемногу прикупая городки и деревеньки у соседей. Так очень скоро ему стали принадлежать Углич, Галич, Белоозеро с их округами.

Только сейчас понял Мамай, что хитрый, лстивый на слова князь использовал поддержку ордынских ханов для своей пользы. Хань превращались из хозяев в помощников московского князя, сами не ведая об этом.

В свое время, укрепляя Орду, хан Берке стремился сделать ее центром ислама. Но никто из золотоордынцев не обратил внимания на то, что подобное совершил и Иван Калита, когда лестью и угрозами перевел митрополита из Владимира в Москву и таким образом превратил ее в центр православия.

Странные дела стали твориться на русской земле. Наступило время «тишины великой», и татары прекратили «воевать Русскую землю и убивать христиан», которые отдохнули от «великой истомы, многих тягот и насилия татар». И, словно почуяв это, несмотря на то, что правил Иван Калита рукою жесткой, потянулись к нему горожане, и крестьяне, и служилые бояре. Утихли княжеские распри, не горели селения и хлебные нивы, и не слышно было горького плача на русской земле.

В отца пошли и сыновья его: Семен Иванович Гордый и Иван Иванович Красный. Хан Узбек с честью принял в своей ставке Семена и назначил его великим князем, отдав под его руку всех других русских князей. Преемник Калиты вел себя твердо и властно, и никто не осмелился перечить ему. И Семен, и брат его были постоянными гостями в Орде. Эх, знать бы тогда, чем все это обернется! Мамай бы собственными руками убил змеенышей и заставил бы мудрого Узбек-хана открыть глаза и посмотреть, что творили руки его. Но кто мог знать тогда, что все так обернется?!

Когда князь Семен умер, Орда вручила его брату Ивану Ивановичу не только право главенствовать над всеми остальными князьями, но и творить над ними судебную расправу.

Только внешне казалась легкой жизнь московских князей. Уладились дела с Ордой, а на смену им пришли другие заботы. Несколько раз отбивались от Литвы, от шведов и ливонских рыцарей, давили боярскую крамолу в Новгороде, да и со своею, московскою, пришлось расправиться люто. Зато в обмен на Лопасню, захваченную Москвою у Рязани еще до Ивана Калиты, князь Семен получил рязанские владения по реке Протве, города Боровск, Верею и другие. В крепкой узде были у Москвы княжества Владимирское и Костромское.

Когда от чумы скоропостижно скончался князь Иван Иванович Красный, казалось, силе московской пришел конец. Да и на что было рассчитывать, если оставил он после себя наследников мал мала меньше. Старшему Дмитрию было девять лет, младшему, Ивану, и того меньше. Московских бояр возглавил митрополит Алексин. В Орде в это время шли великие смуты, и потому ярлык на великое княжение довольно легко

получил суздальско-нижегородский князь Дмитрий Константинович. Выразили неповиновение Москве Тверь и Рязань.

Привыкшие властвовать московские бояре не успокоились. Не прошло и двух лет, как великой казной купили они у Орды ярлык для внука Ивана Калиты Дмитрия Ивановича. Сопротивление князя Дмитрия Константиновича было подавлено. Утвердившись на владимирском великокняжеском престоле и достигнув совершеннолетия, Дмитрий Иванович московский женился на дочери Дмитрия Константиновича Евдокии. Распри тотчас же были забыты.

Молодой князь за короткий срок сумел показать себя деятельным и решительным. Всякие попытки проявить своеволие пресекал он так же беспощадно и скоро, как и его дед Иван Калита. Дважды ходил на Москву литовский князь Ольгерд, объединив свою дружину с тверским князем Михаилом, и дважды вынужден был отступить, признав за Дмитрием Ивановичем право самому утрясать свои дела и разногласия с Тверью. И когда князь Михаил ухитрился получить вдруг в Орде ярлык на великое владимирское княжение, Дмитрий Иванович во главе большого войска решительно выступил против него. На Тверь вместе с московским князем пошли «со всеми своими силами» князья суздальский, ростовский, ярославский, белозерский, стародубский, брянский, тарусский и другие. Руку Москвы держали и князья смоленский, и черниговский, и другие русские князья, подчинявшиеся Литве.

Впервые произошло подобное на Русской земле. До той поры многие годы не знала она такого единения. Вела всех на Тверь обида на ее князя, что он постоянно ищет помощи у Литвы и Орды.

И, увидев, что «вся Русская земля восстала на него», а помощи ни от Литвы, ни от Орды нет, тверской князь признал над собой главенство московского и поклялся, что в случае надобности выступит с ним против татар.

Вскоре Дмитрий Иванович заключил крепкий союз на дни мира и войны с Новгородской республикой и жестоко покарал Рязанское княжество за нежелание признать его первенство. Через некоторое время в руках московского князя оказался весь торговый путь по Итилю, и главенство его над всеми русскими землями признал нижегородский князь.

Не ко времени и не к месту было поражение Бегича на Воже. Кто-кто, а Мамай знал, что воинов окрыляют победы. Сейчас, когда русские поняли, что они сильны, справиться с ними будет нелегко. Хан корил себя за то, что, занятый междоусобной борьбой, он просмотрел, как объединились русские князья. Надо было сразу, еще семь лет назад, когда Дмитрий отказался посылать в Орду дань, двинуться на него всей силой. Сейчас бы, имея за спиной покорные русские княжества, он бы без страха выступил против Тохтамыша и наверняка победил.

Но что было проку корить себя за то, что ушло безвозвратно. Сейчас нужны были уверенность и войско, чтобы повернуть время вспять и повторить деяния великого Бату-хана.

Собрав на совет своих нойонов и мурз, Мамай объявил им, что поход он начнет осенью. И еще было велено сказать воинам: «Ни один от вас не пашите хлеба, да

будьте готовы на русские хлеба».

Великому московскому князю Дмитрию Ивановичу о замыслах Мамаю стало известно рано. Все говорило о том, что Орда не захочет смириться с поражением Бегича, а потому, догадываясь, что Мамай попытается ударить неожиданно, еще весной отправил князь своих людей на реку Воронеж – приток Дона.

Весть о нашествии пришла в Москву в начале июля. Не мешкая, Дмитрий Иванович послал гонцов в княжества, которые были связаны с ним договорами писаными да устным словом крепким. Москва начала спешно собирать войско. Впервые так широко и всеохватно готовилась Русь отразить татарский набег, впервые почувствовала силушку великую и отчаянную решимость не подставлять покорно под кривые ордынские сабли свою шею. Гудели по всей земле русской набатные колокола, и шли по лесным да степным дорогам княжеские дружины, пробирались ватагами крестьяне и ремесленники – все держали путь на Москву. И каждый знал, что битва будет кровавой, потому что не как в прежние времена, не отрядом идет на Русь Орда, а всей своей силой.

К тому времени, когда Дмитрий Иванович отдал приказ выступать навстречу Орде, под его княжескими знаменами уже стояли с дружинами его двоюродный брат Владимир Андреевич – князь серпуховско-боровской, князя белозерский и тарусский, кашинский, брянский, новосильский, ростовский, стародубский, ярославский, оболенский, моложский, муромский... Пришли со своими отрядами воеводы: коломенский, владимирский, юрьевский, костромской, переяславский, бояре московские, серпуховские, переяславские, дмитровские, можайские, звенигородские, угличские, владимирские, суздальские, ростовские. Были в войске московском даже паны литовские. Дмитрий Михайлович Боброк-князь брянский и трубчевский – привел с собой хоть и небольшую, но сильную дружину, с князем полоцким – Андреем Ольгердовичем – пришла Белая Русь.

Не помнила еще Русская земля, чтобы под стяги одного князя собиралось такое огромное воинство. Ранее принято было ходить в походы только с дружинами, состоящими из воинов обученных; ныне же, помимо них, собрался под рукой Дмитрия Ивановича народ незнатный: кузнецы и кожевники, гончары и медники, пахари и бортники, смолокуры и прочий люд. Многие из них никогда не держали в руках меча, да и не имели пока его, надеясь на косы, топоры да на рогатины, с которыми привыкли ходить на лесного хозяина – медведя. Словно ложка дегтя в бочке меда было известие, что не прислали своих полков в московское ополчение княжества Тверское, Смоленское, да и многие другие. На треть бы могли увеличить они войско Дмитрия Ивановича, добрую могли бы сослужить службу, но князья эти свои обиды ставили все еще выше дела общего, а потому людей своих не пустили и решили ждать, чем дело кончится, надеясь, в случае победы Мамаю, свалить Москву и получить от Орды новые милости.

А люди со всех концов земли русской шли и шли в Москву. Днем и ночью пылали горны, был слышен перезвон молотов и наковален. Из Коломны, Тулы, Устюжны и других городов по трясским лесным дорогам катились возы, нагруженные мечами и

саблями, наконечниками для копий и стрел, кольчугами и щитами.

На совете близких к Дмитрию Ивановичу князей и бояр было решено собрать все дружины в Коломне на Успенье, к 15 августа.

Пристально следил за приготовлениями московского князя Мамай. В стане русских были его люди, и они, не мешкая, доносили обо всем, что там делалось.

Подойдя к Дону, золотоордынское войско остановилось. Отсюда Мамай отправил своего посла к князю Дмитрию Ивановичу. Он знал, что о его приближении на Москве уже известно, и, кто знает, быть может та грозная сила, которую он привел, напугает русских князей и они согласятся вновь покориться. Поэтому Мамай велел требовать, чтобы русские отказались от битвы и дали обет платить Орде дань в прежнем размере.

Князья ответили твердым отказом. Однако в скором времени дорогой ордынского посла заторопился в ставку Мамаю верный человек Дмитрия Ивановича – Захарий Тютчев. Вез он для хана богатые дары, «злата и серебра много». Хитер был посол князя. По дороге удалось ему проведать о том, что поступившие на Москву сведения о союзе между ханом, Литвой и Рязанью верны. Не мешкая, послал он к Дмитрию Ивановичу гонца. Выходит, что не лгал рязанский князь Олег Иванович, сообщая на Москву о том, что склонил его на свою сторону Мамай и что надлежит ему в нужный момент соединить свою дружину с полками великого литовского князя Ягайло и ударить по московскому войску с тыла.

«Кони ржут на Москве, звенит слава по всей земле Русской. Трубы трубят на Коломне, в бубны бьют в Серпухове, стоят стяги у Дона Великого на берегу, звонят колокола вечевые в Великом Новгороде... Съехались все князья русские к Дмитрию Ивановичу...»

Все, кто собирался в эти дни под стяги московского князя, недобрым словом поминали и рязанцев, и их князя Олега. Вся Русь забыла на время о своих обидах, копя силу, чтобы одолеть, наконец, ненавистную Орду. И великим позором виделась и боярину, и рядовому ратнику Олегова измена, его тайное решение соединиться с Мамаем. Негоже было так поступать. Не худородным князьком был Олег. Знатностью рода мог потягаться он с московскими князьями, потому что родоначальником рязанских князей был Ярослав Святославович, внук Ярослава Мудрого.

Конечно, всякому своя рубаха ближе к телу. Но ведь хорошо знали на Руси, чем заканчивались такие рассуждения. Косоглазая, жадная Орда раздевала княжества поодиночке. И уже не о рубахе приходилось тогда думать, а о том, чтобы хоть как-то сохранить животы свои и своих близких.

Так неужели гордый и строптивый Олег Иванович решил, что он умнее других и сможет обмануть Мамаю и, предав людей русских, тем самым отведет беду от своего княжества? А может быть, заиграли дрожжи старой обиды? Ведь когда в 1237 году двинул свои силы на Русь Батый, он прежде всего обрушился на приграничное Рязанское княжество и ни один из русских князей не откликнулся, не поспешил на помощь. Сама Рязань встала грудью на жестокого врага, и тысячи ратников сложили в неравной битве свои головы. Долгие годы потом вздымал ветер к небу пепел и золу с обезлюдевшей, залитой кровью Рязанской земли.

Крепок русский человек памятью. На Рязани хорошо помнили те 122 черные дни, помнили мученическую смерть своего князя Юрия Игоревича. И та память заставляла все время коситься на северные русские княжества и стараться решать свои дела обособленно, надеяться только на себя, на свою хитрость да на чудо.

Когда еще ордынская рука дотянется до других, а у рязанцев проклятая степь была под боком, и не только сам хан мог прийти, но и даже всякий темник позволял себе творить, что ему вздумается. С такими княжеская дружина могла справиться легко, да всегда жила опаска, что подумает и что станет делать ордынский хан, если посечь его воинство. Ничего не скажешь, тяжка доля Рязанского княжества.

Обо всем этом судили и рядили в эти дни и простые ратники и князья и бояре, собравшиеся со своими дружинами под руку великого Московского князя. Только Дмитрий Иванович хранил молчание, не порицая и не оправдывая князя рязанского, словно насовсем отринул его из своего сердца.

Дивно и непонятно все это было. Ведь кому-кому, а Рязани первой надо было бы стать под руку Москвы, чтобы навсегда избавиться себя от ордынского произвола. Вся Русь ненавидела Орду, а у рязанских людей та ненависть должна была быть во сто крат большею.

Конечно, были у Рязани и свои тяжбы с Москвою. Много лет делили и не могли поделить Лопасню. Но дела эти были внутренними и не вели к разорению обоих княжеств.

И сам Олег Иванович люто ненавидел Орду и как ни хитрил, как ни изворачивался, а бывало, кончалось его терпение и своим мечом рубил он им же сплетенную паутину. Так было, когда в 1365 году ордынский князец Тогай стремительным набегом захватил и пожег Рязань. Олег Иванович позвал тогда на помощь дружины пронские и козельские. Догнал Тогай у Шишевского леса и жестоко порубил его воинство.

Как ни смотри, что ни думай, а сама Рязань, в одиночку, никогда бы не справилась с Ордой, не отучила бы от набегов в ее земли, от грабежей и насилия. Большой силой становились княжества только тогда, когда объединяли свои дружины. И это видел всякий, кто хотел видеть. Разве бы испугался, разве бы запросил мира литовский князь Ольгерд, когда вместе с ордынскими туменами в 1370 году он решил идти на Русь, да увидел перед собой в едином строю полки московские и рязанские?

Но полного единения никогда не было между князьями. И Дмитрий, и Олег были молоды. За спиной у каждого стояли свои советчики – бояре, и никто не хотел признать старшинство одного княжества над другим. Споры из-за Лопасни и Коломны то затихали, то снова разгорались.

В эти дни, рассуждая об измене Олега, вспоминал кое-кто в Кремле, что было время, когда рязанцы, свирепые и гордые люди, до того вознеслись умом, что в безумии своем начали говорить друг другу: «Не берите с собою доспехи и оружие, а возьмите только ремни и веревки, чем было бы вязать робких и слабых москвичей».

И вспоминали еще про то, чем все это кончилось, когда сошлись московская и рязанская дружина на поле брани при Скорпищеве: «Тщетно махали рязанцы веревочными и ременными петлями, они падали как снопы и были убиваемы, как

свиньи. И так Господь помог Великому князю Дмитрию Ивановичу и его воинам: одолели рязанцев, а князь их, Олег Иванович, едва уехал с малою дружиною».

Но вспоминали люди не только плохое, но и доброе. Вспоминали, как в одном строю бились и москвичи, и рязанцы на реке Пьяне против мурзы Арапши и чашу горькую испили там вместе, как потом посекали степняков темника Бегича на реке Воже и погнали его прочь с русской Земли.

Те же, кто был горазд умом и подальше смотрел, не сорили словами, а больше слушали да приглядывались к тому, как поступит, что велит сделать Дмитрий Иванович. Шептались кое-где, что схитрил князь рязанский. И вовсе не Мамаеву сторону он держит, а не пошел с дружиною в Москву, чтобы не оставить беззащитной рязанскую землю. Будет Олег разводить турусы да убаюкивать лисий ханский ум словами сладкими до той поры, пока подойдет со своим войском Дмитрий Иванович к месту битвы, и тогда рязанцы придут, и вместе со всеми встанут под его державную руку, под боевые стяги.

Хранил упорное молчание великий князь московский Дмитрий Иванович. И даже не подумал что-нибудь сделать, чтобы помешать Олегу рязанскому сноситься с Ордою. А ведь мог помешать.

Кто может знать, кто может сказать, о чем думают князья? Все смешалось, все перепуталось на русской земле...

В ясный тихий день вывел свои полки из Кремля московский князь. Через Никольские, Фроловские и Константино-Еленинские ворота могучей рекой вылились они на запруженные народом московские улицы. По обычаю жены прощались с мужьями «конечным целованием», потому что не каждому суждено было вернуться после страшной сечи, а что будет она такой, в войске князя знали. Не на малую брань шли – все, что у нее было, двинула Орда на землю Русскую, всю силушку свою великую, и потому встали против нее впервые так заедино многие русские люди. Каждому было ведомо – не будет победы, не будет и жизни.

Едва миновав городские посады, войско Дмитрия Ивановича разделилось на три части. Великий князь повел свои полки к Коломне по серпуховской дороге, белозерские князья пошли по болвановской, остальное войско двинулось по брашевской.

В Коломне, на Девичьем поле, князь провел своим полкам смотр и в каждый назначил князей и воевод. Все имеющееся в наличии воинство было разбито на десятки, сотни и тысячи.

Не мешкая, выступила русская рать в поход. Полки шли берегом Оки, на запад, туда, где впадала в нее река Лопасня. По пути к Дмитрию Ивановичу постепенно присоединялись другие князья и бояре, и среди них был окольный Тимофей Васильевич Вельяминов.

Далеко вперед, в безбрежную, открывшуюся вдруг степь уходили сторожи – конные разведывательные отряды, состоящие из воинов опытных, отважных и сметливых. Им надлежало вызнавать, где находится и что замышляет хан Мамай.

25 августа, совершив переправу через Оку, на южную ее сторону, московский князь

двинул свое войско к Дону. У переправы остался с малой дружиной только Вельяминов, для встречи и указания пути продолжавшим подходить с разных сторон отрядам пеших и конных воинов.

Непонятно для многих вел себя Дмитрий Иванович. Путь, начертанный им для войска, огибал рязанские земли, хотя безопаснее было бы с такими огромными силами подмять под себя Олега Ивановича, вступившего в сговор с Ордой, и тем обезопасить свой тыл. Однако, кроме непонятного, виделся в действиях князя и глубокий смысл. Теперь, если бы и захотели, не просто было объединиться дружинам рязанским и литовским.

Хотя и с большой осторожностью, но стремительно шло русское войско.

Передовые отряды, высланные в глубь степи, приносили добрые вести – Мамай не ожидал скорого подхода русских полков. Все чаще вспыхивали между московскими и ордынскими разведчиками яростные короткие схватки, предвещаая скорую битву.

6 сентября Дмитрий Иванович остановил свое войско на берегу Дона.

Только много дней спустя узнает Мамай, как нелегко было решиться московскому князю перейти Великий Дон, какие горячие споры, какие страсти кипели вокруг этого решения. И сказал тогда Дмитрий Иванович тем, кто стал под его стяги:

– Лутче было не идти противу безбожных сил, нежели, пришед и ничто не сотворив, возвратитися вспять. Пойдем ныне, убо в сей день за Дон и тамо положим головы своя за братию нашу.

После совета, за одну ночь, через Великий Дон были наведены мосты и отысканы броды. 7 сентября все русское войско перешло на южный берег Дона близ впадения в него речки Непрядвы. И тотчас же запылали позади русских полков переправы, подожженные по приказу Дмитрия Ивановича: обратного пути, в случае поражения, не будет.

Сошурившись, весь подавшись вперед, смотрел Мамай на лежащую перед ним низменную равнину. Отсюда, с Красного холма, отлично была видна тускло поблескивающая излучина Дона. Высокие черные столбы поднимались над подожженными русскими мостами. Северный ветер ломал столбы, изгибал их, и сизые клубы дыма текли в татарскую сторону.

До самого конца надеялся Мамай, что русские не решатся переступить Дон и в самый последний момент запросят пощады, покорно склоня перед ним головы. Теперь же сомнений не оставалось – битва предстоит жестокая. Русским отступать некуда – позади широкий полноводный Дон, справа – быстрая Непрядва, слева – речка Смолка.

Ну что ж! Тем лучше! Русские князья сами уготовили себе гибель. Раз и навсегда можно будет покончить с ними. Тысячу лет станут восхвалять степные певцы подвиг хана и приравняют его к великому Бату.

Шевельнулась в душе тревога, но сейчас же сменилась раздражением и злобой. До сих пор не привел почему-то свои полки рязанский князь Олег, застрял где-то в пути великий литовский князь Ягайло. Ничего! Когда Мамай покончит с князем московским, он непременно разорит земли рязанские и двинет свои тумены на коварного литовца. Ханы не прощают измены. Пусть, как и прежде, все трепещет

перед Золотой Ордой.

С Красного холма было хорошо видно, как строились, готовились к битве русские полки. Вечернее солнце все ниже опускалось к краю земли, и розовый туман стелился над степью.

Опытным глазом воина Мамай без труда определил, что у русских около ста тысяч конных и пеших воинов. Значит, численный перевес был на его стороне.

С жадным любопытством следил хан за тем, как готовилось к битве войско московского князя: в центре встал большой полк, вперед выдвинулись передовой и сторожевой, обычное место которого позади главных сил. Теперь место сторожевого занял запасной. Справа и слева от большого полка встали полки правой и левой руки.

Без суеты выстраивалось русское войско. Мамай прислушался. Слитный тяжелый гул тысяч голосов был подобен рокоту вздыбленных ветром волн. Он катился грозным валом над степью и разбивался о подножье Красного холма.

Снова мелькнула злая мысль о Ягайло и Олеге рязанском. Что задумали коварные гяуры? С Олегом все понятно. Он боится Орды, но не менее страшны для него и свои, русские, а вот почему медлит литовец? Ему ведь даже во сне снится гибель русского войска? Что же тогда он не спешит, а ведет все время свою дружину поодаль от московских полков? Разведчики донесли, что теперь он вовсе остановился в однодневном переходе от места предстоящей битвы русских с ордынцами. Не в ворона ли решил играть великий литовский князь? Это было похоже на правду. И Русь ему ненавистна, и Орда. Сила у Ягайло немалая. Быть может, задумал он дождаться того часа, когда увидит на поле брани истекающего кровью победителя и, двинув на него полки, одним махом покончит с обоими своими врагами?

Солнце коснулось края земли, и красные щиты русских воинов, соединенные в одну бесконечную стену, особенно отчетливо стали видны на серой осенней равнине. С тоскливым пронзительным криком металась в светлом вечернем небе испуганные кулики. Пришло время вечернего намаза. Все мусульмане, что были в войске Мамаея, опустились на колени, обратив свои лица в сторону Мекки. Более ста тысяч молитв, торопливых и жарких, полетели одновременно к небу. И наверное, из-за этого аллах не сумел понять, о чем они, потому отвернул свое лицо от правоверных. Но никто в этот последний вечер, накануне битвы, о том не знал – ни хан, ни простой воин...

Ночь наступила рано. Она была по-осеннему холодна, и в темном небе ярко и пронзительно горели бесчисленные звезды. Отпустив после полуночи из своего шатра мурз, беков и темников, Мамай, зябко кутаясь в бараний полушубок, вышел на улицу.

Ночь дышала тревогой. В русской стороне было тихо, и хану вдруг сильно захотелось поверить в чудо, поверить, что войско московского князя неслышно снялось и ушло за Дон, но он знал, что это не так – высланные вперед разведчики уже давно бы принесли ему эту радостную весть.

Хан обернулся назад. В его лагере было беспокойно. Даже в темноте угадывал он, как суетились внизу люди, как спешили куда-то всадники и натужно скрипели колеса арб. Редкие огоньки костров слабо мерцали в ночи. Все здесь привычно, все знакомо. Воин-степняк не думает накануне битвы о смерти, он верит, что завтрашний день

станет для него днем богатой добычи. Так повелось со времен Чингизхана, так будет вовеки, если завтра аллах дарует им победу. О мертвых скоро забудут, и степь пришлет в войско новых джигитов, жадных до добычи и уверенных, что за них думает великий хан.

Завтра, на рассвете, начнется битва, и если победа будет за ним, Мамаем, ему больше не страшен никакой Тохтамыш. Удача смахнет его с лица земли, и вся Золотая Орда отныне будет принадлежать одному- властителю – хану Мамаю.

Мамай опять посмотрел в русскую сторону. Неодолимая сила влекла его туда, где лежало поле, на котором сойдутся завтра в смертельной схватке две огромные и яростные силы. Куликовым полем называют его русские. Завтра травы, все живое и даже сама земля превратится здесь в прах под копытами коней, под ногами людей. Кровь обильно польет поле. И даже через много лет будет всходить на нем лишь чахлая неживая трава, да белеть омытые дождями черепа и кости павших.

Тихо ступая, придерживая на груди полушубок, Мамай начал медленно спускаться с холма. Два великана туленгита из личной стражи молча последовали за ханом.

Мамай поднял лицо к небу. Холодно и колочее глянули в его глаза звезды. Он вдруг подумал, что, если бы сейчас потребовалось всю землю превратить в прах ради завтрашней победы, он не стал бы раздумывать и приказал бы своим воинам немедленно сделать это. Ради власти, ради золотоордынского трона, сыновья убивали отцов. Так имеет ли после этого хотя бы какую-то цену жизнь сотен тысяч воинов – своих и чужих?

Мамай вдруг замер. Ему послышался отдаленный топот коней. Он остановился и стал ждать. Замерли за спиной туленгиты, сжимая в руках копья. Где-то в вышине, между звезд, тоскливо и протяжно закричала совка. Мамаю показалось, что в темноте мелькнули неясные тени, потом почудились приглушенные человеческие голоса. Не оборачиваясь, он протянул в сторону туленгитов руку, и один из них, угадав желание хана, вложил в нее лук и длинную оперенную стрелу.

Мамай привычно и сильно натянул тетиву. С тонким свистом улетела во тьму стрела, в ту сторону, где ему почудились человеческие голоса. Хан ждал крика, стога, топота копыт, но вокруг по-прежнему было тихо. Он облегченно вздохнул. Выходит, что все ему померещилось.

И хотя опасности никакой не было, сделалось вдруг неуютно и одиноко в ночном поле. Мамай вдруг спросил себя: зачем пришел сюда – и не нашел ответа. Он повернулся спиной к невидимому во тьме русскому войску и торопливо стал взбираться на холм к своему шатру.

Не знал Мамай, что через два года, перед самой смертью, вспомнит он эту ночь на Куликовом поле, и неясные тени во тьме, и выпущенную наугад, в русскую сторону, бесполезную стрелу. И вспомнит рассказ русского купца, похожий на правду и на полуправду одновременно, как накануне битвы выезжали на поле великий князь московский Дмитрий Иванович и Дмитрий Боброк-Волынец, чтобы послушать, о чем поведает им родная земля. Приложив ухо к земле, услышат они крик и плач русских и татарских жен и поймут, что немногие вернутся с битвы. И еще будет дано им

знамение свыше о близкой победе...

Ссутулившись над крошечным костром, разведенным прямо посреди шатра, просидит всю долгую осеннюю ночь в одиночестве Мамай, терпеливо ожидая наступления утра.

Он не заметил, как задремал. А когда открыл глаза, увидел, что наступает рассвет. Зыбкий, тусклый свет просачивался е шатер. Мамай торопливо вышел на улицу.

Непроглядный, чадный туман закрывал весь мир, и не было видно ни земли, ни неба. Голова у хана закружилась, и он вытянул вперед руки, боясь упасть.

Где-то внизу, у подножья холма, уже проснулся и гомонил разноязыкий стан. Сквозь влажную, непроницаемую завесу тумана долетал едва уловимый запах гари – воины готовили еду.

Мамай с тревогой посмотрел в русскую сторону. Там по-прежнему стояла тишина, но он понял, что тишина эта обманчивая – просто густая черная пелена тумана глушила всякие звуки.

Хлопнув в ладоши, Мамай приказал посыльным собрать к нему в шатер мурз, беков, темников и батыров.

Ожидание близкой битвы возбуждало. Движения Мамаю сделались резкими, глаза сузились и смотрели теперь холодно и остро. Ушли сомнения и тревоги, мучавшие его всю ночь.

Совет на этот раз был коротким, потому что каждый хорошо знал, как и что ему надлежит делать.

И в русском стане давно не спали. Полки занимали отведенные им с вечера места, строились, выравнивали ряды. Глухо перекликались в мокром холодном тумане голоса, бряцало друг о друга железо, храпели и ржали кони.

С русской стороны, из-за Дона Великого, налетел ветер, и пелена тумана начала отступать в татарскую сторону, открывая Куликово поле. Глянуло с неба, наконец, осеннее солнце, и в его холодных, негреющих лучах тускло заблестели мокрые от росы остроконечные русские шлемы.

Звонко запели трубы, протяжно заиграли зурны, рассыпали свою частую и тревожную дробь барабаны.

Туман уходил все дальше от русских полков, и, наконец, открылось подножье Красного холма.

По склонам его, медленно и грозно, скатывались основные силы Мамаю – конница. Воины, одетые в черные доспехи из буйволового кожи, сидели на черных конях. В центре ордынского войска плотным, литым строем шла генуэзская пехота. Положив длинные копы на плечи идущих впереди, сомкнутыми рядами двигались они в русскую сторону.

Еще раз обвел глазами свое войско великий московский князь Дмитрий Иванович. Все полки были готовы к битве, и над каждым, указывая место, где находится поставленный во главе его удельный князь или воевода, ветер развевал знамя.

На виду у всего войска Дмитрий Иванович снял с себя великокняжеское платье и

доспехи и передал их юному боярину Михаилу Бренку, сам же надел платье простого воина.

– Становись, боярин, под княжеское знамя и береги его. Мне же не годится быть позади своих воинов.

Подчиняясь воле Дмитрия Ивановича, Михаил надел золоченые княжеские доспехи и встал под черный, расшитый золотом стяг.

Кто-то из воевод попытался отговорить князя от его задумки.

– Не становись впереди биться, но стань сзади, или на крыле, или где-нибудь в другом месте!

Лицо князя было бледным и строгим. Он оглянулся вокруг и увидел тысячи устремленных на него глаз. Голос его зазвенел:

– Да как же я скажу кому-нибудь: «Братья, встанем крепко на врага!» – а сам встану сзади и лицо свое скрою? Не могу я так сделать, чтобы таиться и скрывать себя, но хочу, как словом, так и делом прежде всех начать и прежде всех голову положить, чтобы прочие, видя мое дерзновение, так же сотворили с многим усердием!

Дмитрий Иванович тронул своего коня, и воины вокруг расступились, открывая ему дорогу туда, где стоял передовой полк.

Два огромных войска остановились друг против друга на расстоянии полета стрелы. С вершины холма, сидя на гнедом коне, облокотившись на лук седла, Мамай наблюдал за тем, что происходило на Куликовом поле. Обветренное, коричневое лицо его было непроницаемо, и никто в этот миг не мог бы угадать, что делается в его душе.

А хану вдруг стало страшно. Недобрые предчувствия стиснули сердце. И он с суеверным страхом подумал, что это не к добру. Никогда раньше он не испытывал ничего подобного. Отвага и дерзость руководили всегда его поступками. Сейчас, казалось бы, бояться было нечего – воинов у него было больше, чем у московского князя, да и русские сами устроили себе ловушку, оставив за спиной широкий Дон. Мамай верил, что нет такой силы, которая смогла бы противостоять его стремительной коннице, а конные полки русских сумеют остановить своими копьями смелые генуэзцы, ведь не даром привел он их из Крыма сюда, где встречаются лес и степь. Хан знал силу русских пеших полков и потому решил противопоставить им достойную силу.

До рези в сощуренных глазах вглядывался Мамай во все происходящее на Куликовом поле. Сейчас, по давней традиции, должен был начаться поединок между самыми сильными и ловкими воинами русского и золотоордынского войска.

Ожидание тяготило. Хан знал воина, который выйдет с его стороны. Много поединков было в жизни батыра Челубея, и ни разу он не изведal горечи поражения. И сегодня во что бы то ни стало он должен был победить. Что лучше победы Челубея вдохновит воинов? Каждый увидит в ней перст судьбы и волю аллаха.

Из рядов золотоордынцев с визгом вырвался вдруг на открытое пространство всадник и, осадив коня, подняв его на дыбы, крикнул:

– Эй, внук Калтали Имана², я до сих пор не вижу твоего богатыря, который бы осмелился вступить в поединок с моим! Чего ты ждешь?! Или тебе стало страшно?!

Мамай узнал во всаднике батыра из кипчакского рода кенегес Кенжанбая, отчаянного воина и задиру.

Мамай не слышал, что ответили русские Кенжебаю. Батыр резко крутанул своего коня на месте и помчался к золотоордынскому войску.

Словно порыв ветра прошел по русским полкам. Стоящие впереди пешие воины раздвинули ярко-красные щиты, и вперед неторопливо выехал всадник, одетый в монашескую мантию. Был он огромен, широкоплеч, русобород. Простой темный шлем был надет на его большую тяжелую голову, в руке он держал копье с коротким древком.

Кто-то из мурз, бывавших ранее на Москве, негромко сказал:

– Это Пересвет. Он человек главного русского муллы Сергия Радонежского...

Мамаю вдруг показались знакомыми эти имена. Он вспомнил – о них сообщал живущий на Москве преданный ему человек, болгарский купец. Этот Сергей Радонежский из Троице-Сергиевского монастыря благословлял князя Дмитрия Ивановича и его войско на битву с золотоордынским войском, он же и дал князю двух своих иноков-богатырей Пересвета и Ослябю, разрешив им при нужде нарушить монашеский обет и взять в руки оружие.

Хан хищно ощерился. Теперь он видел, как и от его войска отделился огромный всадник на черном коне.

– Челубей! Челубей! Че-лу-б-е-е-ей! – эхом долетели до него голоса с поля.

Грудь золотоордынского воина закрывала крепкая сетчатая кольчуга, надетая поверх стеженного из войлока жилета, на голове был низкий черный шлем с пучком птичьих перьев.

Какое-то время выехавшие для поединка воины горячили коней, то поднимая их на дыбы, то заставляя крутиться на одном месте. Великая тишина нависла над полем, и показалось Мамаю, что на миг даже остановилось в небе нежаркое осеннее солнце.

И вдруг, словно повинувшись неведомому приказу, воины бросили своих коней навстречу друг другу. Припав к гривам скакунов, выставив перед собой острые жала копий, плотно прижав к бокам локти, они, казалось, неслись по полю быстрее ветра.

Ударилась кони, встали на дыбы, пытаясь укунить один другого или ударить крепким, как железо, копытом, вылетели из седел всадники, глубоко вогнав в грудь друг друга копыя. Конь Пересвета, потеряв седока, умчался в сторону русских полков, конь же Челубея с пронзительным ржанием заметался по ничейной земле.

Тысячеголосый крик, похожий одновременно на стон и на рычание смертельно раненного зверя, метнулся к синему небу и, отразившись от него, как от каменной тверди, рассыпался над землей. Золотоордынская конница черной лавиной покатила на передовой полк.

Удар был страшен. Русские пешие воины не отступили, только вмиг, словно от

---

² Калтали Иман – так в Орде называли московского князя Ивана Калиту.

ураганного ветра, поредел их строй. Острыми наконечниками копий вспарывали они животы татарским коням, а там, где нельзя было повернуться с копьем, рубились саблями, сбивали всадников тяжелыми палицами. С лицом, залитым кровью, в измятых ударами доспехах, вместе со всеми дрался великий московский князь Дмитрий Иванович. И каждый воин мог его видеть...

«И была брань крепкая и сеча злая, и лилась кровь, как вода, и падало мертвых бесчисленное множество от обеих сторон, от татарской и русской. Не только оружием убивали, но и под конскими ногами умирали, от тесноты великой задохались, потому что не могло вместиться на поле Куликовом, между Доном и Мечей, такое множество сошедшихся сил», – так напишет потом летописец, свидетель той сечи.

А битва набирала силу, и от туч пыли, вставшей до неба, стало гаснуть солнце.

Несмотря на отчаянное сопротивление русских полков, татары все ближе подходили к тому месту, где под черным, вышитым горящим золотом стягом стоял в богатом великокняжеском одеянии Михаил Бренко. Вот уже и ему пришлось обнажить свой меч и шагнуть навстречу врагу. Подрубленное чьей-то саблей упало на миг княжеское знамя, исчез, словно утонул в бурлящей реке всадник, которого золотоордынцы принимали за князя.

На помощь большому полку, состоящему в основном из ополченцев, пришли владимирские и суздальские дружины воеводы Тимофея Васильевича Вельяминова. И сейчас же над головами сражающихся вновь взвилось великокняжеское знамя.

Отлично видел Мамай с вершины Красного холма, что, несмотря на то, что воины его продвинулись далеко вперед, центр русского войска не сломлен. И тогда, все так же сохраняя на лице бесстрастное выражение, он приказал ударить по русским полкам, стоящим от центра по правую сторону. Но и здесь его конница подобно валу, обрушившемуся на скалистый берег, оставляя на поле убитых и раненых, откатилась к подножью Красного холма.

Битва шла уже несколько часов, но никто бы не смог с уверенностью сказать, чье войско более близко к победе. Мамай понимал, что долго так продолжаться не будет. Воины устали, они изнемогают от жажды и, если сейчас, хотя бы на небольшом участке битвы обозначится успех русских, может произойти самое худшее... Велик соблазн у золотоордынского воина, сидящего на коне, повернуть его вспять и умчаться в степь, русским же отступать некуда – позади Дон. У русских нет иного выхода, кроме как победить или погибнуть.

И уже не скрывая волнения, охваченный непреодолимым желанием переломить ход битвы, Мамай повернул лицо к стоящему позади Кен-жанбаю.

– Повелеваю тебе ударить по левому крылу русского войска. Да поможет тебе аллах! Ты должен или принести мне победу, или умереть!

– Слушаюсь и повинуюсь! – батыр поднял своего коня на дыбы и помчался вниз с холма, туда, где стояли, дожидаясь своего часа, самые умелые воины, принадлежавшие к личной гвардии хана.

С воем, с криками, призывающими на помощь дух предков, взметнув над головами кривые сабли, помчались один за одним отряды всадников. Свежие кони летели

подобно птицам, и всякий, видевший это, понимал, что русским не устоять.

Вот он, долгожданный миг. Пройдет совсем немного времени, и побегут полки московского князя, а бегущего с битвы не может остановить никакая сила, и тогда устроит кровавый пир Мамай, и прикажет не оставлять в живых ни одного русского воина. Доблестные его тумены промчатся по княжествам, сметая на своем пути города, вытаптывая посевы, и снова, слабая и послушная, будет лежать у подножья золотоордынского трона Русь.

Сквозь редкие разрывы в гигантском облаке пыли Мамай увидел, как дрогнуло левое крыло русского войска и начало медленно отступать к Непрядве. Русские еще не бежали, но это уже было предрешено. Таял на глазах и запасной полк московского князя. Русских воинов почти не было видно. Их словно поглотила золотоордынская конница.

Мамай воздел руки к небу. Его тумены заходили в тыл главным силам князя Дмитрия. Теперь ничто не могло изменить исхода битвы. Мамай обернулся назад, чтобы посмотреть в глаза тех, кто стоял в эти минуты вместе с ним на вершине Красного холма. Но странное дело - он не увидел на их лицах радости.

– Возблагодарим аллаха! – крикнул хан. – Я заставлю князя Дмитрия...

Мамай не успел договорить. Один из его нукеров вдруг протянул руку с зажатой в ней камчой в сторону Куликова поля. Губы его дрожали.

Мамай резко обернулся. То, что он увидел, помutilо его разум, а глаза закрыл черный туман. Когда же зрение вернулось к нему, Мамай увидел, как от Зеленой дубравы, разворачиваясь на ходу и полумесяцем охватывая его конницу, мчалась русская конница.

Удар был столь неожиданным и мощным, что золотоордынцы не выдержали его. Отряд, еще недавно теснивший русские полки, распался на две части. Одна из них, даже не вступая в битву, повернула коней к Непрядве, ища спасения и находя вместо этого свою гибель в быстрых водах реки. Другая, почти не оказывая сопротивления, помчалась в сторону Красного холма, сменяя на пути генуэзскую пехоту.

Безумными, расширившимися от страха глазами смотрел теперь Мамай на происходящее. Случилось то, чего он так боялся. Бегство золотоордынской конницы словно дало новые силы русским, и уже не только на левом крыле, но и по центру, и справа московские полки повернули ордынцев вспять. Всадники в лисьих малахях, спасая свои жизни, прорубались саблями сквозь бегущую генуэзскую пехоту. Свои убивали своих.

Выдержка изменила Мамаю. Задыхаясь, с перекошенным ртом, он кричал, требовал ответа от своих приближенных, откуда взялось у русских свежее войско, почему никто не предупредил его о том, что князь Дмитрий спрятал в лесу десять тысяч всадников?

Московские полки гнали ордынцев по всему Куликову полю. На вершине Красного холма уже отчетливее слышался звон железа, стоны раненых и крики затаптываемых конями, мольбы о помощи.

И уже не желание победить, а хотя бы спастись, сохранить свою жизнь овладело Мамаем.

Он ударил изо всей силы камчой коня и помчался прочь с поля битвы, бросив на произвол судьбы свои тумены.

...«И побежали полки татарские, а русские полки за ними погнались, били и секли. Побегал Мамай с князьями своими в малой дружине. И гнали их до реки Мечи, а конные полки гнались до станов их и захватили имения и богатства их много», – напишет потом русский летописец.

И весь срок жизни, который даст ему судьба, будет Мамай возвращаться мыслями к Куликовской битве, искать ответа, почему удача отвернула от него свое лицо?

Бродя по сумеречным комнатам своего дворца в Кафе, со страхом прислушиваясь к шагам охраняющих его туленгитов, он будет вспоминать битву, и из увиденного им самим, и из услышанного от лазутчика болгарского купца сложится яркая и зримая картина всего, что произошло...

Нет, не отчаяние двигало великим московским князем Дмитрием, когда решился он выступить против Орды, не легкомысленная уверенность, что победить Мамай будет легко. Все продумал русский князь, до всего дошел мыслью. Оттого и поле для битвы выбрал такое, что нельзя было отступить в случае поражения. И засадный полк создал князь не случайно. Знал он, что сеча будет лютой, потому что золотоордынским воинам не откажешь в храбрости. Хорошо, когда сила равна силе, но у князя было намного меньше воинов, и потому призвал он на помощь воинскую хитрость. И момент выбрал удачный, терпеливо удерживаясь от соблазна, чтобы раньше времени не раскрыть засадный полк. И людей во главе его поставил опытных, мудрых: серпуховского князя Владимира Андреевича и князя Дмитрия Михайловича Боброка-Волынца.

Долгие часы ждали они, оставаясь глухими к мольбам воинов выйти и помочь сражающимся и гибнущим собратям. Зато, когда пришел урочный час, когда едва видное в облаке пыли солнце перешло на вторую половину дня, крикнул князь Боброк:

– Час прииде, и время приближесе! Дерзайте, братья и други!

Вспоминая, как вырвалась из леса русская конница, как прямо из рук ушла победа, в которую он уже успел поверить, Мамай скрипел зубами от бессильной ярости. Купец рассказывал, что на Руси люди говорят о том, что Зеленая дубрава близ Куликова поля выросла за одну ночь, чтобы укрыть русское воинство. Все врет чернь, все придумывает! Сколько раз останавливались глаза хана на этом лесу, когда смотрел он на поле битвы, но ни разу не пришла мысль о том, что там может быть спрятан засадный полк. Если бы все можно было начать заново! Но никому не дано повернуть время вспять. И не поднять павших в битве воинов, чтобы снова двинуть их на Русь. Мамай силился понять – откуда берется отвага у русских ратников? И не мог. Кочевник, отправляясь в поход, смел и неутомим потому, что надеется взять богатую добычу, русский же воин умирал нынче только за то, чтобы не отдать свое. Откуда было знать ему, степняку, привыкшему с презрением смотреть на все народы, которые не пасут скот, что уже нарождалось в людях понятие Родная Земля? Сам Мамай вырос в седле, и ему было хорошо везде, где была степь. Только в битвах, да за едой потел кочевник, и потому в его речи не было слов «земля, политая потом». Он никогда не облагораживал землю

сохой и не оплодотворял ее хлебным зерном. Изгнанный из одних мест, он легко находил себе родину в любом другом месте, где вдоволь было травы для его скота.

О многом думал Мамай и, не находя ответа, все больше распалял в себе ненависть к русским и клял судьбу.

Но все это было потом. А сейчас еще слышался за спиной топот погони и над головой, с пронзительным тонким свистом, пронеслись русские стрелы. Только за рекой Воронежем отстали преследователи. Медленно, словно слабые ручейки, стекались к Мамаю небольшие отряды и группы уцелевших в битве воинов. Торопливо уходил Мамай в сторону Крыма, туда, где стояли аулы кочевников.

Однажды вынырнул из степного марева отряд воинов, ведомых Кенжебаем. Но Мамай словно забыл, что требовал от батыра победы или смерти. Он подарил Кенжебаю жизнь.

Мамай ехал во главе своего войска и не замечал дороги. Умирили от ран, полученных в битве, воины, но это мало беспокоило его. Осунувшийся, с серым лицом, опустив плечи, сидел он в седле и не чувствовал, казалось, ни холодного осеннего ветра, ни частых обложных дождей, медленно и подолгу сеющих с хмурого низкого неба.

Бесконечным показался путь к родному аулу, что стоял в низовьях Днепра. И здесь, велев справить поминки по погибшим, Мамай распустил свое войско.

Уединившись в юрте, закрыв тундук – отверстие для выхода дыма в своде юрты, – Мамай несколько дней пролежал на кошмах, не притрагиваясь к еде. Когда же он, наконец, показался своим близким, лицо его все еще было хмурым, но в глазах снова появилось властное выражение, а это значит, что к нему возвращалась жизнь.

Первое, что он сделал, это послал гонца в Старый Крым, где находился посаженный им в свое время ханом Гияссидин Мухаммед. Гонцу было велено рассказать хану о том, как проходила битва, сколько пало в ней воинов и сколько ранено.

Этим поступком Мамай хотел показать Гияссидину Мухаммеду, что, несмотря на поражение, он по-прежнему силен и по-прежнему не считает себя обязанным повиноваться ему. Если хан хочет знать подробности, пусть сам приедет в ставку.

И еще приказал Мамай собрать на совет нойонов и старейшин подвластных ему родов. Очень хорошо знал он обычай степи, где малейшее проявление слабости могло обернуться непоправимой бедой. Увидев, что у повелителя сломаны крылья, его сразу же покинут даже те, кто еще вчера считался самым преданным и верным. Какой близкой была заветная цель стать единственным правителем Золотой Орды, вновь собрать под свою руку все растащенные чингизидами на улусы и ханства земли. Если бы не поражение от русских!..

Верные люди уже сообщили Мамаю, что Тохтамыш, узнав о том, что произошло на Куликовом поле, вошел со своим войском в земли, лежащие по берегам Итиля и еще недавно подчинявшиеся ему. Без битв и сражений стал он владеть тем, за что всю жизнь боролся Мамай. Он старался об этом не думать. Он верил, что все можно изменить, лишь бы не растерять то, что осталось, и собрать новые силы. А для этого нельзя было никому показывать свою слабость. Одно дело потерпеть поражение, но

заставить всех думать, что это случайность, и совсем другое – отказаться от борьбы, вызывая к себе жалость и презрение окружающих. По-прежнему рука должна быть твердой, речь властной, а поступки решительными.

Сейчас, для пользы дела, следовало забыть о Тохтамыше. Ничто так не возвышает в глазах людей, как победа над тем, от кого еще недавно пришлось бежать. Значит, снова следовало обратить свой взор в сторону русских княжеств. Русские показали, что вместе они сильны, но всегда ли они будут едины? Только теперь обязательно нужна победа, потому что второй раз подняться уже не удастся.

Еще не до конца придя в себя от поражения, Мамай думал о повой битве с русскими. Для этого он и велел собрать в ставку эмиров и старейшин родов.

Власть подобна соколу на твоей рукавице. Если умеешь им управлять, будешь разумен, то добычей твоей станет и свирепый волк, и красная лисица. Неумелое же обращение с птицей превращает ее железные когти в ничтожное украшение, и вместо добычи она начинает терзать падаль.

Мамай не был глупым правителем. Он умел подчинять себе людей, потому что умел побеждать врагов.

Одновременно с эмирами и старейшинами в ставку приехал Гияссидин-хан. Он был младшим сыном Бастемир-султана, ведущим свой род от пятого сына Джучи – Сибана. Широкоплечий, высокий, внешне сильный, Гияссидин был слаб душой и всегда робел перед Мамаем, сделавшим его ханом.

В двух соединенных между собой юртах собрались самые знатные люди кочевых родов, подчиняющихся Мамаю. Эмиры, батыры, бии в богатых одеждах сидели на разостланных кошмах, ожидая появления Гияссидина и Мамаю. И когда те, наконец, вошли в юрту, собравшиеся поднялись и склонились в низком поклоне, приветствуя хана и правителя, которого давно между собой уже тоже величали ханом.

Гияссидин и Мамай сели на почетное место.

Муфтий Крыма красивым, бархатным голосом прочел молитву в память о погибших на Куликовом поле золотоордынских воинах.

Склонив головы, в напряженном молчании, слушали собравшиеся слова, обращенные к богу, а когда муфтий умолк, провели, в знак печали, по лицу раскрытыми ладонями.

– Пусть услышат нас доблестные воины...

– Пусть земля им будет пухом...

– Пусть аллах откроет им врата рая...

Неслышно вошел в юрту темнолицый Кастурик-эмир и остановился у входа.

Глаза его встретились с глазами Мамаю.

– Ты сделал то, что я велел?

Кастурик наклонил в знак согласия голову.

– Введите его.

Четверо нукеров втокнули в юрту закованного в цепи, могучего сложения человека. Густая окладистая борода ниспадала ему на грудь, лицо было исклевано крупными оспинами, а один глаз закрывало синеватое бельмо. Многие из

присутствующих здесь знали косо́го Ивана. Он был русским купцом, торговавшим с Золотой Ордой. Не знали только эмиры, батыры и бии, что уже давно был этот человек глазами и ушами Мамай, не знали и того, что правитель Орды, несколько раз проверив его сообщения из Москвы и Рязани, во многом доверял ему. Именно Ивана спрашивал перед битвой Мамай о количестве воинов у московского князя, и тот твердо заверил его, что «у Дмитрия Ивановича более нет ни одного воина, кроме тех, что стоят на Куликовом поле». В суматохе битвы никто не заметил, куда делся косо́й Иван. Только случайно, при отступлении, наткнулся в степи золотоордынский отряд на купца и повязал его.

Молчание затягивалось. Мамай пристально смотрел на человека, которому еще недавно верил. Ему на миг показалось, что именно этот русский виноват в его поражении. Скажи он правду, и все могло быть иначе. Мамай бы совсем по-иному распорядился войском. С трудом справившись с охватившей его яростью, Мамай сказал:

– Ну, косо́й Иван, разве ты не знал, что у Золотой Орды длинный курук? Этой петлей мы ловим даже диких коней, неужели ты думал, что она не настигнет тебя, куда бы ты ни спрятался? Теперь ты, наверное, расскажешь нам все.

Пленник поднял опухшее от побоев лицо.

– О чем ты хочешь услышать?

– Тебе бы уже следовало догадаться, что нас интересует... – Мамай говорил медленно. Его все еще душила ярость. – Почему ты обманул меня и не сказал о том, что московский князь спрятал воинов в Зеленой дубраве?

Запекшиеся губы Ивана тронула едва заметная улыбка.

– Не захотел.

Мамай всем телом подался вперед. Он ожидал чего угодно: лжи, мольбы о пощаде, но не такого ответа.

– Ты не захотел!.. Быть может, и рязанский князь Олег тоже не захотел и потому предал меня!?

Косо́й Иван был причастен к сговору Олега и Мамай. Не раз ездил он между ставкой Орды и Рязанью с тайными поручениями. И потому неспроста задал ему этот вопрос Мамай.

Пленник отрицательно покачал головой.

– Нет. Князь Олег предал не тебя, а землю русскую. И его я обманул... Тому, кто предает, всегда страшно... Я сказал князю, что часть своего войска Дмитрий Иванович оставил в тылу и, если он пойдет на соединение с тобой, быть Рязани сожженной. Оттого Олег и не бросился к тебе на помощь. Своя рубашка ближе к телу... Зачем ему спасать твой горящий дворец, когда, того и жди, запылает собственная изба. Не будь так, не упустил бы он случая расквитаться с московским князем. Спор у них давний, смертный... Князь Олег что пес... Увидев, что обманулся, он по-мелкому, но мстил Дмитрию Ивановичу. Его люди разобрали построенные на Дону мосты, когда собралось московское войско в обратный путь с Куликова поля, его люди грабили по лесам московских ратников и глумились над ними...

– Чего хотел добиться этим Олег?

– Не знаю. Быть может, думал, что, оправившись после битвы, ты погонишься за Дмитрием Ивановичем... Всякое можно было думать... У московского князя едва половина воинов после битвы осталась... Ты же не оправдал надежд Олега, а как побитый пес, поджав хвост...

– Укороти язык!.. – крикнул нукер, стоявший рядом с пленником, и ударил его по голове рукоятью камчи.

Лицо Мамай потемнело. Мелькнула сумасшедшая мысль, что, быть может, действительно следовало, собрав рассыпавшееся по степи войско, ударить в спину московскому князю. Тот явно не ожидал нападения.

Косой Иван словно не заметил удара, а может быть, избитое его тело действительно не чувствовало уже боли.

– Обманулся в своих надеждах Олег... Орлом тебя посчитал...

Не отрываясь, Мамай смотрел на пленника. Давно бродила в душе мысль – небольшим войском напасть на рязанские земли, чтобы наказать Олега за измену. Но к чему косой Иван говорит так упорно про то, как мстил московскому войску рязанский князь? Не плетет ли он новую сеть обмана, чтобы увлечь в нее Мамай и тем самым спасти Рязань от набега? Все это предстояло обдумать, прежде чем принять какое-то решение. Сейчас даже такого неверного союзника, как Олег, не стоило терять.

– Только напрасно творит худые дела рязанский князь... Дни его сочтены... Дмитрий Иванович ничего не забудет... Не сегодня, так завтра найдет Олег свою гибель...

И снова была какая-то загадка в словах косоного Ивана. Если все так, то почему, возвращаясь с битвы, Дмитрий Иванович сразу же не разделался с Рязанью, а распустил свое войско и закрыл глаза на бесчинства, которые творил Олег?

– Подожди, – нетерпеливо и властно сказал Мамай. – Я сам разберусь с твоими князьями... Ответь мне, почему предал меня ты! Или я мало давал тебе золота?

– Плата твоя была щедрой... – пленник переступил с ноги на ногу, и в тишине негромко звякнули цепи. – Но ты не знал двух вещей...

– Каких?

– Первое. За золото можно купить золотой трон и даже счастье, но не человеческое сердце... Нельзя купить его любовь к близким, к отчей земле...

– Ты думаешь, что я полностью доверял тебе? – презрительно спросил Мамай.

– Я так не думал... Ты не мог верить мне, русскому, потому что не веришь даже своим друзьям по стремени: Бегичу, Карабакаулу, Кастурику и даже сидящему рядом с тобой Гиясидин Мухаммеду, поднятому тобой ханом... И второе... Я очень удивился, когда узнал, что ты не велел удалять меня из твоего войска, отправляющегося в поход. Я уже тогда понял, что ты не доверяешь мне. Ты решил напугать меня, чтобы я напугал московского князя... Мне действительно было страшно, когда я смотрел на проходящие мимо твои тумены... Пыль, поднятая копытами их коней, делала небо низким и серым... Я рассказал об этом Дмитрию Ивановичу. Но ни он, ни те, кто его окружал, не испугались. В русском войске каждый ратник знал, что пришел он на Куликово поле не для того, чтобы отнять у вас косяки лошадей и ваших баранов, не

для того, чтобы снять с мертвых одежду и доспехи... Каждый хотел жить и ради жизни готов был умереть... Смертью смерть поправ... – пленник ненадолго замолчал. Полуприкрыв глаза, он собирался с силами. – Быть может, ты хочешь знать, для чего я все это говорю? Ты уверен, что делаю это, чтобы спасти жизнь... Нет. Знаю, по вашим обычаям такого врага, как я, не щадят. Мне больше не придется говорить, но твои люди все равно проговорятся кому-нибудь об услышанном, и на Руси узнают, что не предал я родную землю...

Мамай словно пропустил мимо ушей сказанное косым Иваном.

– И все-таки, прежде чем я решу твою участь, я хотел бы еще раз спросить... Кроме тебя мне служили и другие русские, но никто не предупредил о замыслах князя. Неужели среди них действительно нет ни одного человека, которого бы не соблазнило золото?

Пленник тихо и хрипло рассмеялся.

– Таких найти всегда можно. Только Дмитрий Иванович поступил мудрее... Никто, кроме князя Владимира Андреевича Серпуховского да Дмитрия Михайловича Боброка-Волынца, не ведал о его задумке. Накануне битвы, в ночь, ушли их дружины в Зеленую дубраву. Ни остальные князья, ни простые ратники про то не знали. И потому русские воины, выйдя против твоих, бились до последнего, не надеясь на помощь, а полагаясь только на себя. Оттого и не оглядывались они по сторонам, и не сломились под натиском твоих туменов.

– Выходит, и ты не знал о засадном полке?

– Я не ведун, чтобы читать княжеские мысли...

– А если бы знал?

– Не сказал бы, – твердо произнес пленник.

Мамай зло расхохотался.

– Выходит, князь Дмитрий не доверял тебе?

– Не знаю... Быть может, он правильно поступал... А если бы стал пытаться меня? Человек сам не ведает, что может он и какие муки ему под силу. Уж коль я ничего не знаю, так жги меня хоть огнем, сказать мне нечего... Быть может, утаивая, князь Дмитрий сберегал мою душу от греха смертного – предательства...

Мамай задумался. Все, о чем говорил косой Иван, было в прошлом. Его не вернешь, как убежавшую в реке воду и плывущие по небу облака. Сейчас хана больше интересовал князь Олег. В борьбе с Москвой ему очень нужна была сильная рязанская дружина. Может быть, все и так, как говорит пленник, а быть может, и на этот раз он обманывает, хотя слова его очень похожи на правду. Если Олег враг Москве, то почему не растопчет его князь Дмитрий? Если же друг, то почему, при случае, поносят его худым словом «предатель»? Может, и здесь скрыта известная только двум князьям тайна, потому что каждый из них знает, что Орда не успокоится после поражения, а обязательно станет мстить и устраивать набеги. И такое могло быть.

Мамай вспомнил князя Олега. Высокий, русобородый, он умел подчинять себе людей, а главное – был тщеславен и честолюбив. Сколько приходилось встречаться с ним, всегда казалось, что нет человека, более люто и яростно ненавидящего своего

соперника – московского князя.. Кто, кроме Орды, смог бы помочь Олегу в борьбе с Москвой? Никто. Так почему же он предал и не пришел на Куликово поле?

Мамай опустил голову и задумался. Ясно вспомнил он то, с чего все началось.

Олег первым прислал к нему своего человека, и тот от имени князя предложил Мамаю в обмен на обещание не разорять более рязанскую землю платить ему дань в том размере, в котором давала ее Рязань Орде при хане Узбеке.

Тогда Мамай хотел с презрением ответить, что без всякого уговора он может взять у Рязани все, что пожелает, но пришла вдруг хитрая мысль использовать князя Олега против Москвы.

Если бы тогда знать, что Олег затеял двойную игру. А что это именно так, теперь хан не сомневался. Иначе почему, возвращаясь с поля Куликова победителем, московский князь Дмитрий не бросил свои полки, опьяненные успехом, на дружину Олега и не раздавил своего старого врага и изменника? Более того, как сообщали лазутчики, идя через рязанские земли, запретил настрого московский князь утеснять рязанцев и чинить им зло.

Изменил Олег. В душе всколыхнулась, поползла к горлу тугим комком ярость. Он с трудом овладел собой. Непонятно было одно – отчего не объявил народу московский князь о том, что Олег не предатель, а действовал с ним заодно? По всей Руси клянут люди рязанского князя, а Дмитрий молчит...

Откуда было знать бывшему повелителю Орды хану Мамаю, что произойдет совсем скоро, после того, как перережут ему в Кафе горло гонуэзцы.

А случится для многих непонятное. Великий московский князь Дмитрий Иванович заключит с Олегом договор о вечном союзе, а гордый рязанский князь признает его старшим братом. И еще Дмитрий Иванович приравняет Олега к Владимиру Серпуховскому, получившему после Куликовской битвы прозвище Храброго. Воистину есть чему дивиться, если Владимир Серпуховский, покрывший себя вечною славою, не взропщет на то, что к нему приравняли предателя. Значит, ведомо ему было то, чего не ведали другие, и не врагом считал он Олега, а единомышленником в борьбе с Ордой.

В году 1381 признает рязанский князь твердые границы меж московскими и его землями, установленные Дмитрием Ивановичем, поклянется быть против Орды и вероломной Литвы. Чудное творилось на Руси, где не принято было прощать предателей, а тем более заключать с ними союзы как с равными.

И еще не дано было знать Мамаю, что вновь в скором времени пересекутся дороги Орды и рязанского князя. Наступит тот день и час, когда новый властитель Золотой Орды – Тохтамыш – решит осуществить замысел своих предшественников и двинется на Русь, чтобы привести ее к прежней покорности. Первым об этом узнает Олег и пошлет своих верных людей к Дмитрию Ивановичу предупредить его о нашествии, сам же поспешит к Тохтамышу с изъявлениями покорности и предложением служить тому верой и правдой. И хан поверит Олегу рязанскому, потому что по всей Руси идет о нем худая слава как о предателе и лютом враге московского князя. И не нижегородских князей Василия и Семена послушается Тохтамыш, когда будет решать,

куда двинуть свое войско – вслед ли за Дмитрием Ивановичем, умчавшимся в Переяславль-Залесский собирать войско, или на Москву. Сам Олег вызовется указать хану короткий путь на стольный град московского княжества, тем самым приумножая свою худую славу. Прокляли его на Руси, назвав дважды предателем. И невдомек было ордынцам, что отводил их рязанец от того места, где собирал Дмитрий Иванович войско. Москва же с крепкими кремлевскими стенами и пушками была неприступна для степной конницы. И никогда бы не одолел ее Тохтамыш, если бы не нижегородские князья Василий и Семен, которые уговорили горожан открыть ворота и вступить в переговоры с ханом.

Слишком поздно понял коварство Олега Мамай, понял, когда уже не мог отомстить. Тохтамыш догадался раньше и, пятась от приближавшегося войска Владимира Серпуховского, уходя в степи, разграбил и пожег рязанскую землю.

Тяжко было князю Олегу. Не предатель земли русской, а ее лазутчик во вражеском стане, он должен был молчать и сносить хулу. Требовал народ жестокой кары, но ни Дмитрий Иванович, ни близкие к нему воеводы не подняли на Олега меча, тем самым без слов свидетельствуя, что ведомо им то, что неведомо и не должно быть ведомо другим.

И когда под нажимом своих бояр, в отчаянии, не ведая, что творит, пошел рязанский князь воевать Москву, не ответил ему дерзостью на дерзость Дмитрий Иванович, а прислал к Олегу мудрого Сергия Радонежского, игумена Троицкого монастыря. О чем говорили эти два человека, никто не знает. Только унялись вдруг рязанские бояре, и установился меж княжествами вечный мир.

И снова случилось чудное. В 1387 году вопреки людской молве поступил великий московский князь – отдал дочь свою Софью за сына Олега Федора. Но опять же ни единым словом не обмолвился, чтобы снять с рязанского князя тяжкий навет о предательстве. О чем говорили князья, породнившись, после свадебного пира? Наверное, опять об Орде, которая все еще была сильна и кочевала близ русских рубежей и смотрела на Русь раскосыми жадными глазами, ожидая удобного момента для новых набегов.

Не дано было знать об этом Мамаю. Сидя в шатре, он не ведал о своей скорой гибели. Он думал сейчас о рязанском князе Олеге и знал точно, что предал тот не Москву, а Орду, и все могло бы быть иначе, если бы... Сейчас же всем существом хана владела бессильная ярость и желание мстить.

Размышления Мамаю прервал хриплый голос пленника.

– У меня есть к тебе просьба, правитель Мамай...

Тот поднял глаза.

– Я устал жить... Прикажи своим людям не мучить меня... Пусть кто-нибудь оборвет нить моей жизни ударом ножа в сердце...

На миг ярость стиснула горло, но Мамай справился с ней. Губы его дрогнули в злой усмешке.

– Пусть будет так, как ты просишь... Ведь сегодня ты впервые сказал мне правду...

Нукеры, повинувшись его жесту, схватили пленника под руки и выволокли из юрты.

Мамай пристальным, долгим взглядом всматривался в лица собравшихся, словно пытаюсь угадать, о чем они думают и можно ли рассчитывать на их верность. Грузное его тело подалось вперед.

– Мы снова пойдём на Русь, – властно сказал он. – Для этого я собрал вас сюда. Золотая Орда не должна забывать обиды, и со времен Бату-хана всякого, кто поднимал на нее меч, она бросала под ноги своих коней.

Голосом, не терпящим возражения, Мамай, называя каждого эмира, бия и батыра по имени, указывал им, сколько и куда каждый из них был обязан привести воинов.

– Где батыр Кенжанбай? – спросил он, наконец.

Темнолицый Сакип-Тура, ведавший всеми делами Орды, поднялся с места и склонился в низком поклоне:

– Сегодня утром вернулся гонец, которого мы послали к батыру, чтобы пригласить его на совет. Кенжанбай и батыр из рода аргын Караходжа сняли свои аулы с насиженных мест и еще неделю назад ушли к Тохтамышу.

Мамай притушил вспыхнувший в глазах злой огонек. Новость была неприятной. Если уж самые близкие начали покидать его, то что ожидать от тех, кто подчинялся ему только из страха. Начало положено. Словно клочья гнилой кошмы под ударами ветра, попытаются завтра покинуть его другие роды. Неужели чуткий нос степняков уже почуял, что от него идет запах тления? Тохтамыш! Будь он проклят, да падет на него карающий меч аллаха! Ни на минуту не дает он забыть о себе. Бегство батыров – грозное предостережение.

Не желая показывать собравшимся своей растерянности и тревоги, Мамай сказал:

– Пусть будет так... Не стоит устраивать траур из-за того, что ничтожные Кенжанбай и Караходжа совершили предательство. Пусть воины седлают коней и точат сабли. Подобно орлам, набросимся мы на русские княжества. Сегодня они беспечны, потому что упиваются своей победой на Куликовом поле... Мы более не повторим своей ошибки и вернем себе славу непобедимых воинов...

Многого не знал в этот миг Мамай. Судьба не послала ему предостерегающего знака и не просветлила его ум, закрыв будущее плотной завесой тумана. Готовясь к походу на Русь, он видел не далее, чем летит выпущенная из тугого лука стрела.

Глава вторая

Резко повернувшись, Едиге быстрым шагом вышел из ханского дворца. Тохтамышу стало ясно, что его давний товарищ по стремени, гордый Едиге, ушел в ярости. Хан не видел лица батыра, но по тому, как высоко держал тот голову, как выпрямилась и окаменела его спина, без труда можно было догадаться, что обиделся он не на шутку.

Тохтамыш усмехнулся, Что ж, раз так случилось, стоит ли расстраиваться. Тем более он предполагал, что сегодняшнее дело именно так и закончится, потому что шел на этот шаг продуманно.

С той поры, как при поддержке Хромого Тимура объявил он себя ханом Белой

Орды, каленым железом жгла душу мечта завладеть всей Золотой Ордой. Чувствуя его силу и угадывая далеко идущие намерения, льнули к Тохтамышу эмиры, мурзы, бии и батыры из родов, кочевавших по просторам подвластных ему степей. Но хан не торопился ввязываться в борьбу с Мамаем. Тот был грозен и обладал достаточно большим войском, чтобы без страха выступить навстречу.

И теперь, когда весть о поражении Мамаю, разнесенная по степи словно сказочным крылатым тулпаром, достигла его ушей, Тохтамыш, не мешкая, двинул свои тумены в сторону Сарай-Береке и, не встретив сопротивления, занял его. Тот, кому принадлежала древняя столица Золотой Орды, по неписаному закону становился и ее ханом. Но Тохтамыш хорошо понимал, что называться ханом это еще не значит быть им. Мамай потерпел от русских поражение, но он по-прежнему владел большей частью земель, некогда принадлежавших Золотой Орде. В его руках оставался Крым, Северный Кавказ, низовья рек Днепра и Дона. На его землях стояли богатые торговые города Хаджи-Тархан, Азак, Кафа... Через них текло золото в казну Мамаю, а это значит, что пройдет совсем немного времени, и он вновь обретет силы, чтобы продолжить борьбу и с русскими княжествами, и с ним, Тохтамышем. Чтобы окончательно сделать Золотую Орду своей и объединить роды под одной рукой, как это было при Берке и других прославленных в степи ханах, следовало, не откладывая надолго, покончить с Мамаем.

Хорошо знал Тохтамыш сильные и слабые стороны своего врага, а потому тщательно стал готовиться к встрече с ним.

У него было большое преимущество перед Мамаем – не он потерпел поражение на Куликовом поле, а потому ему не приходилось все начинать заново. Но следом пришла ясная и пугающая мысль, что битву-то проиграл не Мамай, а Золотая Орда. Именно против нее поднялись русские, и совсем неважно, какой хан стоял во главе золотоордынского войска. Значит, даже уничтожив Мамаю, Тохтамышу предстояло, рано или поздно, столкнуться с Русью, чтобы снова бросить ее под копыта своих туменов. Получая земли, которыми сейчас владел Мамай, Тохтамыш получал и его заботы.

Услышав о бегстве от Мамаю батыров Кенжанбая и Караходжи, Тохтамыш сразу же велел привести их в свой дворец.

Он знал, что Кенжанбай принадлежал к роду кенегес, который когда-то кочевал в степях близ Кумкента и лишь лет пятнадцать назад ушел в земли, ныне подвластные Мамаю. Знал он и о том, что батыр дружен с Едиге, потому что в детстве они знали друг друга.

После обычных приветствий, положенных по степным обычаям, хан отпустил всех приближенных, оставив при себе только Едиге.

– Славные батыры, – сказал он. – Я хочу услышать рассказ о Куликовской битве от вас, видевших все своими глазами.

Рассказывать начал Кенжанбай. Тохтамыш слушал его, не перебивая, внимательно, стараясь все представить зримо, чтобы понять, в чем была главная ошибка Мамаю. И когда, наконец, батыр умолк, хан спросил:

– Так что же стало главной причиной поражения?

Кенжанбай нерешительно посмотрел на Тохтамыша, словно раздумывая, стоит ли открываться перед ним до конца. Потом медленно сказал:

– Мне кажется, что с русскими княжествами не стоило начинать войну.

Хан нахмурился. Ему явно не понравился ответ.

– Почему?

Батыр замолчал, словно собираясь с мыслями. Тохтамыш не выдержал первым.

– Не хочешь ли ты сказать, что русские княжества сделались настолько сильными, что Золотая Орда уже не страшна им?

– Даже сильный человек может стать на какое-то время слабым, если его одолел недуг... – уклончиво ответил Кенжанбай.

Тохтамыш понял, что имел в виду батыр, говоря эти слова. Золотую Орду раздирали междоусобицы.

– У Мамаю было войско, численностью превосходящее русское. И кроме того, конница, не знающая себе равных. В умелых руках она способна сокрушить на своем пути все... – нетерпеливо сказал хан.

– Все это так, но князь Дмитрий имел засадный полк, о котором ничего не знал Мамай...

Едиге покачал головой.

– Мне кажется, это была его главная ошибка. Воин, когда у него меньше сил, чем у врага, придумывает хитрость. Зная, что у русских бойцов не столько, сколько у него, Мамай должен был подумать об этой истине и побеспокоиться, чтобы князь Дмитрий не постарался именно хитростью уравниваться в силах. Врага всегда надо считать сильнее себя и никогда не верить глазам. И воинам нельзя говорить, что враг слаб, потому что это делает их беспечными, отнимает мужество. Времена меняются. Сейчас нельзя бросать в битву сразу все войско. Предводитель должен думать о неожиданностях и превратностях судьбы. Если бы так поступил Мамай и оставил в запасе достаточное количество воинов, десяти тысячный русский полк не смог бы повлиять на исход битвы.

Тохтамыш задумчиво посмотрел на Едиге. Все очень правильно говорил батыр... Воины не напрасно уважают его и всегда охотно выполняют приказы... Захочет ли такой человек долго ходить в эмирах, которому подчиняется только левое крыло золотоордынского войска?

Не замахнется ли он однажды на все? По уму он достоин стать лашкаркаши - командующим всего, подчиненного Тохтамышу, войска. Но такой человек опасен. В нем надо быть уверенным, как в себе самом, а потому Едиге следует испытать.

– Мамай поступил иначе, – сказал Кенжанбай. – Он сделал так, как привык делать – бросил в битву все силы, какие у него были, желая сразу же смять и уничтожить русских...

– Если бы они все были перед ним, быть может, так бы и следовало поступить... – возразил хан.

Никто не стал оспаривать сказанное Тохтамышем.

– И еще была одна ошибка, которая стоила Мамаю победы, – сказал Кенжанбай. –

Заклучив союз с литовским князем Ягайло и рязанским Олегом, он не проявил должной твердости, и они, почувствовав это, не пришли в назначенный час на поле битвы. А ведь войско каждого из них – это сильное войско.

– Гяуры! – проворчал Едиге. – Чего другого можно было от них ожидать...

– Меня интересует другое... Разве не знал Мамай, что невозможно опрокинуть вражеский строй конницей, если воины стоят плечом к плечу, оцетинившись копьями?

– Знал. И на этот раз он не бросил ее сплошным потоком на русских. Он построил свое войско в форме журавлиного клина, на острие которого находился отборный отряд из пятисот всадников, защищенных кольчугами. Даже кони имели железные нагрудники. Отряд должен был пробить брешь в рядах русского войска. Хотя бы небольшую и ненадолго. Стремительно развернувшиеся крылья клина охватили бы тогда распавшиеся полки и легко уничтожили их... Но русские устояли... Многие воины потеряли коней, а пеший степняк уже не воин. В рукопашной битве нет русским равных... Быть может, все закончилось бы и раньше, но нас было все-таки больше. Мамай велел попробовать заманить русских отступлением, но они не бросились в погоню и не нарушили свой строй. Было похоже, что князь Дмитрий угадывал все, что задумал Мамай, и не мы, а он определял, как должна идти битва. В один миг, когда Мамай послал на русские полки левой руки воинов из своей личной охраны, казалось, что, наконец, счастье улыбнулось нам. Это я видел сам, потому что был там. Но именно в это время появился засадный полк, и уже ничто не могло изменить исхода битвы...

– Неужели Мамай и вправду поверил, что московский князь поставил на поле битвы все свое войско? – спросил Едиге.

– Мне трудно отвечать за его поступки...

– Где же тогда был славный батыр Кенжанбай? – в голосе Едиге послышалась чуть заметная насмешка.

Тот вскинул голову. Он действительно считался одним из самых смелых батыров во всей Дешт-и-Киичак, а в стрельбе из лука ему вообще не было равных.

– Мы верили Мамаю.

Тохтамыш исподлобья посмотрел на Кенжанбая.

– Вы, наверное, и покинули его сейчас за то, что он не оправдал ваших надежд?

Вмешался молчавший до сих пор батыр Караходжа:

– Высокохотимый хан, что плохого в том, что мы со своими родами вернулись на землю предков?

Кенжанбай, скрывая обиду, сказал:

– Мы решили больше не оставаться среди ногайлинцев. Нас волнует судьба народа, который идет за нами. Хан, которого преследует неудача, непременно ввергнет подвластные ему народы в пучину бед и несчастий. Он мечтает о мести русским. Я видел битву своими глазами и потому знаю, что и на этот раз удача покинет его. Следует выждать время. Но сказать ему об этом мы не могли...

– Выходит, что Мамай снова готовит поход на Русь? Откуда он возьмет для этого силы?

Это был главный вопрос Тохтамыша. Именно для того, чтобы задать его, он и велел привести батыров во дворец. Прошедшая битва интересовала его постольку-поскольку. Важнее было знать, что замышляет Мамай, сколько он может собрать воинов и как относятся к нему люди подвластных родов. Золотая Орда никогда не станет прежней, если не вернет себе те земли, которыми владеет сейчас Мамай.

Многолюдны земли Сакистана и Крыма, генуэзцы дадут в казну золота столько, сколько Тохтамыш потребует, они же обеспечат его воинов доспехами и оружием, которое прекрасно умеют изготавливать их ремесленники. И вот когда Орда вновь станет такой же сильной, как при Джанибеке, тогда придет черед русских. А в том, что он одержит над ними победу, Тохтамыш был уверен. Затем наступит черед Хромого Тимура. Ненависть к нему переполняла сердце хана и, подобно углям, укрытым мягким пеплом, постоянно жгла душу. Пусть Тимур помог сесть на золотоордынский трон, пусть помогал много раз, когда было трудно, но чингизид никогда не станет подчиняться простому эмиру, а Золотая Орда не мелкое ханство, чтобы оставаться за пазухой у Маве-раннахра. Никто не смеет повелевать ею со стороны. Нужно совсем немного времени, чтобы, излечившись от междоусобиц, Золотая Орда снова стала сильной и острозубой, как матерая степная волчица. Тогда она легко разбросает в стороны и заставит поджать хвосты всех своих врагов.

Не показывая этого внешне, Тохтамыш был доволен, что в его земли вернулись два батыра, которые хорошо знают сильные и слабые стороны Мамаю. Он выведает у них все, что ему нужно, чтобы победить соперника.

Внимательно прислушиваясь к разговору, Едиге все больше мрачнел. Он тоже ненавидел Мамаю и жаждал его поражения, не собираясь оставаться в стороне от той борьбы, которая начиналась. Горький осадок в душе вызывала мысль, что снова предстоят битвы, где будет пролита с обеих сторон кровь одного и того же народа. Борьба за власть всегда жестока и безжалостна – хорошо знал об этом Едиге. Но сейчас, сидя во дворце Тохтамыша, он даже предположить не мог, что через годы его потомки не станут думать о том, о чем думает он. Во главе ногайлинских полков они прогонят родственников им по крови кипчаков с просторов Итиля и успокоятся лишь тогда, когда те уйдут в степи за Светлый Яик.

Едва сдерживая раздражение и глядя прямо в глаза Кенжанбаю, Едиге сказал:

– Куда вы побежите, если на этот раз потерпит поражение хан Тохтамыш?

Лицо батыра побледнело.

– Я пришел со своим родом на родную землю! Она здесь, в Орде! Ты лучше бы подумал о себе!..

Последние слова были брошены не случайно. Кенжанбай намекал на бегство в свое время Едиге из Золотой Орды к Хромому Тимуру.

Едиге не понравилась строптивость батыра. В детстве они росли вместе, но поскольку Едиге был сыном эмира, то в играх и драках он всегда оставался главным. Ему повиновались все, в том числе и Кенжанбай. А там, где есть повиновение, дружба всегда живет рядом с ненавистью и враждой. Все это скрыто лишь до поры до времени... Сейчас Кенжанбай был и сам знаменит в Дешт-и-Кипчак как батыр, а

потому больше не чувствовал своей зависимости от Едиге. Но не зря еще в детстве за находчивость и ум называли Едиге бием. Сделав вид, что ничего не произошло, он, стараясь быть мягким, сказал:

– Да, ты пришел не один, а со своим народом...

Но мягкость слов не произвела впечатления на Кенжанбая, не смягчила обиды. Глаза его были налиты кровью, а напряженное тело говорило о том, что в нем бушуют ярость и гнев. Почти двадцать лет не видел батыра Едиге, но и тогда, в детстве, Кенжанбай иногда походил на волчонка. Под внешней покорностью легко можно было угадать сильный характер, обидчивость и стремление идти к своей цели, какое бы препятствие ни вставало на его пути.

Едиге непроизвольно улыбнулся. Ему вспомнилось давнее, почти забытое...

Тогда они уже были подростками и совсем скоро им предстояло стать джигитами. Все чаще не сиделось дома, и они, оседлав коней, отправлялись на охоту. И так уж случилось, что однажды, отдыхая на берегу неширокой быстрой реки, Кенжанбай и юноша из его же рода Кокжалди увидели бегущую лисицу. Лука у Кенжанбая в этот момент не оказалось, и, пока он бегал за ним, лисицу подстрелил товарищ. Вот тогда-то, впервые, увидел Едиге глаза Кенжанбая – налитые кровью, гневные.

– Лиса должна принадлежать мне, потому что первым увидел ее я! – твердил он.

Кокжалди не захотел отдавать добычу. И тогда все обратились к Едиге, чтобы он рассудил их спор.

– Пусть будет так... – сказал Едиге. – Пусть лисицу возьмет з руки один из мальчиков, что сопровождают нас, и поднимет ее над головой. Стоять он должен там, где была лисица в тот момент, когда ее увидел Кенжанбай. Если он попадет в голову зверя, добыча будет его, если же нет, то она по праву принадлежит Кокжалди... Но есть и еще одно условие... – Едиге помолчал. – Если от стрелы погибнет мальчик, ты, Кенжанбай, заплатишь его родителям выкуп...

– Я согласен!

Едиге прищурился.

– Смотри... Подумай хорошо, прежде чем на это решиться. Что будет, если родители мальчика захотят получить кровь за кровь? Ты можешь потерять голову.

– Я согласен на все! – глаза Кенжанбая были безумны.

Он не промахнулся. Лиса досталась ему. И сейчас, вспомнив этот случай, Едиге подумал, что Кенжанбай может решиться на все, чтобы добиться своего.

От Тохтамыша не ускользнуло, что между Едиге и Кенжанбаем уже протянулась нить неприязни. Более удобного момента, чтобы унижить Едиге, пожалуй, трудно было бы и придумать. Хану вспомнились слова жены, красавицы Садат-бегим, которая уже давно, при каждом удобном случае, говорила ему: «Ты должен освободиться от Едиге. Во взоре его, когда он смотрит на тебя, я читаю недобрые мысли. Ты задумал отдать ему в жены дочь от покойной старшей жены, но едва ли это спасет тебя, если на уме его черные мысли. Быть может, он хочет стать ханом...» На все воля аллаха. Видимо, неспроста свела сегодня судьба всех этих людей в дворцовых покоях. Задумав ударить – бей.

Тохтамыш ласково посмотрел на Кенжанбая и Караходжу.

– Вы не сердитесь на слова Едиге, – сказал он. – Придет время, и вы поймете, почему он говорит так... Я доволен, что вы вместе со своим народом вернулись на землю своих предков, и потому разрешаю вам выбрать для кочевков любое урочище, а поскольку путь ваш был неблизок и люди натерпелись лишений, я на два года освобождаю ваши роды от уплаты всяких налогов в мою казну. И еще... – Тохтамыш сделал вид, что глубоко задумался. – Я повелеваю тебе, Кенжанбай, и тебе. Караходжа, всегда находиться при мне. Отныне вы будете главенствовать над семьей батырами: двумя Даулетами, Кудайберды, Кобланды, Шуаком, Уаком и Шори. Они главная моя опора, на них держится остов Орды.

Услышав слова Тохтамыша, Едиге побледнел. Он-то хорошо знал, что скрывалось за пышными словами хана. Каждый из названных батыров возглавлял полк, набранный из подвластных им родов. Все вместе они составляли войско левого крыла Орды. Значит, отныне Кенжанбай становился их лашкаркаши, отныне войско будет подчиняться во всем ему одному, не считая, конечно, хана. Но ведь по тому, что Едиге совершил за все годы для Золотой Орды, это право принадлежало только ему. Более жестокую месть для самолюбивого нойона трудно было придумать.

Тохтамыш заметил, как помрачнел Едиге, и понял, что удар он нанес жестокий и рассчитал все верно. И, чтобы еще больше насладиться мстостью, чтобы еще больше унижить нойона, повернув к нему лицо, спросил:

– Как ты считаешь, Едиге, верно ли мое решение?

Мертвенная бледность заливала лицо нойона, но он справился с собой и твердым голосом, холодно ответил:

– Высокочтимый хан оказывает мне огромную милость, спрашивая у меня совета... Мудрость его велика... Кенжанбай достоин даже большего, чем то, чем вы его пожаловали...

Едиге медленно поднялся с ковра и, не поклонившись, как это было принято при расставании с ханом, а лишь слегка наклонив голову, пошел к двери.

Мстительная улыбка тронула губы Тохтамыша. В комнате наступила томительная, гнетущая тишина, словно из нее только что вынесли покойника. Недоброе предчувствие, мимолетное сомнение в правильности своего поступка вдруг шевельнулись в душе хана, но он легко прогнал их прочь. Ведь не только он жаждал унижения Едиге, этого же хотела и Садат-бегим. Не могут они ошибаться одновременно. Голос судьбы, не иначе, ведет их этим путем. Откуда было знать Тохтамышу о том, что случилось десять лет назад. Об этом стоило бы спросить Едиге и Садат-бегим, но они никогда и никому об этом не расскажут, потому, что если даже единомышленники со временем становятся врагами, они за семью печатями хранят то, что может стоять им головы.

Если бы Тохтамыш умел заглядывать в прошлое, он бы увидел...

...На исходе ночи, когда луна торопится за край земли, чтобы не показывать свое бледное усталое лицо розовощекой заре, по берегу бурной Джейхун ехал всадник в сопровождении самых преданных ему нукеров.

Рассвет был уже близок, и путники спешили. От реки тянуло зябким студеным ветерком, и слышно было, как рушились в воду подмытые глыбы берега. О такой поре рассказывает древняя степная песня.

Совсем уже близок светлый рассвет.

Ветер прохладный травы ласкает.

Всадники с сопки в низину спешат,

Камчою коней погоняют.

Вниз ниспадают гривы коней,

Бока их в горячей пене.

Джигит молодой впереди на коне,

Красивый и стройный, как тополь...

Только на этот раз впереди не молодой джигит, а зрелый тридцатилетний мужчина. Горбоносое лицо его красиво, острые глаза пристально вглядываются вперед. Сидит он на коне уверенно, чуть боком, как обычно ездят степняки, когда предстоит неблизкий путь. Порой никому не видная во тьме улыбка трогает его губы, и он начинает поторапливать коня несильными ударами камчи.

Едиге очень хорошо знает, кто ждет его впереди. В условленном месте, в густых зарослях прибрежных тугаев, встретится он с красавицей Садат-бегим, девушкой из рода мангит, дочерью Сидак-бия – даргуши из небольшого города. Пять месяцев назад, на большом степном тое, увидел впервые ее Едиге. Любовь может все. Они сумели отыскать друг друга и договориться о встрече. Но такова уж судьба воина. Едиге в то время находился на службе у Хромого Тимура, и спешные дела помешали ему выполнить свое обещание. Садат-бегим была красива и находилась в том возрасте, когда девушка напоминает спелое яблоко, готовое от первого прикосновения сорваться с ветки и упасть под ноги. Медлить со встречей было нельзя. Едва он вернулся в ставку эмира, как ушей его достигла новость о том, что Сидак-бий собирается выдавать свою дочь за Тохтамыша. Через верных людей он дал девушке знать, что хочет с ней встретиться, и она, как и в первый раз, согласилась. Вот куда держал теперь путь Едиге, вот на какую встречу торопился.

Недалеко от условленного места Едиге отдал коня нукерам, а сам пробрался сквозь заросли к реке. Садат-бегим не обманула его. Она ждала. Земля еще была окутана предрассветными сумерками, но Едиге увидел девушку издалека. В мягком полумраке, одетая во все белое, Садат-бегим показалась ему цветком, омытым утренней росой. Руки их встретились, и в тот же миг они почувствовали тела друг друга, горячие, истомленные желанием.

Едиге что было сил стиснул хрупкие плечи девушки, и она не сказала ему, что ей больно, и воин понял: Садат-бегим его...

Они поднялись с земли лишь тогда, когда край неба запылал от раскалившего его близкого солнца, а лесная чаща наполнилась пением проснувшихся птиц. Лицо Садат-бегим было бледно, губы искусаны, а глаза, как тихие озера, были до краев налиты покоем.

Едиге вдруг холодно и хмуро посмотрел на красавицу. Слова его были тяжелы и

отрывисты:

– С кем ты встречалась до меня?

В глазах Садат-бегим мелькнула тревога, но она быстро потушила ее и тихо рассмеялась. Заглядывая в лицо батыра, сказала:

– Разве я была не хороша?

– Я не сказал этого...

– Тогда зачем спрашиваешь? Если желанна я тебе, посади на коня и увези в свою юрту...

Едиге угрюмо молчал.

Садат-бегим вдруг резко вскинула голову. Золотые и серебряные монеты, вплетенные в ее длинные косы, негромко зазвенели.

– Хорошо!.. Если ты хочешь знать!.. До тебя я была близка только с Тохтамышем!..

– Как это случилось? – голос батыра сделался хриплым.

– Это случилось четыре месяца назад...

– Ты хочешь, чтобы надо мною стали смеяться люди, когда мне придется нянчить чужого сына?

– Но я не беременна!..

Едиге отвернулся и, продираясь сквозь заросли, не выбирая дороги, пошел прочь.

Полными горя глазами смотрела вслед ему Садат-бегим. Это был конец. Она прекрасно понимала, что отныне ей не быть женой батыра. Он слишком горд, чтобы забыть измену.

Только не суждено было оборваться до конца этой связи. Уже став женой Тохтамыша, многие годы, когда выпадал счастливый случай, они встречались ночью порой. Нет на свете такой преграды, которая бы остановила влюбленную женщину, мечтающую о жарких объятиях любимого человека. И чем труднее препятствие, тем смелее и отчаяннее становится она, стремясь к своей цели.

И если Едиге подолгу не было рядом, Садат-бегим начинала терять разум. Каждый день становился для нее бесконечным, тяжелым и серым, похожим на камень, который надо вкатить на вершину горы.

Другие мужчины были для нее безразличны, ничьи ласки не могли успокоить горящую душу и жаждущее тело Садат-бегим.

Именно в это время умерла старшая жена Тохтамыша, и, по степным обычаям, ее место отныне стало принадлежать Садат-бегим.

Или прошедшие годы, или новое положение главной хозяйки ханского дома сделали отныне Садат-бегим более спокойной и осмотрительной. Она по-прежнему тосковала об Едиге, но теперь ее любовь стала похожей на огонь очага, в который дрова подбрасываются спокойной и умной рукой.

Но когда до Садат-бегим дошел слух, что Едиге тайно встречается с Жанике – дочерью Тохтамыша, рожденной от его первой и ныне покойной жены, благоразумие вновь оставило ее. Сильнее прежнего возжелала она батыра.

Однажды, когда в летнюю пору аулы Садат-бегим и Едиге оказались вблизи друг друга, она не выдержала и сама послала к нему верного человека, прося о встрече.

Они встретились на закате солнца, на дне глубокого сухого оврага. Никогда не видела Садат-бегим таким угрюмым и хмурым своего любимого. Она бросилась навстречу ему, раскинула руки, чтобы обнять, прижаться к его могучей груди жарким телом, но Едиге отстранил ее.

– Подожди! – с плохо скрытым раздражением сказал он. – Нам больше не надо встречаться! Тебе пора остепениться, потому что ты уже не настолько юна, чтобы бегать в степь на свидания.

Овраг был до самого края налит вечерней мглой, и Садат-бегим показалось, что не слова падают из уст Едиге, а холодные страшные змеи. И змеи эти обвивают ее, подбираются к груди, к горлу и давят, давят, мешая дышать. Мертвенная бледность залила ее лицо.

– Как ты можешь говорить такое?.. – голос женщины вздрагивал и ломался. – Ты просто променял меня на Жанике! Ты предал!..

– А что в этом плохого? – с вызовом, грубо спросил Едиге. – Разве игривая Жанике хуже тебя? – и, словно мстя за прошлое, добавил жестко: – Ты мне надоела!..

Садат-бегим схватила себя за горло, пытаясь унять рвущийся из груди стон.

Батыр, не взглянув на женщину, повернулся и пошел прочь. Она долго смотрела, как взбирался он по тропе на крутой склон оврага, как придерживал бьющую по бедру кривую саблю, как катились из-под ног сухие комья бурой земли... В ушах гулко и часто звучала последняя фраза, сказанная Едиге: «Ты мне надоела!»

Не знал, не ведал батыр, какой ценой заплатит он за свои слова, не знал, что нет страшнее врага, чем покинутая женщина. Подобно змее, вылезет она из своей кожи, лишь бы отомстить за измену. Ей, старшей и любимой жене хана, было доступно многое.

Высоко, на кромке оврага, мелькнуло в последний раз сильное тело Едиге, а белые, вздрагивающие губы Садат-бегим прошептали ему вслед:

– Подожди, Едиге-мирза, за свои слова ты еще ответишь мне!..

Откуда обо всем этом было знать Тохтамышу – новому хану Золотой Орды?.. Кто бы осмелился даже среди тех немногих, знавших правду, рассказать ему о Садат-бегим – любимой жене и Едиге – верном и храбром эмире?

Невелика речка Калка. Далеко ей до своих братьев Великого Дона и могучего Итиля, но так уж уготовлено ей судьбой, что дважды видели ее берега то, что не дано другой, более знатной реке, увидеть даже однажды. В 1223 году (году овцы) в месяц июнь, одиннадцатого числа, встретились на берегу Калки монгольские тумены, ведомые батырами Джебе и Субедеем, с объединенным войском русских и кипчаков. Здесь одержали они первую победу в незнакомом краю, проложив тем самым путь на Русь кровожадным туменам Бату – основателя Золотой Орды.

И вот, когда минуло полтора столетия после той яростной битвы, судьбе было угодно, чтобы именно здесь встретились войска золотоордынского хана Тохтамыша и правителя Крыма – Мамая. Теперь им, потерявшим ставшую сильной и крепкой Русь, предстояло решить давний спор, кому владеть тем, что все еще именовалось Золотой

Ордой.

Десятки тысяч воинов на низкорослых гривастых конях неспешно тянулись с двух сторон к берегам реки. Заканчивался апрель. Сквозь рано подсохшую землю уже пробивалась густая щетина молодой травы и первые цветы, еще бледные и неяркие, тянули свои головки к сверкающему щедрому солнцу. Ничто, казалось, не предвещало грозных событий.

Угрюмо осматривал Мамай окрестности. На душе его было тревожно и беспокойно. Словно ураганный ветер унес ту решительность и уверенность, которые он обычно испытывал перед сражениями. Во всем были виноваты проклятые русские – картины битвы на Куликовом поле преследовали его днем и ночью. И еще тревожило Мамай то, что без азарта шли в поход его воины, видимо, и они хорошо помнили ярость русских воинов и еще не забыли дыхание близкой смерти, и знали, что второй раз чуда может и не случиться, а значит, не выручат даже быстрые кони.

Без охоты ехал на новую битву и сам Мамай. Он чувствовал, что время сразиться с Тохтамышем еще не пришло. Он был уверен, что если будет тихо сидеть в своих владениях, то новый золотоордынский хан, лишивший его власти, еще долго не решится напасть. Нужен был хотя бы еще один спокойный год, чтобы воины, уцелевшие в битве с русскими, забыли страх, надо было набрать новых и научить их правилам боя. О встрече с Тохтамышем Мамай даже боялся думать. Прежде надо было расплатиться за пережитый позор с русскими, вновь заставить признать его власть. Вот тогда-то... Но Тохтамыш не собирался ждать. Его воины устали от белделья, им хотелось добычи, они жаждали крови врага, и потому им снились лихие скачки, звон сабель и храп взметнувшихся на дыбы коней. Этого хотели воины... Но дальше всех смотрел их хан. Он боялся, что время снова сделает Мамай сильным, а тогда трудно будет предсказать исход борьбы. Именно поэтому двинул Тохтамыш свои тумены во владения правителя Крыма, и тому ничего не оставалось другого, как выступить навстречу приближающемуся врагу. И снова на монгольском и кипчакском наречии, как и много лет назад, зазвучало слово Калка.

Где-то в глубине души, сквозь все чаще охватывающее Мамай отчаяние, пробивалась робкая надежда, что битва не состоится. Нередко бывало в степи, что в самый канун сражения два войска, не сговариваясь, расходились в разные стороны. Каждый предводитель обычно легко находил после объяснение своему поступку, и никто не решался усомниться в его правильности.

Человека, которого однажды укусила змея, страшит даже полосатая веревка; воина, недавно испытавшего поражение, перед новым сражением всегда мучат сомнения. Едва войско Мамай достигло берегов Калки, Мамай послал гонца к Тохтамышу с такими словами:

– У нас, у обоих, почти сто тысяч воинов. Завтра нить жизни многих из них оборвется. Причиной тому будем мы. Не лучше ли нам, чтобы решить давний спор, если, конечно, ты не боишься, выйти завтра на поединок? Пусть аллах и судьба, которую он держит в своих руках, решит, кому должна принадлежать победа и Золотая Орда. Победителю же обязаны будут подчиниться оба войска. Тот, кто станет его

предводителем, пусть велит воинам повернуть свои копыта в сторону внешних врагов Орды, и прежде всего против неверных гяуров – русских.

Не в обычаях степных владык было так говорить. Их долг был повелевать и не думать о судьбах воинов. Поэтому непонятен и дик был поступок Мамаю. Чем руководствовался он, посылая своего гонца к Тохтамышу, никто не знал. Быть может, он не верил в свою победу, а быть может, чувствуя близкий конец, решил лучше с честью пасть в поединке, чем умереть где-нибудь в овраге во время бегства прирезанным собственным нукером-изменником, решившим купить свою жизнь за его голову.

Когда люди Мамаю прибыли в стан Тохтамыша, хан только что вернулся с осмотра своего войска, готовящегося к завтрашнему сражению. Рядом с ним были батыры Едиге, Кенжанбай, Урусходжа.

Тохтамыш не пригласил послов в походный шатер, а велел им говорить слова, посланные ему Мамаем, прямо на улице, перед всеми.

Кастурик, бледный, как будто из него выпустили всю кровь, слово в слово передал послание правителя Крыма. Те, кто окружал Тохтамыша, затаили дыхание. Едиге из-под нахмуренных бровей с интересом наблюдал за ханом, ожидая его ответа. Глаза Тохтамыша вдруг встретились с глазами батыра, и он угадал, о чем думал Едиге. Дикая злоба вспыхнула в нем, и он едва справился с ней. «Ты думаешь, обиженный батыр, что я откажусь от поединка?! Жизнь сладка!.. Ты ошибаешься во мне!» На миг показалось, что, пожалуй, стоит принять предложение Мамаю, потому что сила еще есть в руках, а сидит он в седле по-прежнему крепко и уверенно, как это было в молодости, но Тохтамыш сейчас же подавил в себе это желание.

Переводя взгляд на Кастурика, он сказал властно:

– Разве не знает Мамай закона степи, что хан никогда не выходит на поединок с простолудином? Разве Мамай забыл, что я чингизид, а он низкого происхождения? Голову простого человека снимет простой, голову хана – хан. Если же он хочет узнать, как я владею мечом и точна ли моя стрела, пусть выйдет на поединок чингизид, равного мне по крови, Гияссидина Мухаммеда – хана Крыма.

Подобие улыбки тронуло губы Едиге. Он знал, что Тохтамыш поступит именно так и не рискнет подставить свою голову под меч Мамаю. И Гияссидин Мухаммед никогда не решится на поединок, потому что он труслив и умрет раньше, чем обнажит свой меч.

Коротко глянув на Едиге, Тохтамыш сказал:

– Если Мамай не знает, куда деть силы, то пусть он выйдет на поединок с моим эмиром Едиге. Они равны по происхождению. Каждый должен помнить, кем были его предки.

Это были слова, сказанные уже не только для послов, но и для Едиге, слова, в которых сквозило желание еще раз унижить перед всеми батыра.

Тохтамыш ожидал, что самолюбивый Едиге сорвется, ответит дерзостью, но тот лишь наклонил голову и, чуть выдвинув меч из ножен, снова вогнал его на место, тем самым показав, что готов выполнить волю своего повелителя.

– Передайте Мамаю, – жестко сказал Тохтамыш. – Завтра, с восходом солнца, я

двину свои тумены. И каждому, кто встанет на моем пути, не будет пощады!

Кастурик не проронил ни слова. Едва заметно наклонив голову, он повернулся и начал спускаться с холма. Сопровождающие его батыры простились с ханом низким поклоном и тоже заспешили вниз.

Хищно сощурился глаза, Тохтамыш молча смотрел им вслед, потом негромко отдал приказ нукерам:

– За непочтение ко мне повелеваю догнать Кастурика и отрезать ему голову. Наши слова передадут Мамаю эти два батыра.

Нукеры торопливо бросились выполнять приказ хана, но Кастурик, словно почуяв нависшую над ним опасность, вскочил на коня и ударил его камчой.

И видя, что нукерам уже не взять мамаевского посла, Тохтамыш крикнул Кенжанбаю:

– Пусть догонит его твоя стрела! Он не должен уйти!

Кенжанбай натянул лук. Взвизгнула тонкая стрела с острым жалом, умчалась вслед Кастурику. Собравшиеся увидели, как слетел с головы скачущего батыра борик, а он, невредимый, уходил все дальше и дальше.

– Оказывается, и знаменитый стрелок Кенжанбай может промахнуться, – с презрением сказал Тохтамыш.

Откуда ему было знать, что Кенжанбай не попал в Кастурика только потому, что не поднялась рука убить батыра, с которым еще вчера приходилось ходить на битву?

Красный глаз солнца с натугой открылся над краем земли и залил степь тревожным мерцающим светом, вселяя в души воинов тревогу и страх перед близкой смертью. Остановил свой ровный полет утренний ветер и упал на землю, стараясь спрятаться в невысокой весенней траве. Пройдет совсем немного времени, и тысячи коней растопчут его, а воины, наконец, скрестив свои кривые сабли, забудут о мучавшем их страхе, потому что владеть ими будет отныне только одно желание – выжить. Ради этого станут они лишать жизни других, и ни у кого не мелькнет мысль, что можно жить без битв и походов. Так повелось на земле с тех далеких времен, которые никто уже не помнит, что воины должны сражаться. За что – это знает их повелитель, кто враг – тоже укажет он. Еще недавно, отправляясь в чужие земли, хан говорил: «Станем убивать чужеземцев, потому что иначе они придут в степь и отнимут наши пастбища и водопои, уведут наших жен и детей». Сегодня на берегах Калки сошлись, как враги, воины, давно говорящие на одном языке и верящие в одного бога, но повинующиеся разным ханам и принадлежащие к разным родам. За спиной Тохтамыша кипчаки и принявшие их обычаи монголы, за спиной Мамаю те же степняки, но получившие имя ногайлинцы.

Нельзя выпущенную из лука стрелу заставить вернуться в колчан, нельзя остановить два войска, уже ринувшихся друг на друга.

Тохтамыш, одетый в блестящие доспехи и островерхий позолоченный шлем, внимательно следил за передвижением своих отрядов. Когда же все изготовились к битве, он поднял к небу руку, и сейчас же над его головой взметнулось вверх белое знамя с изображенной на нем черной головой быка. Хрипло зарычали карнаи, запели

зурны, забили барабаны, заставляя коней храпеть и беспокойно прядать ушами.

Над войском Мамай взметнулось желтое знамя с золотой бахромой – накануне битвы Мамай все еще считал себя властителем Золотой Орды.

Оставались мгновения до того момента, когда ринутся друг на друга люди с одинаковыми скуластыми лицами, одинаковыми раскосыми глазами.

Все у них одинаково: и оружие, и мысли. Каждый воин имеет по кривой сабле, по копьё, по луку и колчану, полному острых стрел. На левой руке, у локтя, щит, согнутый из толстой лозы и обтянутый воловьей или верблюжьей кожей, за поясом тяжелая дубинка с окованным железом набалдашником.

Наконец, Тохтамыш воздел к небу руки, провел сложенными ладонями по лицу, словно творя неслышную молитву, и, вдруг напрягшись всем телом, гортанно и громко закричал:

– Воины! С нами аллах! Вперед!

Тумены двинулись сначала неторопливой рысью, а когда ряды выровнялись, кони сами ускорили бег, и через минуту темный, рычащий вал уже мчался по степи, и казалось, что никакая преграда неспособна остановить его. Но уже показался из-за края степи другой вал, готовый грудью встретить грозный накат конницы Тохтамыша. Как и на Куликовом поле, впереди своего войска Мамай поставил генуэзскую пехоту, разместив конных воинов по его краям.

Вздрогнула, застонала земля, и лязг железа возвестил, что битва началась. Ржали кони, и, словно обезумевшие, кричали воины.

– Аруах! Аруах! Дух предков!

– О аллах!

– Караходжа!

– Кенжанбай!

– Мамай!

– Мамай!

– Тохтамыш!

Охваченные яростью и страхом, люди рубили и кололи друг друга, призывая на помощь дух предков, бога и повторяя как заклинание от смерти имена своих предводителей и ханов.

В облаке пыли утонуло поле битвы, и не нашлось бы сейчас такого человека, который бы смог предсказать, чья сторона возьмет верх. Уже большинство воинов потеряло коней, и сражение идет врукопашную. Катятся на землю окровавленные головы, падают отрубленные руки с намертво зажатými в них иззубренными от ударов саблями, сцепившись в крепких объятиях, борются под ногами лошадей люди и скрюченные пальцы их ищут горло друг друга.

Лишь к полудню, когда ветер немного рассеял пыльное облако, стало видно, что войско Тохтамыша начало теснить войско Мамай. Судьба словно смеялась на ним. На этот раз, желая победить Тохтамыша, он решил повторить то, что сделал на Куликовом поле московский князь Дмитрий Иванович – в степных балках Мамай спрятал несколько тысяч всадников, но когда они пришли на помощь бегущему войску, было

уже поздно. Воин-кочевник, если побежал, его уже невозможно ничем остановить. Мамай не понял, что было главным в битве с московским князем. Русские воины шли не на грабеж и не добывали для своего князя золотой трон. Они собрались, чтобы защитить родную землю, свой дом, детей и жен от полона и поругания, а потому бежать им было некуда. Выполнить задуманное могла помочь только победа, спасти от бесчестия – только смерть. Самого главного не понял Мамай! Тохтамыш же ударил по его туменам всей своей мощью, так, как привык делать, когда служил еще Хромому Тимуру...

Обезумевший, с расширенными глазами, метался Мамай среди бегущих воинов, пытаясь остановить их. Но отныне страх перед смертью был сильнее страха перед повелителем. Нахлестывая коней, бросая все, что можно бросить, уносились в степь всадники. Но не для того пришел Тохтамыш на битву с Мамаем, чтобы дать ему когда-нибудь снова собрать разбежавшееся войско. Победители, согласно приказу своего хана, догоняли бегущих, окружали отступающие отряды и группы и рубили их кривыми саблями, кололи копьями. Вся степь была покрыта телами убитых, и даже кони вскоре не смогли скакать – они спотыкались о трупы и скользили в лужах крови.

Никто из сражающихся на берегах реки Калки не заметил, как солнце прошло свой путь. Снова красное и зловещее, стояло оно низко над землей, только теперь на западном краю небесного свода. Новый хан одержал победу, и, казалось, ничто не помешает ему снова сделать Золотую Орду сильной и великой, такой, какой она была при Бату. Но солнце уходило, и над землей ночь уже опускала свое черное траурное покрывало.

Тохтамыш, глядя с холма на поле битвы, где его воины приканчивали поверженных, вспомнил неправдоподобный, но пугающий рассказ Кенжанбая о том, что тот якобы видел во время битвы с русскими на Куликовом поле, как на миг погасло стоящее над золотоордынскими туменами солнце. Хан недоверчиво усмехнулся. И что только не пригрезится батыру, смертельно уставшему в яростной схватке...

Забыв о павших, бросив раненых, уходили в пределы своей Орды воины крымского правителя Мамаю.

Укрывшись в глубокой степной балке, заросшей мелким березняком и осинником, он и сам дожидался лишь темноты, чтобы повернуть голову своего коня в сторону Крыма и уйти незамеченным от рыщущих повсюду воинов Тохтамыша. Вместе с Мамаем были только нукеры из его охраны да несколько нойонов, не потерявших своего повелителя в суматохе бегства.

Отчаяние владело всем существом Мамаю, спазмой стискивало горло, не давало говорить, а сказать что-то надо было, чтобы ободрить тех, кто не покинул его в этот страшный час. Наконец, он справился с собой. Черные, запекшиеся губы его разжались:

– Еще раз удача отвернула от нас свое лицо, – глухо сказал Мамай. – Но пусть дух наш останется крепким. В будущем году мы снова скрестим свои мечи с Тохтамышем.

Слова его упали в пустоту. Никто не ответил ему: ни Карабакул, ни Кастурик, ни другие нойоны. Мамай не услышал вздохов облегчения и понял, что все устали и никто

больше не верит в победу. А это означало, что скоро его покинут даже те, кто пока остается рядом с ним.

Ночь уже накрыла землю черным бархатным покрывалом, и в высоком небе зажглись неяркие звезды. Они мерцали тревожно и зябко, словно костры далекого аула.

Мамай молча тронул коня и выехал в степь. Вокруг было тихо. Только изредка всхрапывали кони, шарахались в сторону от лежащих на земле человеческих тел. Этим воинам удалось бежать с поля битвы, но они умирали от ран, так и не увидев родных аулов.

Ссутулившись в седле, похожий на большую черную птицу, Мамай медленно ехал по степи. И только когда над горизонтом поднялась огромная желтая луна и конь убыстрил свой шаг, он оглянулся назад. Теперь с ним не было никого, кроме нукеров из личной охраны. Нойоны словно провалились сквозь землю.

Он ожидал этого и все-таки где-то в глубине души тлела слабая искорка надежды, что те, с кем он долгие годы ходил в походы, не покинут его. Выходит, что надежде не суждено было сбыться.

Ударив изо всей силы коня, Мамай помчался в ночь. Ярость, отчаяние душили его, а на глазах наворачивались слезы. И никак не мог понять бывший золотоордынский хан – плачет ли он, или в том, что глаза его мокры, виноват бьющий в лицо жесткий холодный ветер.

Сначала Мамай слышал за спиной конский топот, потом сделалось тихо, и только храпел загнанный конь, да бешено стучало собственное сердце. Наконец он оглянулся. Залитая мерцающим дымным светом луны степь была пуста. Он остановился, бросил повод, слез с седла и лег на землю лицом вниз.

Через несколько дней, отдохнув после битвы, Тохтамыш вошел со своим войском в земли, принадлежащие Крымской Орде.

Мамай знал, что так произойдет, но сделать ничего не мог. Слабого покидают. Больше никто не повиновался ему, и никто не хотел преграждать путь золотоордынскому хану. Воины разбрелись по своим аулам.

Еще недавно громадное, стотысячное войско повиновалось одному движению его руки, сегодня же у Мамаю оставалось не более ста воинов личной охраны и несколько нойонов, почему-то до сих пор не покинувших его. Неожиданно вернулся в ставку бросивший Мамаю по пути в Орду Кастурик, и тот не знал теперь – радоваться его возвращению или ждать измены.

Мамаю уже было известно, что нойоны, отступившиеся от него, собирались на совет. И Карабакаул сказал: «Какая нам польза теперь от Мамаю? От всякого, кто пойдет за ним, отвернутся люди. Не лучше ли преклонить свои головы перед Тохтамышем?» И все согласились с ним, потому что не видели ничего плохого в перемене своего повелителя. Были такие, кто предлагал зарезать Мамаю и откупиться от золотоордынского хана его головой. После долгих споров нойоны не решились на этот поступок.

Воистину говорят в народе, что если кулан упадет в колодец, то на его ушах

устраируют пир даже муравьи. В степи уважают только тогда, когда боятся. Мамай это хорошо знал и потому, не надеясь ни на кого и уже не мечтая о могуществе и славе, думал только о спасении своей жизни.

Он не хотел умирать. Больше не было могущества и славы, но были золото и серебро, жемчуг и драгоценные камни, красные заморские кораллы и дорогое оружие. О них знал только сам Мамай. Он знал еще и то, что если сумеет разумно распорядиться своими сокровищами, то они сохранят ему жизнь. Пройдут годы, и кто знает, какой стороной повернется еще к нему судьба. Тайная, слабая, но все-таки жила надежда, что когда-нибудь все станет по-другому. Вкусивший власть однажды, даже брошенный на землю, до последней минуты верит, что его время еще наступит и он вновь обретет потерянное. Именно поэтому и послал Мамай в Кафу, к генуэзским купцам, Кастурика, прося у них убежища и защиты. Правители торгового города разрешили своему бывшему повелителю укрыться за крепостными стенами.

Купцы думали, что оказывают покровительство нищему, но когда в город вошел караван, навьюченный тяжелыми тюками с драгоценностями, и им стало про то известно, глаза купцов загорелись алчным огнем. Жители Кафы кричали: «Почему один человек, да еще и потерявший власть, смеет владеть таким богатством! Следует убить его и всё разделить между собой!»

За дорогую цену купил Мамай каменный дом на берегу моря. Здесь было все: и большой двор, обнесенный высокой стеной, помещения для слуг и стражи, подвалы для хранения продовольствия. Вскоре ремесленники, нанятые Мамаем, подняли стену еще выше, а у ворот, окованных железом, встали в караул угрюмые и свирепые нукеры в блестящих латах и крепких островерхих шлемах. Дом превратился в крепость.

Отныне здесь жили все шесть жен Мамаю, его дети, нойоны и нукеры, не покинувшие бывшего правителя Крыма в это жестокое для него время. Никто не имел права без разрешения Мамаю войти в ворота или выйти из них. Только Кастурик и старый битикши – управитель – тибетец Сурай, могли беспрепятственно общаться с горожанами, которые жили по ту сторону каменной стены. Не доверявший всем, Мамай тем не менее верил Сураю. Тибетец все эти годы был главным хранителем его казны, глазами и ушами в Орде. Слухи и правду приносил он своему повелителю и всегда помогал разобраться в том, чему стоило верить, а чему – нет.

Привыкшему к степному раздолью, Мамаю теперь постоянно казалось, что толстые стены дома давят на него, мешают думать. Соколу, привыкшему парить в высоком небе, было душно и тесно в клетке, которую он сам себе выбрал. Непривычность обстановки угнетала бывшего правителя Крыма, и все чаще на смену надеждам приходили тоска и отчаяние. Когда же тибетец принес ему известие, что покинувшие его нойоны решили сделать все, чтобы живым или мертвым отдать его в руки Тохтамышу, Мамаем овладел животный страх. Однажды поселившийся в его душе, он теперь не покидал его ни на шаг. Бывший правитель Крыма боялся теперь даже собственной тени.

Во всем чудились Мамаю предательство и измена. Он перестал верить даже тем, кому верил еще вчера. В нойоне и простом нукере, в собственных женах он видел

своих убийц. Он заперся в отдельной комнате, велел поставить на окна железные кованые решетки. Днем и ночью стерегли запертую дверь нукеры с обнаженными саблями.

Говорят, что сердце – вещун. И, быть может, не слухи о готовящемся убийстве напугали Мамаю, а собственное сердце подсказало, что конец его близок. Порой ему казалось, что он видит руку, занесшую над его головой кривую блестящую саблю. Все еще сильный, не сломленный до конца, Мамай старался не выдавать своего страха, и оттого окружающим казалось, что и железные решетки на окнах, и круглосуточная стража у дверей всего лишь необходимая предосторожность.

Но степняки умеют преследовать и окружать свою жертву. Им известны приемы и способы самой страшной в мире охоты – охоты на человека.

Однажды Сурай сказал Мамаю:

– Мой повелитель, Кастурик слишком часто ходит в город. Почему?

Тот насторожился.

– Ты что-то знаешь?

Тибетец пожал плечами.

– Мир полон коварства... Кастурик встречался с богатыми генуэзскими купцами...

Глаза Мамаю блеснули. Много было ему непонятно в поведении батыра. Все, кто не покинул его, привезли свои семьи в Кафу, и только Кастурик не сделал этого. Его близкие по-прежнему оставались в ауле. Очень не хотелось Мамаю верить в то, что батыр замышляет против него недоброе. С детства росли они вместе, вместе ходили в походы. И сейчас, после поражения, Кастурик служит ему. И все-таки слова Сурая вселили тревогу.

– Узнай о нем все подробно, – сказал Мамай. – У нас еще есть время...

Но времени у него оставалось мало. Уставший от постоянного страха, Мамай все чаще думал о смысле жизни и все чаще спрашивал себя: зачем он живет так, как он живет? Время шло, а чудеса не происходило – степь словно забыла о нем, и Мамай начал понимать, что возврата к прошлому не будет. На смену надеждам пришло безразличие и к тому, что происходило вокруг, и к своей судьбе.

Тибетец доносил Мамаю о каждом шаге Кастурика, и вскоре стало ясно, что подозрения Сурая были не напрасны – вместе с генуэзскими купцами тот замышлял против своего повелителя недоброе. Но воли к жизни у бывшего хана уже не было. Удивляясь себе самому, Мамай все тянул, откладывая расправу над коварным батыром.

Неожиданно, кем-то отравленный, умер в мучениях Сурай, и Мамай понял, что остался на всем свете один. Но и теперь что-то удерживало его, мешало отдать приказание о казни Кастурика. Подавленный и угрюмый, сидел он в одиночестве, и ожидание близкого конца уже не пугало его, а скорее, казалось ему, несло освобождение от всего.

Однажды ночью дверь комнаты, где спал бывший претендент на трон Золотой Орды, приоткрылась и в нее проскользнул высокий худой человек. Мамай услышал шорох и сел на постели.

– Это ты, Кастурик? – спросил он спокойно и негромко.

Некоторое время Мамай молчал, потом устало и спокойно сказал:

– Я знаю... Поздно вато только пришли, ведь скоро рассвет...

Пораженный батыр молчал. Он ожидал сопротивления, крика, мольбы о пощаде, но не этого равнодушия. Кастурик вдруг понял, что, потеряв славу и власть. Мамай больше не дорожил жизнью.

Несколько теней прошмыгнули мимо Кастурика, и там, откуда только что доносился голос Мамаея, послышался приглушенный тяжкий стон.

Батыр подошел к распростертому на полу телу Мамаея и наклонился над ним. Впервые с того дня, когда русские разбили золотоордынское войско на Куликовом поле, на лице бывшего повелителя Крыма больше не было ни беспокойства, ни страха. Тронутое смертью, оно сделалось просто худым и желтым.

Кастурик опустил на колени, неторопливо вынул из ножен широкий клинок и, схватив Мамаея за жидкую, побитую сединой бороду, отрезал голову. Когда же взошло солнце, ой приторочил к седлу корджун со своей добычей и, нахлестывая коня, помчался в степь.

Ворон не выклюет глаз ворону. Завладев Крымом, Тохтамыш не стал проливать ничьей крови. Он не тронул даже Гияссидина Мухаммеда – бывшего хана Крымской Орды. Всех нойонов, покинувших Мамаея, не попрекнув прошлым, Тохтамыш взял под свою руку. Победитель был щедр и великодушен.

Нукеры из личной охраны ввели Кастурика в ханский шатер. Упав на колени и волоча за собой корджун, батыр пополз к почетному месту, где сидел Тохтамыш. Когда же до хана осталось не более шага, Кастурик поднял голову и, сев на пятки, протянул Тохтамышу корджун.

Высокочтимый тахсир! Великий хан Золотой Орды! Я пришел к тебе просить прощения и милости, – сказал батыр. – Но пришел я не с пустыми руками. Я принес голову твоего врага, жизнь которого я прервал.

Тохтамыш принял подарок, развязал корджун и вытащил из него голову Мамаея. Подняв ее вверх, показал всем, кто сидел в юрте. Лицо хана было непроницаемым, и никто не увидел на нем ни радости, ни печали.

– Ай-я-яй! – сказал негромко Тохтамыш. – Ты, батыр, оказывается, даже забыл закрыть убитому глаза... Покойный Мамай не был личным моим врагом. Он враг великой Золотой Орды. Ты поступил верно, что убил его, – хан повернулся в сторону Кастурика и заглянул ему в лицо. – Когда-то мы были с тобой враги, но за то, что ты совершил, я прощаю тебе... Но вы, как я знаю, ровесники с Мамаем и почти сорок лет, стремя в стремя, сражались со своими врагами и думали обо всем одинаково... Вы в одно время пришли в этот бранный мир, значит, будет совершенно справедливо, если одновременно покинете его. Зачем тебе жить, если ты убил друга? – Тохтамыш перевел тяжелые глаза на застывших у входа нукеров и, не повышая голоса, как о чем-то обычном, сказал: – Убейте Кастурика, а его голову, вместе с головой Мамаея, похороните с подобающими почестями. Раз бог не соединил их голов, соединим мы...

Нукеры схватили батыра и поволокли из юрты.

– У заблудшего впереди непроходимые горы, а позади глубокие овраги... – со вздохом сказал Тохтамыш.

После смерти Мамаю во всей Золотой Орде не осталось ни одного человека, который мог бы отныне противостоять Тохтамышу. Казалось бы, бывшее могущество вернулось к детищу Бату-хана. Снова в одних руках оказались все, ранее принадлежавшие Орде земли, кроме Хорезма, где свою власть вершил Хромой Тимур. У Тохтамыша было сильное войско, а сейчас, когда он стал единовластным правителем Орды, появилась возможность при необходимости поставить под свое знамя еще двести тысяч воинов.

Новый хан решил поступить мудро и показать народу свою щедрость. Всю захваченную в походе против Мамаю добычу он поделил на две равные части. Первая пошла на создание новых туменов, вторую же он отдал тем, кто помог ему в его борьбе. О Тохтамыше заговорили в степи уважительно, как о справедливом и добром хане. Его деяния сравнивали с деяниями Джанибека и Бердибека и радовались, что появился, наконец, хан, который не даст упасть пошатнувшемуся было остову Золотой Орды.

Очень скоро и сам Тохтамыш стал думать так. Заботы, которые еще недавно мучили Мамаю, стали его заботами. Взор нового хана обратился к русским княжествам. Не мог и не хотел он верить, что Русь навсегда потеряна для Орды.

Если бы не Мамай, если бы не поражение на Куликовом поле! Нелегко будет теперь сломить русских, заставить вновь признать власть Орды.

Но Тохтамыш, опьяненный успехами, верил в свою звезду. Первое, что он сделал, это отправил послов к московскому князю Дмитрию Ивановичу. Эмиры должны были сказать князю, что великий хан Тохтамыш победил врага русских – Мамаю и отныне Золотая Орда повинуется ему одному. Еще надлежало послам потребовать от всех князей выплаты дани, в том количестве и размере, что платила Русь в прежние времена.

Тохтамыш знал, что послы вернутся ни с чем и, тем не менее, хотел своим поступком напомнить русским, что Орда – их сосед и она сильна, как прежде, если снова требует дани. Сам же неспешно и тщательно начал готовиться к войне с Русью.

Русь победила Мамаю, но не справилась до конца со своею раздробленностью и междоусобицами. Не как прежде, но все же продолжали князья борьбу за земли, власть и влияние. Об этом не следовало забывать. Одновременно с посольством в Москву отправил Тохтамыш своих людей в Литву к князю Ягайло, чтобы напомнить о его давних связях с Ордой, и к князьям суздальско-нижегородскому и рязанскому с угрозами и требованием дани.

Между тем, ожидая возвращения своих послов, Тохтамыш не терял времени даром. В Орде уже говорили о скорой войне, но никто не знал, куда направит свои тумены хан – ни с кем не делился он своими замыслами.

Случилось то, что Тохтамыш и предполагал. Московский князь отказался вновь признать свою зависимость от Орды. Суздальско-нижегородский и рязанский выразили покорность. Всему была своя причина. И нижегородский, и рязанский князья знали, что первый удар придется принять им, как ближайшим соседям Орды, а

московский князь едва ли сможет защитить их, поскольку, после битвы на Куликовом поле, еще не набрала прежней силы Русь. Горестно писал летописец: «оскуде бо отнюд вся земля Русская воеводами и слугами, и всеми воинствы, и о сем велий страх бысть на всей земле Русстей».

Но не напрасно говорят люди, что бог может услышать даже шепот, а сосед догадаться о твоих замыслах. Накануне выступления на Русь Тохтамыш послал вверх по Итилю большой отряд, который должен был уничтожить всех русских купцов, чтобы они не успели сообщить московскому князю Дмитрию Ивановичу о намерениях хана.

Едва успела подсохнуть земля от вешних вод, Тохтамыш с огромным войском выступил в сторону русских земель. Боясь погрома, рязанский князь Олег вызвался показать хану кратчайший путь в московское княжество. По пути к золотоордынскому войску присоединились отряды, ведомые сыновьями суздальско-нижегородского князя.

Получив известие о вторжении Тохтамыша, Дмитрий Иванович собрал совет дружественных ему князей. Единства среди них в том, что следует делать и как поступить, не было. У многих, несмотря на недавнюю победу, все еще жила в душе нерешительность, а порою и робость перед возможными последствиями. Они считали, что худой мир лучше доброй ссоры, и потому предпочитали искать пути, которые бы привели к согласию с Ордой. Страх овладел богатыми людьми, страх перед возможностью потерять то, что они имели.

Великий князь, видя, что прежнего единства нет, и понимая, что ему не выстоять против Тохтамыша с теми силами, которые у него были, уехал из Москвы в Кострому, чтобы собрать там сильное войско.

А между тем народ не собирался отдавать свой город на разграбление. В Москве вспыхнуло восстание, и жители ее собрались на вече, чтобы решить, как отстоять свой город. Оборону возглавил приглашенный москвичами князь Остей – внук покойного великого литовского князя Ольгерда.

Двадцать третьего августа первые золотоордынские отряды подошли под стены Москвы. Три дня продолжалась осада города. Неравными были силы, но тем не менее Тохтамыш ничего не мог поделаться с Москвой. И тогда хан пошел на хитрость. Он послал в город сыновей суздальско-нижегородского князя, и те стали говорить защитникам: «Не губите людей понапрасну. Ежели же вы откроете ворота, Тохтамыш не станет вас зарить, а, увидев покорность, только взыщет дань и уйдет в свои степи».

Горожане видели, что близкой помощи ожидать им не приходится, кроме того Москва не была готова к долгой осаде, а судя по всему, хан не собирался уходить без добычи. После долгих и жарких споров победили те, кто согласился поверить обещаниям хана, и город открыл ворота.

И вот запылали боярские терема, дома ремесленников и купцов, полилась кровь...

Гордый победой, Тохтамыш возвращался в свои степи, грабя встречающиеся по пути города. Утонули в огне Владимир, Переяславль, Юрьев, Звенигород, Можайск, не

пропустил хан и земли своего союзника, рязанского князя Олега.

Казалось бы, следовало радоваться! Но отчего-то на душе было тревожно. Хан, внешне не показывая этого, думал, что поход его, в общем-то не принес того, на что он рассчитывал. Дмитрий Иванович согласился платить дань, но, сославшись на то, что времена ныне иные, чем при старых ханах, и достатки не прежние на Руси, дань оговорил самую малую. Тохтамышу пришлось сделать вид, что все так и есть; набег явно не сломил Русь. Главные ее силы, не вступив в битву, остались в сохранности, но все-таки Русь согласилась быть данницей, а это немало на пути укрепления Тохтамыша как хана Золотой Орды. Об этом отныне будут знать все, в том числе и Хромой Тимур. Еще наступит такое время, когда можно будет все вернуть на круги своя. Пусть растет и крепнет его слава в народе, пусть повсюду повторяют его имя.

С новой силой вспыхнула в Тохтамыше ненависть к своему покровителю, Хромому Тимуру. Да, тот помог стать ханом Белой Орды, но Золотую он подчинил себе сам. Без помощи Тимура разбит Мамай, без него наказано за дерзость московское княжество. Уже есть силы, которые способны противостоять войску Тимура. Да и будет ли это справедливо, если огромная и могучая Орда станет по-прежнему слушать то, что скажет ей правитель Джагатаева улуса? Пора дать понять ему, что Хорезм должен снова стать частью Золотой Орды. Тимур в это время вел войну в Иране, и обстановка складывалась для Тохтамыша благоприятно. Еще находясь в пути из русских земель, он отправил в Хорезм своих людей с повелением начать чеканить там монеты со своим именем. Это был недвусмысленный намек эмиру, что Орда не собирается уступать своих прав на Хорезм.

Замыслы уверенного в себе человека подобны полету птицы. Они обретают крылья и стремятся вдаль. Возвращаясь в Сарай, думал Тохтамыш и о том, что пора вернуть Орде Северный Кавказ и Азербайджан. Последний раз утвердил там свою власть хан Джанибек, но после его смерти вот уже более двадцати лет эти земли не принадлежали никому. Следовало и их взять под свою руку, пока этого не сделал Тимур.

Замыслы даже самому Тохтамышу казались дерзкими, потому что эн хорошо знал, кто такой Хромой Тимур, и все-таки хан верил в свою удачу и гнал от себя опасения прочь. Кто посмеет сейчас усомниться в его могуществе, когда он владеет всей Золотой Ордой?

Посланный впереди главного войска отряд уже достиг Сарая, и там готовились к встрече победителей. Тохтамыш решил щедро отпраздновать победу над русскими и тем самым укрепить веру в друзьях и показать врагам свою силу.

Не раз за долгую дорогу возвращался мыслями хан к Едиге. Батыр хорошо проявил себя при осаде Москвы. Казалось бы, следовало забыть все обиды, отбросить подозрения, но однажды усомнившись в чем-то, Тохтамыш уже не мог остановиться. Видимо, не зря два сильных зверя не могут жить в одной стае. Кто-то из них должен уступить первенство – или уйти, или погибнуть. Третьего не дано.

Не зная, как расправиться с Едиге, хан выискивал новое унижение для батыра. Он, уверенный в себе, совсем забыл старую истину: врага надо бить один раз и так, чтобы он уже не мог подняться, иначе если ты только дашь ему пощечину, он может ответить

тем же.

Той, которым Тохтамыш решил отметить свою удачу после похода на русские княжества, состоялся в конце сентября на берегу Итиля. Погода стояла солнечная, теплая. В этом году, казалось, даже холодные ветры из страны мрака не спешили в подвластные хану степи, чтобы не омрачать ему праздник.

На серой, уже переставшей пить земные соки траве за несколько дней поднялись сотни юрт, были натянуты между крепко вбитыми кольями волосяные арканы – жели, чтобы гостям было к чему привязать своих лошадей. На специально сделанных очагах стояли огромные котлы для варки мяса и высились горы хвороста и сухого кизяка.

Эмиры, бии, батыры – вся степная знать съезжалась на той, ведя за собой надменных и равнодушных к человеческой суете верблюдов, завьюченных тюками с подарками для хана-победителя.

Вся степь превратилась в веселый базар. Перекликались оживленные голоса, ржали лошади, взлаивали на незнакомых людей собаки.

С нетерпением ждала приезда Едиге старшая жена Тохтамыша – Садат-бегим. В темных ее глазах тревога и беспокойство. Не может забыть она ласк батыра, его крепкого и сильного тела. Что из того, что обидел он Садат-бегим при последней встрече? Все готова забыть женщина, лишь бы вернуть свою любовь.

Откинув полог, закрывающий вход в юрту, беспрестанно поглядывала в степь ханша, ожидая караван батыра. И когда он, наконец, появился, она без труда угадала, что караван принадлежит любимому.

Едиге приехал в сопровождении родственников и друзей. Девять верблюдов везли подарки для хана и его жен. Но странно, он не повел свой караван туда, где стояли ханские юрты, а свернул к шатру, в котором жила байбиче, Котан-Кунчек – мать Тохтамыша, выражая тем самым почтение самой старшей женщине Орды.

Все это видела Садат-бегим. Она знала, по степным обычаям батыр имел право так сделать, но этим самым он давал понять, что старшая жена хана достойна меньшего уважения, чем его мать.

Несмотря на уязвленное самолюбие, Садат-бегим все-таки нашла возможность встретиться с Едиге вечером. Встреча была короткой. Всего лишь несколько слов сказали они друг другу, но их оказалось достаточно, чтобы высечь в душе женщины искры, от которых с новой силой вспыхнул пожар смертельной обиды и ненависти к батыру.

– Неужели мы расстались с тобой навсегда? – с надеждой и мольбой спросила Садат-бегим.

Едиге не захотел даже взглянуть в ее лицо.

– Да, – сказал он. – Я ничего не повторю дважды.

Та жестокость и твердость, с которой прозвучали слова бытыра, были как удар. Садат-бегим поняла, что возврата к прошлому не будет. Погибла последняя надежда, и вместо нее родилась жажда мести.

Еще до похода Тохтамыша в русские княжества начала плести Садат-бегим сети против Едиге. Словно паук, спрятавшись в темном углу, растягивала она в юрте хана

тонкие и липкие нити неприязни против батыра. Жгли слова, сказанные Едиге во время встречи в овраге. И однажды Садат-бегим, словно походя, сказала Тохтамышу:

– Мне порой кажется, что ты боишься Едиге...

Тохтамыш нахмурился. Ему, хану Золотой Орды, подобное было неприятно слышать, даже если это говорила собственная жена.

– Почему ты так говоришь?

– Не только я... – Садат-бегим опустила глаза. – Когда батыр входит к тебе в шатер, ты вздрагиваешь...

– Твой язык несет вздор...

Женщина погрузилась в размышления.

– Запомни, что я сказала, и проверь сам...

– Как?

– Когда тебе доложат, что идет Едиге, посмотри, не дрогнет ли в твоих руках чаша с кумысом... И если этого не случится, то считай меня лживой...

Далеко умеет смотреть женщина, слепая от ненависти. Все произошло так, как она предсказывала, и в душу Тохтамыша упало еще одно зерно недоверия к батыру. Оно проросло на благодатной почве страха. И уже мерещился хану в Едиге соперник, и зрела мысль убрать его со своего пути.

Тохтамыш никому не говорил об этом, но разве можно скрыть мысли от любимой женщины? Садат-бегим без труда читала их и упорно шла к своей цели. Так же, как и в первый раз, словно случайно, сказала она однажды утром хану:

– Сегодня приснился мне дурной сон, будто ханом Золотой Орды являешься уже не ты, а Едиге... И будто тащит он в черную юрту твоих дочерей: Ханике и Жанике, чтобы совершить над ними насилие. И приснится же такое...

Тохтамыш ничего не ответил жене, но это не значило, что он ничего не услышал. Просто хан умел сохранять непроницаемое лицо, когда приходилось выслушивать дурные вести.

Потом, когда в сердце Садат-бегим вновь вспыхнула надежда на то, что их отношения с Едиге, быть может, еще наладятся, она словно забыла о батыре и больше не напоминала о нем Тохтамышу.

И вот сегодня, усладив перед сном хана своею любовью, Садат-бегим вновь напомнила мужу о Едиге.

– Едиге становится заносчивым. Он еще утром прибыл в Орду, но не пришел к тебе, чтобы выразить свое почтение, словно уже не повинуетя тебе. Только твоей матери сказал он слова приветия и уважения. И прибил он в сопровождении большого отряда... Слишком большого, – женщина вздохнула и, помедлив, добавила: – Не случилось бы чего плохого...

Сон в эту ночь был у Тохтамыша беспокойным. Утром он велел позвать к себе Кенжанбая. Хмуро глядя перед собой, хан сказал:

– Вчера в Орду приехал Едиге. Мне стало известно, что он недоволен тем, что я сделал тебя предводителем девяти батыров. Боюсь, что отныне трудно рассчитывать на его дружбу и верность... – и, взглянув прямо в глаза Кенжанбая, сказал властно и

холодно: – Надо, чтобы Едиге навек замолчал!

– Я не в обиде на него... Кроме того, Едиге непросто убить. За ним стоит могущественный и сильный род. Разве он промолчит, если непонятно за какую вину будет убит его предводитель? Вспыхнет вражда, и много крови прольется в степи.

– Вину мы найдем. Разве будет недостаточно того, если он станет проклинать Золотую Орду?

Кенжанбай молчал, обдумывая сказанное ханом. А тот продолжал:

– Да и зачем убивать его в Орде? На тое убить человека – великий грех. Едиге можно встретить в степи...

Тохтамыш не пугал, а словно просил Кенжанбая, но батыр знал, что все, о чем говорит хан, есть приказ. И знал, что ждет того, кто ослушается этого приказа, сказанного тихим голосом. Но, приговаривая Едиге к смерти, Тохтамыш тем самым обрекал на эту же участь и самого Кенжанбая. Хань не любят, когда кто-нибудь знает их тайну. После того, как приказ будет выполнен, Тохтамыш всегда найдет причину, чтобы обезглавить и самого исполнителя его воли.

Желая выиграть время на обдумывание, Кенжанбай почтительно склонил голову.

– Я выполню твою волю, хан. Но разреши мне взять с собой тех джигитов, которых выберу для этого дела я сам.

– Пусть будет по-твоему.

Кенжанбай был воин, и его сердце не отличалось мягкостью. Он умел выполнять приказы и умел убивать. Но в этот раз что-то удерживало его от того, чтобы бездумно сделать то, чего хотел от него Тохтамыш. И поэтому он послал к Едиге своего джигита, велел передать ему такие слова: «Наступивший день опасен для тебя. В то время, когда ты зайдешь в юрту хана, пусть твои люди надрезут подпруги на седлах коней, что будут привязаны к жели, где поставишь ты своих». И пожилой раб, поливавший воду на руки батыра, собиравшегося позавтракать, тоже шепнул: «Смелый Едиге. Я одного с тобой рода. Не спрашивай меня, где я узнал о том, что сейчас скажу... Если жена хана станет наливать вам кумыс из золотой чаши, стоящей по правую сторону от нее, не пейте!»

Едиге, стараясь не подавать виду, что слова раба встревожили его, насмешливо спросил:

– Ты хочешь сказать, что кумыс отравлен?

– Нет. Это пострашнее яда... Жена хана хочет опозорить вас. В чаше будет моча.

Лицо Едиге побледнело. Так бывало с ним всегда, когда охватывала его ярость. Откуда было знать батыру, что если Кенжанбай сообщил ему о готовящемся убийстве для того, чтобы самому избежать неприятностей, то раб выполнял поручение Садат-бегим. Она хотела, чтобы о задуманном ею Едиге знал заранее, и хотела видеть его лицо и его мучения, когда ему или придется выпить кумыс, или, выплеснув, его, тем самым выразить непочтение к хозяину юрты, самому хану Золотой Орды, Тохтамышу. Какую более коварную месть можно было придумать? Или Едиге опозорит себя покорностью, или же вспыхнет ссора. Садат-бегим знала, что именно о ссоре мечтает Тохтамыш. Это был бы повод расправиться со строптивым батыром.

Прежде чем отправиться в юрту хана, Едиге решил посоветоваться со своими друзьями Темир-Кутлуком и Кунчек-огланом. Оба происходили из рода Чингиз-хана, и давняя дружба связывала их с батыром. На коротком совете было решено не отступить, а принять вызов Тохтамыша.

Едва солнце поднялось к середине неба, все трое отправились к хану, чтобы, как полагалось по степным обычаям, выразить ему почтение. Когда они вошли в просторную юрту Тохтамыша, здесь уже были знатные люди Орды, приехавшие на той. Сам хан восседал на торе. Справа от него находились эмиры, принадлежавшие к Чингизову роду, слева сидел столетний сказитель – Сыпыра-жирау. Ниже располагались знатные люди подвластных Тохтамышу родов – бии и батыры.

На этот раз, когда Едиге вошел в юрту, вздрогнул не только сам хан, но и многие из присутствующих, потому что им было известно, что задумала Садат-бегим. Неведомыми путями дошла до них весть, что сегодня произойдет ссора между Тохтамышем и Едиге. С замиранием сердца ждали все, чем она закончится.

Лицо батыра было суровым. Вяло, словно нехотя, ответил хан на приветствие вошедших и кивком головы указал место, где они должны сесть. Неласков был к гостям хозяин. Двум чингизидам и прославленному батыру предстояло сидеть там, где обычно сидят самые незнатные, принимаемые из милости – рядом с выходом.

Затаив дыхание, все ждали вспышки ярости Едиге. Но вошедшие словно не заметили издевки и сели туда, куда указал им хан. Старец Сыпыра-жирау, щуря свои подслеповатые глаза, неодобрительно покачал головой. Но в этот миг никто не заметил его жеста, потому что глаза собравшихся неотрывно следили за лицами гостей и хозяина.

Тохтамыш же сделал вид, что не придавал никакого значения вновь прибывшим, и продолжал прерванную было речь:

– И случилось так, что Хромой Тимур овладел Хорезмом...

Едиге, казалось, как и все, внимательно слушал хана, а глаза из-под тяжелых век пристально следили за Садат-бегим. Лицо женщины оставалось спокойным, только, пожалуй, на этот раз было более бледным. Согласно обычаю, не мешая говорить хану, она разливала в чаши кумыс, и красивый юноша в чапане, подпоясанном тонким, отделанным серебром ремешком, неслышно ступая по устилающему землю ковру, разносил их гостям.

Все случилось так, как и говорил раб, Садат-бегим зачерпнула для Едиге кумыс из другого – золотого – сосуда. Руки ее вздрагивали от внутреннего волнения, и, быть может, поэтому напиток перелился через край чаши.

– О-о-о! – негромко сказала женщина. – Видно, Едиге мучит жажда... – и, обращаясь к юноше, приказала: – Пусть эта полная до краев чаша утолит жажду батыра.

Лицо Едиге сделалось серым. Не отрывая горящего взгляда от Садат-бегим, он принял от юноши чашу. Затем медленно, словно нехотя вытащил из ножен узкий клинок и полоснул им по напитку крест-накрест. Смешав кумыс лезвием, он презрительно выплеснул его к порогу юрты.

Бросив чашу к ногам, Едиге неторопливо поднялся и, не поклонившись, вышел на

улицу. Следом за ним выскочили Темир-Кутлук и Кунчек-оглан.

Никто не успел ни вымолвить слово, ни попытаться остановить их. Лицо Тохтамыша залила смертельная бледность. И прежде чем сидящие в юрте пришли в себя, за тонкой войлочной стеной послышался дробный топот коней.

Кенжанбай поспешно бросился к выходу. С гортанными криками умчалась в степь погоня, и до той поры, пока не вернулся, не переступил порог юрты Кенжанбай, в ней царила недобрая, зловещая тишина.

Прижимая к груди камчу, Кенжанбай опустил перед Тохтамышем на одно колено, низко склонил голову.

– Великий хан. Мы хотели поймать дерзкого Едиге, чтобы он сполна мог ответить за нанесенное всем оскорбление... – батыр еще ниже нагнул голову. – Но кто-то надрезал подпруги у наших седел...

Глаза Тохтамыша превратились в узкие щелки.

– Догнать!.. – хрипло сказал он. – Все равно догнать!.. У ног моих должен лежать или сам Едиге, или его голова!..

Слабый, дребезжащий голос Сыпыра-жирау перебил хана:

– Остановитесь! Великий хан, разве ты не знаешь, кто такой Едиге? Он потомок святого Баба Туктышаш Азиза... В пятнадцать лет народ назвал его своим бием и доверил ему вершить справедливость... Разве нет твоей вины в поступке Едиге?

Тохтамыш резко повернулся к сказителю.

– В чем моя вина?

Сыпыра-жирау не испугался грозного взгляда хана.

– Породистая лошадь не пьет мутную воду. Загляни на дно чаши, из которой угощали в твоей юрте батыра. Как бы поступил ты, если бы... Недоброе дело свершилось. Поступок Едиге дерзок. Выплеснув кумыс к порогу, он тем самым сказал, что наступит день и он придет, чтобы разрушить твой очаг. Пусть не осуществится это, но когда врагом становится вчерашний друг, проливается много крови. Теперь у него нет иного выхода, как уйти к Хромому Тимуру, потому что обида уже высекла из него искру мести. Я хочу спросить, великий хан, какая тебе от этого польза? – Сыпыра-жирау надолго замолчал, словно собираясь с силами, чтобы продолжить, свою речь. Никто не посмел нарушить тишину, и сказитель вновь стал говорить, чуть растягивая слова. В голосе его была боль. – И начнется теперь вражда. Трудно станет жить народу. Ты, великий хан, укрепил покачнувшийся остов Золотой Орды! Неужели снова на ее земли придут междоусобицы?! А это случится, если ты станешь драться с Едиге. Будь мудр, хан, не желай себе беды, не позволяй батыру стать одним из могучих крыльев у твоего врага, Хромого Тимура. Пусть твои люди пойдут по следу Едиге и уговорят его вернуться назад. Ты должен простить батыра, а сердца ваши открыться друг другу.

Тохтамыш долго молчал, потом поднял глаза и посмотрел на собравшихся.

– Пусть будет так. Я уважаю мудрость и прислушиваюсь к ее голосу. О крылатый мой Кенжанбай, родом из Кенегеса, тебе поручаю я важное дело – скачи вслед за Едиге и уговори его вернуться. Я обещаю, что ни один волос не упадет с его головы.

Девять самых знаменитых батыров из самых больших родов ногайлинцев и кипчаков отправились выполнять поручение хана.

Они увидели Едиге и ею товарищей уже на другой стороне Итиля. И тогда Кенжанбай, понимая, что им не догнать батыра, пропел свое знаменитое обращение к Едиге.

Эй, Едиге, поверни ты назад.
Вновь переплыви Итиль
И вновь склони свою голову
Перед светлой Ордой.
Из дорогой чаши
Утоли ты жажду.
В блесках парчи
С драгоценными пуговицами
Преподнесут тебе в дар
Дорогой халат,
Дорогое оружие дадут тебе,
Иноходца пегого,
Стоящего у золотой коновязи.
Сокола получишь ты в придачу.
Живи, охоться.

Но Едиге уже не мог простить Тохтамыша. И потому ответил коротко:

– Путь мой один, и не сам я его выбрал. Отныне ведет он меня к Хромому Тимуру.

Ни с чем вернулись в Орду прославленные батыры. На следующий день Тохтамыш узнал, что, уходя, Едиге похитил его дочь, красавицу Жанике.

И понимая, что ничего уже не поправить, не изменить, пуще прежнего возненавидел хан беглого батыра и дал себе клятву навечно остаться его врагом.

Глава третья

Чем более сильный гнев охватывал Хромого Тимура, тем внешне спокойнее выглядел он. Жизнь научила его простой истине, и он помнил о ней всегда: «Если человеком овладевает гнев, то его ум уподобляется деревянному посоху, который становится час от часу короче, сгорая в пламени злобы».

В такие дни правитель Мавераннахра становился угрюмым и молчаливым. Слово, сорвавшееся с языка, подобно выпущенной стреле – назад не воротишь.

И сегодня Тимур был мрачнее тучи. Казалось бы, для этого нет никаких оснований – он совсем недавно вернулся из похода в Северный Иран и Азербайджан, легко одолел всех своих врагов и взял большую добычу. И обратная дорога была нетрудной, потому что все время он думал о предстоящей встрече со своей младшей женой Шолпан-Малик-ака. Именно поэтому, вместо того чтобы направить своего коня в Самарканд, он повернул его в долину реки Яссы, где кочевал аул любимой жены.

Жизнь полна превратностей. Когда заветная цель была совсем близка, вмешался вдруг случай и, подобно смерчу в раскаленной степи, смешал все и расстроил. А началось это четыре года назад, когда Хромой Тимур еще только готовился к походу в Иран.

На совете эмиров, Хусаин и Аббас – люди осторожные – сказали Тимуру:

– Поход твой будет долгим. Не случится ли так, что пока тебя не будет, кочевники Белой и Золотой Орд придут в наши земли? Им нельзя верить. Сможем ли мы без тебя защититься?

Хромой Тимур усмехнулся.

– Да, им нельзя верить... Но я сделаю так, что они не посмеют прийти сюда. Вам не придется выходить навстречу кочевникам со своим поредевшим войском. Земли Мавераннахра защитит вера. Прежде чем отправиться в поход, я прикажу построить над могилой святого ходжи Ахмеда Яссави мавзолей. Он поднимется как раз там, где разделяются наши земли от земель кочевников. Люди всегда верили в святость ходжи Ахмеда Яссави и поклонялись его праху. У какого мусульманина хватит смелости и дерзости прийти с недобрыми мыслями на землю, в которой тело святого нашло свое успокоение?

Самому эмиру никогда не доводилось видеть святого. Он умер еще до того, как люди узнали имя Тимура. Ходжа Ахмед Яссави был потомком известного на всем востоке святого Саида-ата. Он поселился в долине реки Яссы, недалеко от ее впадения в Сейхундарью. Тимур помнил, что слышал от улемов и имамов, будто, когда ходже Ахмеду Яссави исполнилось 63 года, он сказал: «Чем я лучше нашего пророка Мухаммеда? Он умер в 63 года, если же аллах не посылает смерти мне, то я сам стану жить в земле».

Святой вырыл землянку и навсегда поселился в ней. Он не отказывал приходящим к нему людям в совете, умел врачевать и предсказывать будущее. Все больше паломников из ближних и дальних земель приходили к нему, чтобы облегчить свою душу и послушать его проповеди, потому что не было в то время человека, который бы лучше знал священную книгу Коран и другие книги, в которых описывалось движение звезд и устройство Земли. Когда же Ахмед Яссави умер, его последователи предали его тело земле в том самом месте, где провел он часть своей жизни.

Ходже Ахмеду Яссави и решил соорудить мечеть и гробницу Хромой Тимур. Едва ли он сам верил в то, что она сможет и вправду остановить кочевников, если они решатся напасть на Мавераннахр. Но слава об эмире, который так высоко чтит святых, а значит является защитой и опорой ислама, наверняка распространится до самых дальних пределов и пробудит в душах мусульман трепет и уважение. Строить мавзолей Тимур поручил привезенному из Багдада еще молодому, но уже известному во всем Ираке мастеру.

По обычаю эмир собственными руками заложил в основание гробницы первый кирпич. По этому же обычаю он должен был положить и последний, когда строительство подойдет к концу. Но зная, что его поход будет долгим, Хромой Тимур повелел своей младшей жене Шолпан-Малик-ака, чтобы, если случится задержка,

сделать это за него.

Всего год назад, уже готовясь к походу, взял эмир ее в жены, и потому душа его все еще была полна привязанности к ней. Шолпан-Малик-ака тоже любила его. Она упрашивала Тимура, чтобы он взял ее с собою, но тот повелел ей остаться дома и следить за строительством мечети. Впервые эмир отступил от своих правил – обычно его всегда сопровождала или одна из жен, или красавица-наложница.

Никто и никогда не знал, о чем думает Хромой Тимур, и на этот раз он никому и ничего не стал объяснять. Простым смертным неведомо было, что всех женщин эмир делил на красавиц, умных и преданных. Тимур считал, что красивая женщина – украшение жизни, умная – украшение дома, преданная – услада в постели.

Всем устраивала эмира новая жена, лишь в одном порою сомневался он. И, желая избавить Шолпан-Малик-ака от тягот похода, а заодно и проверить, умна ли она, поручил ей наблюдать за строительством мечети.

Даже находясь в Иране, не забывал Тимур о своем поручении. Гонцы, прибывающие из Мавераннахра, постоянно сообщали ему, как идет строительство гробницы ходжи Ахмеда Яссави и какие решения принимает юная жена. Так, он мысленно одобрил приказание Шолпан-Малик-ака доставлять кирпич для мечети из Кургантюбе³, что находится в четырех фарсах от места погребения святого. Кирпич, изготовленный из кургантюбинских глин, отличался прочностью и долговечностью. Для того чтобы строительство не затягивалось, Шолпан-Малик-ака отказалась от доставки его на арбах и во вьюках. По ее повелению, собранные со всей округи жители образовали живую цепь от места, где изготовлялся кирпич, до места будущей мечети и передавали его из рук в руки. Так было много дней подряд, и Тимур остался доволен поступком жены, увидев в нем умение разумно властвовать и повелевать людьми.

Возвращаясь из похода, эмир уже знал, что мечеть и усыпальница построены, был наслышан об их удивительной красоте и величии.

По обычаю, установленному Хромым Тимуром, ни одна жена не смела выйти встречать его, если он возвращался из похода.

Подъезжая к аулу Шолпан-Малик-ака, эмир еще издали увидел голубые купола мавзолея и не удержался от соблазна осмотреть его, прежде чем ехать к жене.

Внешне спокойный и величественный, в душе он был поражен увиденным. Тимур понимал, что если бы даже сам наблюдал за сооружением мечети, едва ли она получилась бы лучше. Яркие краски приковывали к себе взгляд, орнаменты и арабская вязь переплетались в чудесные сказочные узоры. Подобного еще не приходилось видеть эмиру.

Отведав святой воды из колодца, вырытого в одном из залов мавзолея, Тимур, в сопровождении имама мечети Сеида-ходжи, по крутой внутренней лестнице поднялся на крышу мечети к удивительным ярким куполам. Поглаживая ладонью цветные изразцы, эмир вдруг нахмурился. С западной стороны купола он увидел небольшую

---

³ Кургантюбе – ныне железнодорожная станция Жанакурган.

нишу, куда свободно могли поместиться два кирпича.

Имам, внимательно следивший за выражением лица Тимура, весь съежился.

– Почему не положены завершающие кирпичи? – резко спросил эмир. – Или, заканчивая строительство мавзолея, вы забыли позвать Шолпан-Малик-ака? Разве тем, кто должен помнить все мои наказания, неизвестно, что я поручил ей сделать то, что положено мне?

Имам, казалось, сделался еще меньше.

– Она была здесь... – забормотал он. – Но...

– Говори, – глаза Тимура смотрели холодно и жестко.

– Не хватило кирпичей...

Ярость, подобно двум язычкам пламени, вспыхнула в зрачках эмира.

– Ты говоришь глупость! Такого не может быть!

Имам склонился в низком поклоне, прижал руки к груди.

– Я сказал правду. Шолпан-Малик-ака была здесь вместе со своими подругами и прислугой... Она стояла на том же месте, где стоите сейчас вы... Но мастер Мушидан, строящий усыпальницу, уронил кирпичу предназначенные для завершения, вниз. Шолпан-Малик-ака не стала дожидаться, пока их принесут снова...

– Что произошло с мастером?

Имам нагнулся еще ниже, и спина его стала похожа на согнутый ветром ствол дерева.

– Мастер влюблен в вашу жену... Она ушла... Ушла, не сказав ни слова...

Хромой Тимур усмехнулся одними губами. Глаза его по-прежнему были холодными и настороженными.

– Вечно мастера, которые воздвигают мечети и дворцы, влюбляются в жен своих повелителей... – холодно сказал он. – Но разве Шолпан-Малик-ака не могла прийти сюда еще раз?

– Не знаю... Мне не подобает спрашивать повелительницу, что она намерена делать...

Глаза Тимура и имама встретились, и тот догадался, чего ждет от него эмир.

– Через три дня после этого, – сказал имам, – Шолпан-Малик-ака пригласила в свою юрту дерзкого мастера. О чем они говорили, я не знаю. Только больше никто не видел этого человека, словно его поглотила земля. И о мавзолее Шолпан-Малик-ака больше не вспоминала...

Молча, прихрамывая больше обычного, Тимур спустился вниз. Он еще долго стоял у стен мавзолея и, казалось, пристально и внимательно рассматривал его купола, но на самом деле ярость давно закрыла глаза эмиру и думал он совсем о другом.

Тимур то начинал верить, что Шолпан-Малик-ака изменила ему, то вдруг отбрасывал сомнения. И все-таки почему она заставила мастера убежать? Если она не виновата, то для чего это надо было делать?

На миг эмир закрыл глаза, такой невыносимой сделалась ярость. Если бы сейчас ему в руки попался мастер! Он бы приказал с него, живого, содрать кожу. Но как могла решиться на измену Шолпан-Малик-ака? Разве она не знала, что великий Тимур

никогда не простит ей этого?

Тяжело взобравшись в седло, эмир медленно поехал в сторону аула своей жены. И уже на полпути, словно вспомнив о своих спутниках, сказал им:

– Вы свободны. Идите отдыхать. Завтра наш путь будет лежать в Самарканд.

У белой юрты Шолпан-Малик-ака Тимур бросил повод коня подбежавшему нукеру и, приподняв полог, закрывающий вход, переступил порог.

Шолпан-Малик-ака ждала своего повелителя. Щеки ее покраснелись, глаза лучились радостью. Но эмир даже не взглянул на нее. Молча разулся у входа, прошел на почетное место, медленно, очень медленно снял с головы голубую чалму и только после этого поднял глаза на жену. Мелькнула мысль: «Какая же она красивая», – но Тимур тотчас же справился со своей слабостью.

– Где мастер, который строил усыпальницу? – негромко спросил он.

– Не знаю... – кровь отливала от лица женщины. Ей хорошо было известно, что такое гнев ее повелителя.

– Кого же мне спросить об этом?

– Я не видела его с той поры, как он был у меня в гостях...

Лицо Тимура помрачнело еще больше. Он, не отрываясь, смотрел на Шолпан-Малик-ака, и глаза его приказывали: «Говори!»

Женщина вдруг догадалась, в чем причина гнева повелителя. Она смело подошла к нему и опустилась рядом с ним на ковер. Страх больше не было, и она начала говорить:

– Когда закончилось строительство мавзолея, мастер пригласил меня, чтобы я положила последние кирпичи, согласно твоей воле. Я знала и раньше, что мастер влюблен в меня, но на этот раз он настолько растерялся... – женщина негромко и ласково засмеялась. – Я не стала ждать, когда принесут уроненные им кирпичи и, чтобы не смущать мастера, ушла... Я решила, что смогу сделать это и позже. Хорошую усыпальницу для святого построил мастер, и мне захотелось отблагодарить его и постараться излечить от безнадежной любви ко мне. Только поэтому я и решила позвать его в гости. – Шолпан-Малик-ака коснулась руки Тимура. – Я была не одна. Вместе со мной в юрте находились мои подруги и рабыни. Мы пили кумыс, девушки танцевали и пели песни, прославляя мастера...

– Дальше, – нетерпеливо сказал эмир.

– Потом я отпустила всех, кто принимал участие в празднике, и велела принести два вареных яйца, покрашенных одно в красный, а другое в синий цвет. Я велела мастеру съесть их, и он повиновался. Затем я спросила: «Какое из них самое сладкое?» – «Вкус у них одинаковый. Я не почувствовал разницы», – сказал джигит. И тогда сказала я: «И женщины подобны этим яйцам. Отличаются они друг от друга только внешним видом. Суть же их и достоинства одинаковы. Ты влюбился в меня, потому что тебя поразила моя внешность, но во всем остальном я обычная женщина. Так не сжигай себя в безжалостном и коварном огне, имя которому любовь. Я жена эмира, и мы не равны с тобой. Иди по свету и ищи себе пару, которая бы была достойна тебя и соответствовала твоему положению». Мастер понял меня. Он не сказал ни слова и

сейчас же ушел. Больше я его не видела. Ну, а потом, когда я узнала, что ты возвращаешься из похода, я позабыла и о мастере, и о кирпичах, которые должна была положить в построенном мавзолее.

Глаза Тимура потеплели. Он вдруг подумал, что напрасно сомневался в Шолпан-Малик-ака – она действительно умна, и, наверное, ее следовало взять с собою в поход. Он расстегнул пояс и вместе с саблей отдал его жене.

– Прикажи воинам, чтобы они отошли подальше от юрты, – велел Тимур. – Да налей мне чашу вина...

В эту ночь эмир забыл обо всем, забыл и о мастере, и о построенном мавзолее, забыл настолько крепко, что до сих пор в куполе усыпальницы святого ходжи Ахмеда Яссави осталось место для так и не положенных туда завершающих кирпичей.

Жизнь продолжалась, и бродили по неведомым, запутанным ее дорогам события, словно случайно встречаясь друг с другом. Но не случайность водила их, а судьба. Ничто не совершалось на земле без воли аллаха. Так считал Хромой Тимур – великий воитель Востока.

Он привык вести войны и не верил, что можно жить по-другому. Поэтому, когда ему стало тесно в границах покорного Мавераннахра, Тимур в год овцы (**1379**) двинул свои тумены на Хорезм. Без борьбы, без крови уступил ему власть Хусейн Суфи Хорезмшах, и, довольный этим, подобно ястребу, парящему высоко в небе, Тимур пристально посмотрел в сторону Ирана.

За все годы своего могущества эмир ни разу, уходя в походы, никого не оставлял вместо себя править подвластными ему землями. По установленному Тимуром порядку, где бы ни находился он, еженедельно прибывал к нему гонец, который докладывал, что произошло или что делается в Мавераннахре. Эмир указывал, как следует поступить в том или ином случае. В его отсутствие городами управляли назначенные им даруги, а если случалось что-то, требующее немедленного решения, то собирались вместе все эмиры, которые не принимали участия в походе, и их слово было последним.

Однажды эмир Аббас сказал Тимуру:

– Твой путь далек, и никто не знает, сколько потребуется времени, чтобы осуществить тобою задуманное... Мавераннахр напоминает сейчас неотвердевший кирпич. Еще не связались между собой, не превратились в камень глина, песок и вода. Людской меч может разрушить то, что создал ты. Уходя, быть может, следует кого-то оставлять вместо себя...

– Кого ты предлагаешь? – вкрадчиво спросил Тимур.

– Самыми близкими для человека являются его дети. Вместо тебя временно могли бы править или Мираншах, или Омаршейх...

– Ты ошибся, – вкрадчиво сказал Тимур. – Отцу дороги дети, но детям дороже власть. Ребенок, хотя бы однажды испытал силу и слабость власти, всегда будет мечтать о ней. Разве мало мы знаем примеров, когда за власть дрались между собой родные по крови люди?

– Тогда, быть может, это дело надо поручить кому-нибудь из друзей?

– Друга легко сделать врагом. Не ищи соратника в человеке, привыкшем повелевать от твоего имени. В нем легко появляются зависть и соперничество.

Выслушав поучения Хромого Тимура, больше никто не осмелился давать ему совета.

И когда в начале 1385 года эмир с огромным войском двинулся в Иран, как и обычно, никому не было дано право управлять Мавераннахром его именем.

Отправляясь в поход, Хромой Тимур, подобно Чингиз-хану, узнавал заранее все, что можно было узнать о землях, в которые он шел, о народе и о правителях.

Ему было хорошо известно, что после того, как Бердибек, бросив в подаренном ему Северном Иране и Азербайджане золотоордынское войско, поспешил к постели умирающего отца – хана Джанибека, боясь потерять власть над Ордой, править этими землями стал Уале из кочевого рода жалаир.

Кочевник никогда не поймет ни ремесленника, ни земледельца и не пожалеет его ради собственной корысти. Жалаирские ханы не отличались в своем правлении от пришельцев – золотоордынцев. Непосильные налоги, жестокость были теми вожжами, с помощью которых они управляли подвластным им народом.

К тому времени, когда глаза Хромого Тимура посмотрели в сторону этих земель, правил ими хан Ахмед-султан. Положение его было непрочным, а в народе откуда-то ждали перемен, надеясь, что другой правитель, быть может, будет более справедливым.

Легко справился Хромой Тимур с войском жалаирского хана, но не стал захватывать столицу – город Тавриз. Тревожные вести доставляли ему гонцы из Мавераннахра. Правитель Хорезма готов был перейти на сторону Золотой Орды, а сам Тохтамыш собирал войско, чтобы двинуть его на Иран. Волчонок, вскормленный с рук Тимура, готовился показать своему хозяину зубы и, если удастся, вцепиться в его горло мертвой хваткой.

Опасения Тимура оправдались. В середине зимы года мыши (**1385**) Тохтамыш, во главе десяти туменов, пройдя беспрепятственно через Железные ворота, вторгся в Ширван. Движение его войска было стремительным, и совсем скоро оно оказалось под стенами Тавриза. Город не собирался сдаваться на милость победителя. Началась осада.

Видя, что легко взять Тавриз не удастся, Тохтамыш пошел на хитрость. Он предложил жителям откупиться. После этого, уверял хан, как только отдохнут его воины, он уйдет в степь.

Такова, видимо, сущность человека. Обманутый десять раз, он продолжает верить, когда ему трудно. Тавриз открыл свои ворота, надеясь на то, что Тохтамыш сдержит слово. Великую резню учинил степной владыка, и не было по жестокости ей равной со времен Потрясателя вселенной Чингиз-хана.

Разграбив город, гоня толпы рабов, Тохтамыш неторопливо двинулся в степи Дешт-и-Кипчак. Едва ушел он, как в Тавриз вступили тумены Хромого Тимура. Два волка терзали одну жертву.

Перезимовав в урочище Карбанты, эмир с наступлением весны собирался двинуться

по следам Тохтамыша, но тот опередил его. Золотоордынские тумены появились на берегах реки Самур в землях Дагестана, Здесь и состоялась битва. Войско Хромого Тимура вел сын эмира Мираншах. Золотая Орда потерпела поражение, и Тохтамыш бежал в степи.

Тимур не стал преследовать своего врага, решив до поры до времени отложить расправу над ним. Он продолжал покорять земли Ирана.

Поражение не выбило из седла Тохтамыша. Пользуясь отсутствием в Мавераннахре Тимура, он решил начать действовать с другой стороны. Хан уже не мог остановиться. Отважившись, наконец, выступить против своего бывшего благодетеля, Тохтамыш понимал, что обратной дороги для него нет. Слишком хорошо знал он коварство и кровожадность Хромого Тимура. Тот, никогда не оставлял неотмщенными обиды и со страшной жестокостью расправлялся с тем, кто поднимал на него меч.

Оправившись после поражения, собрав новое войско, Тохтамыш приказал ему двинуться в пределы Джагатаева улуса.

Самый короткий путь к нему лежал через город Яссы. Но произошло то, что в свое время предсказывал Хромой Тимур. Золотоордынское войско остановилось близ усыпальницы ходжи Ахмеда Яссави, и ведущие его нойоны отказались идти дальше, боясь гнева святого. Тогда Тохтамыш приказал двинуться на Мавераннахр в обход – через Сыганак на Сауран.

В урочище Шукулуксай, близ Отрара, сошлись золотоордынские тумены и набранное в Мавераннахре сыном Тимура Омаршейхом войско. Силы были явно неравны. Тохтамыш отпраздновал победу и двинулся к самым большим городам подвластных Тимуру земель – к Самарканду и Бухаре. Но видя, что ему не одолеть хорошо защищенные крепости, грабя и разрушая на своем пути небольшие города и селения, Тохтамыш ушел в Дешт-и-Кипчак.

Весть о коварстве золотоордынского хана застала Хромого Тимура в Ширазе. Подобного эмир простить не мог. Сначала его охватила ярость, но потом, на смену ей, пришло беспокойство и озабоченность. Тохтамыш начинал тревожить его. Силы у хана были большими, и недооценивать вновь окрепшую Золотую Орду было нельзя.

Первое, что сделал Хромой Тимур, это отправил в (Самарканд отряд отборной конницы под предводительством Османи Аббаса, а через некоторое время, во главе своего войска, двинулся в Мавераннахр и сам.

Переправившись через Багдаден – приток Джейхундарьи, эмир вдруг повернул в сторону Хорезма. Огнем и мечом прошел по землям Хорезма Хромой Тимур. Он велел сравнять с землею город Ургенч, а уцелевших после резни его жителей переселить в Самарканд.

Это было первое грозное предостережение Золотой Орде.

Во все времена быть ханом Золотой Орды было трудно. Внутренние междоусобицы, подобно искрам от разворошенного костра, постоянно вспыхивали и гасли на ее огромных просторах. Но не это было главным. С двух сторон, подобно двум большим и сильным ладоням, сжимали Орду Русь и Джагатаев улус, поэтому все время надо было быть готовым к яростным схваткам и уметь почувствовать на своей шее крепкий

чужой аркан.

Казалось, что Орда после Мамаю вновь обрела прежнюю силу, вновь могла повелевать народами соседних государств, но это было далеко не так. Не прежней была Русь. Москва, несмотря на недавнее разорение, не испытывала больше страха – князь Дмитрий Иванович, с гордостью носящий отныне титул Донского, слал дань мизерную, а в иной год забывал сделать и это.

Странные, непонятные для Тохтамыша дела творились на Руси. Вместо того, чтобы бороться с будто бы ослабевшей Москвою, признала перед нею «старейшинство» рязанская земля, а князь Олег поклялся сноситься отныне с иноземцами только с разрешения Дмитрия Ивановича. Зимой 1386–1387 годов московское войско в ответ на разорение Нижнего Новгорода и Костромы новгородскими ушкуйниками осадило Великий Новгород и получило с него большой откуп. Год от года крепло Московское княжество, раздвигало свои границы. Вошли в его состав новые земли и города: Стародуб-на-Клязьме, Галич и Дмитров, Медынь, Калуга и Мещера.

Отлично видел Тохтамыш, что его поход в русские княжества не принес ему того, что он хотел, и все-таки, даже в мыслях, не мог допустить хан, что больше не быть Орде тем, чем она была раньше на Руси. И для этого ему надо было утвердиться в единоборстве с Тимуром.

Хан верил в успех. Огромная Орда повиновалась ему, и не нашлось бы сейчас ни одного человека, который бы осмелился возразить или не подчиниться.

Спор с Хромым Тимуром могла решить только битва, и поэтому, в начале года дракона (1388), Тохтамыш двинул свое огромное Войско в сторону Джагатаева улуса. Летопись утверждает, что воинов у него было больше, чем листьев на деревьях, и больше, чем капель в летнем дожде. Буртасы и кипчаки, ногайлинцы и аланы, башкиры и жители Крыма встали под его знамена.

До начала зимних буранов стремительно двинул свои тумены хан к границам Джагатаева улуса, в Туркестан.

Здесь Тохтамыш разделил свое войско. Несколько полков пошло к Саурану, чтобы овладеть этим городом, основная же часть под предводительством Калдаута и Елжегиш-оглана двинулась в земли Хромого Тимура.

Эмир в это время находился в Самарканде. Сколь ни стремительным было движение золотоордынского войска, но Хромого Тимура вторжение не застало врасплох. Почти не потратив времени на сборы, он двинул то войско, какое оказалось у него под рукой, навстречу хану. Быстрые же гонцы помчались к сыновьям: в Андижан к Омаршейху и в Герат к Мираншаху.

Обстоятельства складывались так, что битва должна была произойти на берегах Сейхундарьи, а самым удобным местом было урочище Уржикзернук. Хромым Тимур не ошибся. Войско Тохтамыша шло именно туда. И тогда эмир приказал отрядам, ведомым шейхали-батыром и недавно перебежавшими к нему Кунчеком и Темир-Кутлуком, выйти золотоордынцам в тыл.

Стремительными, смелыми были действия Хромого Тимура. Несмотря на уговоры своих военачальников, он не стал ждать, когда подойдет подмога из Андижана и

Герата, а ударил по подходящим туменам врага. Жестокой, но недолгой была битва. Золотоордынское войско оказалось разбитым. Немногим удалось спастись. Появившиеся за спиной отряды Кунчека и Темир-Кутлука довершили разгром.

Но и в этот раз судьба словно хранила Тохтамыша. Необычно суровой выдалась в этом году зима, ударили свирепые морозы, задули северные ветры, и Тимур не решился преследовать хана, боясь потерять свое войско, не привыкшее к холоду.

Эмир повернул свои полки к Самарканду. Здесь его уже ждало огромное войско, собранное из подвластных ему городов: Балха, Баклана, Кундуза, Бадахшана, Джизака, Герата, Хутляна и Хисара.

Хромой Тимур не велел распускать воинов по домам, а приказал начать учения. Все было, как и во времена Чингиз-хана. Войско эмира делилось на десятки, сотни, тысячи, тумены. Каждая единица знала свое место в общем строю, и каждый воин знал, что он должен делать. Как и при Чингиз-хане, в войско бралась только часть населения, пригодная для ратного труда. Отбором людей занимались специально назначенные воины – табаша. В их задачу входила проверка снаряжений, пригодность коней для похода. Тот, кто становился воином, обязан был иметь при себе лук с тридцатью стрелами, щит, саблю и копье. Каждые два всадника должны были привести одну запасную лошадь. На десять воинов приходился один походный шатер, лопата, серп, пила, топор, веревка-аркан, шкура быка или лошади, пригодная для переправ через реки, казан для приготовления пищи, шило и сто иголок.

Табаша, которые набирали воинов, обязаны были проверить все. Хромой Тимур ценил их работу и хорошо одаривал за верную службу, но если же табаша оказывался недобросовестным, кара для него была жестокой. Чтобы заслужить доверие своего эмира, а порой и просто сохранить жизнь, табаша старались изо всех сил, и потому войско Тимура состояло всегда из сильных и здоровых людей.

Большое значение эмир придавал разведке. Выступая в поход, он всегда высылал вперед хорошо вооруженный, на быстрых конях, отряд во главе с предводителем – мангили. Тот в свою очередь отправлял вперед группу всадников, называемых «глазом». Обо всем увиденном они докладывали мангили, и, если сообщение заслуживало внимания, прямо к Хромому Тимуру мчался ертоли – вестовой.

Не забывал эмир, отправляясь в чужие земли, и о кылаузе – проводнике. Он должен был обладать великой честностью, быть проверенным и хорошо знать те места, куда предстояло идти.

Переняв многое от Чингиз-хана в устройстве войска, Тимур не отказывался учиться и у других народов. Так, во время похода, если были основания для осторожности, вокруг лагеря копались рвы, ставились шапары – плетенная из тальника ограда, закапывались на подступах к лагерю тури – заряды, сделанные из китайского пороха. И в построении войска перед битвой он ввел много новшеств, на которые, в силу традиций, не решались предводители кочевых народов. Он делил все свои силы на семь частей, каждую из которых, от различных неожиданностей, охранял специальный сторожевой отряд, имевший своих разведчиков. Центр войска, без ущерба для крыльев, был значительно усилен. Двадцать тысяч воинов всегда находились в резерве. Их

задача была завершать битву и, преследуя убегающего противника на свежих конях, приносить своему повелителю победу.

Не напрасно не распустил войско Хромой Тимур. Степной сосед стал не на шутку тревожить его. Золотая Орда мешала исполнению задуманного. Эмир рассчитывал, закончив завоевание Ирана, повернуть свои тумены в сторону сказочной Индии. Вот поэтому-то крепло с каждым днем намерение раздавить врага, сделать так, чтобы, уходя в далекий поход, быть спокойным за подвластные земли.

На этот раз в Дешт-и-Кипчак войско Хромого Тимура должны были вести Едиге, Темир-Кутлук и Кунчек-оглан. Кому, как не им, знавшим земли Золотой Орды, стать проводниками!

Закончив подготовку войска, эмир, в конце года змеи (1390), переправившись через Сейхундарью, остановил свои тумены близ Ташкента. Сам же поехал на поклонение в Ходжели, в мечеть Маслахата. Тысячи золотых динаров роздал он мюридам, ишанам и кари, велел им просить аллаха о даровании ему победы в предстоящей битве.

С детства Хромой Тимур страдал припадками. И едва он вернулся к своему войску, как болезнь, долго не беспокоившая, свалила его в постель. Выступление было отложено.

Только в начале февраля почувствовал себя эмир снова способным стать во главе войска. Отдав последние приказы и отправив детей и всех жен, кроме Шолпан-Малика, в Самарканд, Хромой Тимур перебрался в эмирский дворец в Ташкенте.

Первое, что он сделал, это велел пригласить к себе Едиге, Темир-Кутлука и Кунчек-оглана.

Правитель Мавераннахра был всегда щедрым к нужным ему людям. Золото и серебро, шелк и парчу давал он им, чтобы накрепко привязать к себе. И когда трое батыров, убежав от Тохтамышша, пришли к нему, он велел дать им шатры для жилья и наложниц для наслаждений. Подарил им эмир табуны лошадей, рабов и рабынь.

– Пусть достойные люди ни в чем не знают нужды и чувствуют себя в моих владениях как дома, – сказал Тимур.

Темир-Кутлук и Кунчек-оглан, получив приглашение прибыть во дворец, не стали дожидаться Едиге, который был где-то в войске, а сразу же отправились к эмиру.

Хромой Тимур, считавший себя породненным с чингизидами, с большим почетом встретил батыров. Он посадил их рядом с собой на торе, слуги положили подушки, набитые мягким лебяжьим пухом, чтобы гостям было на что опереться.

– Я рад видеть вас сильными и здоровыми, – сказал Тимур. – Пусть сегодня я буду для других эмиром, а для вас жезде – зятем.

Эмир, при всей своей свирепости, умел, когда это нужно, казаться открытым и душевным человеком. Он придвинул к себе пиалы из тонкого китайского фарфора и стал наливать в них из чайника, разрисованного крылатыми драконами, душистый кокчай.

Все знали, когда Тимур разливает чай сам, значит, предстоит разговор с глазу на глаз – и в этом случае рядом неуместен даже самый преданный слуга. Осторожность эмир ценил превыше всего.

Открылась дверь, и через порог переступил невысокий, плотного сложения человек.

– Ассаламагалейкум! – он склонился в низком поклоне.

– Проходи, Едиге, – сказал эмир. – Мы ждем тебя.

Лицо батыра, как всегда, было угрюмым, а брови насупленными. Эмир неплохо относился к Едиге, но эта постоянная угрюмость, недовольство непонятно чем, настораживали его.

Тимур умел увидеть в человеке те черты, которые могут со временем сделать его врагом. Ошибка с Тохтамышем не казалась ему ошибкой, потому что в измене своего бывшего ставленника он хорошо видел ее причины. Ради власти можно пойти на все. Разве сам он не устранил Хусейна, который в свое время помог ему возвыситься? Разве есть что-то удивительное в том, если подобным образом поступает другой?

Не измена, а вероломство Тохтамыша заставило Тимура думать о его уничтожении. Кто будет ханом Золотой Орды – эмиру было безразлично. Главное заключалось в том, чтобы тот, кто правит этими огромными землями, не смел помышлять о борьбе с ним, Тимуром, не мешал бы ему осуществлять великие замыслы. Орду можно бить много раз, но она снова будет оживать, если править ею станет дальновидный и властолюбивый хан. В степях можно набрать новое войско, потому что там всегда есть люди, жадные до чужого богатства, мечтающие о грабежах и насилии. Голодными глазами смотрят они из своих дымных и нищих юрт на соседние народы. Именно поэтому следует посадить ханом Золотой Орды человека, готового повиноваться слову из Самарканда. Кого выбрать? Кто оправдает надежды? Тимур-Кутлук или Кунчек-оглан? Нет. Ни один из них не сможет повести за собой народ, потому что в прошлом у них нет никаких заслуг – они не побеждали врагов и не показали мудрости. Их, пожалуй, не стоит поддерживать. А если Едиге? Хромой Тимур сразу же отказался от этой мысли. Батыр был похож на тигра, ожидающего только удобного случая для прыжка. Если в руки такого человека дать повод коня-великана, имя которому Золотая Орда, то еще неизвестно, куда он его повернет и чей позвоночник хрустнет под его могучими копытами.

Обжегшись на Тохтамыше, эмир решил быть осторожным. Время покажет, как следует поступить. Главное сейчас уничтожить хана, а когда Золотая Орда окажется в руках, покорная и обессиленная, можно будет без особого труда подыскать человека, который сядет на ее трон.

Едиге догадывался о замыслах Тимура, но обстоятельства складывались так, что он не мог позволить себе показать это, потому что сейчас для него главным врагом был Тохтамыш.

– Проходи, – сказал Тимур. – За чаем хорошо говорить о делах.

– Голос эмира прозвучал приветливо, и Едиге в который раз удивился тому, как может на глазах меняться этот человек. Будто и не было никогда жестокого воина, без трепета посылающего тысячи людей на верную гибель или приказывающего складывать курганы из отрезанных голов побежденных.

– Я позвал вас затем, чтобы сказать о близком походе. Пора напомнить Тохтамышу, что он не должен забывать о том месте, которое определено ему судьбой. Я хочу,

чтобы вы стали теми людьми, которые укажут моим туменам самые короткие пути к цели. Дорога предстоит неблизкая, и никто сейчас не сможет сказать, где, в каком конце Дешт-и-Кипчак встретим мы войско хана...

Эмир выжидательно замолчал. Молчали и Темир-Кутлук, и Кунчек-оглан. Они с нетерпением ждали, кого же Тимур назовет властителем Золотой Орды взамен поверженного Тохтамыша? И один только Едиге понял, что эмир сегодня не скажет об этом, потому взглядом попросил у эмира слова:

– Высококочтимый эмир. Мудрость твоя велика, а глаз зорек. Мы горды твоим поручением. Не каждому выпадает счастье сослужить такую службу. Мы сделаем все! И все-таки... У меня есть просьба...

Тимур допил чай и поставил пиалу на ковер.

– Говори, – разрешил он.

– Никто не знает просторы Дешт-и-Кипчак так хорошо, как Темир-Кутлук и Кунчек-оглан. Они достойны указывать путь твоему войску. У меня же с Тохтамышем кровная вражда. Он велел убить в свое время моего отца. Я не успокоюсь, пока меч не обогрится его кровью. Поэтому мое место среди воинов. – Едиге помолчал, а когда заговорил снова, в голосе его были мольба и страсть: – Великий эмир, дай под мое начало тумен! Я должен встретиться со своим врагом в битве, лицом к лицу! Клянусь хлебом, что оправдаю доверие! – Едиге взял с дастархана и поднял над головой ломоть хлеба.

Хромой Тимур долго молчал и, казалось, взвешивал просьбу батыра. На самом деле он находился на распутье и не знал, как ему поступить. Можно было бы уступить Едиге, сделать то, что он просит, потому что эмир верил – ненависть его к Тохтамышу действительно велика и батыр действительно будет сражаться с ним, не жалея жизни. Понуканием не заставишь пса броситься на вояка. Многие предводители страшатся битвы и потому, конечно, будут уступать и в ярости, и в смелости Едиге. Но не слишком ли рано доверять батыру? Десять тысяч всадников – большая сила. Если они попадут в руки смелого, хитрого, умеющего увлечь за собой Едиге, кто знает, станут ли они со временем так же беспрекословно выполнять волю эмира? Не получится ли так, что, расправившись с Тохтамышем, батыр откажется идти дальше и покорять Орду? Недаром ведь говорят, что зов крови предков в человеке сильнее всего. Кто знает, быть может, в час испытаний он, этот зов, как раз и проснется в Едиге? Нет, спешить не стоило.

Хромой Тимур заговорил медленно, словно взвешивая каждое свое слово на ладони.

– Не руби саблей, предназначенной для врага, камень. Быть может, ты и разрубишь его, но когда на твоём пути встанет враг, сабля твоя уже не будет годна, чтобы сразиться с ним... Ты своей храбростью подобен булатному мечу, и потому тебя было бы неразумно держать в ножнах... Я уже думал о том, чтобы сделать тебя предводителем тумена, а быть может и целого войска, но на этот раз у кылаузов-проводников особая задача. Темир-Кутлук и Кунчек-оглан поведут два войска, ты же станешь во главе третьего, которым командует Султан-Мухаммед. Это моя главная ударная сила. Не дать войску заблудиться, помочь ему вовремя прийти туда, куда

потребуется, это уже половина успеха. Кроме того и я мечтаю отомстить Тохтамышу... Быть может, я и поставлю тебя во главе тумена, когда мы придем в земли Дешт-и-Кипчак.

Едиге понял, что Тимур не доверяет ему. Вспыхнувшие было в его душе отчаяние и злоба тотчас же погасли, и он неохотно согласился.

– Хорошо, высокочтимый тахсир. Я повинуюсь приказу.

От эмира не ускользнуло выражение лица батыра, угадал он и внутреннее его состояние, но вида не подал.

– Есть ли у вас еще какие-нибудь ко мне просьбы? – Тимур обвел собравшихся взглядом.

– Есть, – сказал Едиге. – И опять у меня...

– Говори, мирза.

– Вчера ваши нукеры увели из моего отряда джигита. Если можно, прикажите освободить его.

– Кто он и что сделал?

– За ним нет вины. В моем отряде несут службу три брата. Они кипчаки из Джизака. И вот младшего забрали, сказав, что позавчера его весь день не было в отряде, а кто-то видел его среди тех, кто грабил дехкан, возвращающихся в свои кишлаки с ташкентского базара. Братья боятся за его судьбу...

Тело Хромого Тимура напряглось.

– А разве они не знают, что ограбление считается большим преступлением и я отдал приказ карать смертью каждого, кто решится на это? Воин, идущий в поход, обязан строго соблюдать дисциплину и не предпринимать никаких действий без разрешения своего предводителя.

– В твоём войске все знают о строгом порядке, но дело в том, что джигит никого не грабил. Весь тот день он был рядом со мной.

– Почему же ты не сказал об этом моим нукерам?

– Я только сегодня узнал об этом... Меня не было в ставке...

Тимур поцокал языком.

– Ты опоздал со своею просьбой, Едиге. Джигита больше нет е живых. В последнее время на дорогах стало появляться много грабителей. Я повелел ловить их и казнить при народе. Вчера пятерым таким отрубили головы. Выходит, нукеры мои ошиблись и вместо виноватого казнили невинного.

– Разве так можно, высокочтимый тахсир? – с горечью сказал Едиге.

– Можно, – лицо эмира было спокойным. – Если мы хотим отучить чернь грабить и заставить ее уважать наши приказы, что значит жизнь пяти человек по сравнению с этим? Если ты можешь вылечить тело, пораженное страшной болезнью, заплатив за это одним пальцем, то отруби его. Кто в этом случае упрекнет тебя в неразумности?

Едиге, который и сам легко предавал других смерти и привык быть жестоким, не выдержал.

– Это несправедливо, когда за вину одних будут платить жизнью другие.

Тимур в задумчивости покачал головой.

– Да, это несправедливо... Но если ты решил достичь своей цели, ничто не должно быть для тебя преградой.

– Что я скажу братьям убитого?

– Скажи, что произошла ошибка.

– Разве это может быть для них утешением?

– Еще скажи, что виновные будут обезглавлены.

В разговор вмешался Темир-Кутлук:

– Напрасно погибли еще несколько воинов...

– Ты неправ, батыр, – глаза Хромого Тимура сузились. – Я добился своей цели. Казнь пятерых послужила хорошим уроком грабителям. Конечно, убивать еще несколько человек не хотелось бы. Особенно накануне больших битв. Но и не убить их нельзя, потому что иначе я потеряю уважение перед народом, и он усомнится в моей справедливости.

Да, эмир хорошо знал, что делает. И впервые с той минуты, как он попросил у Хромого Тимура покровительства, Едиге пожалел об этом,

Снова он оставался один на один со своими заботами и мыслями, и, как в орде Тохтамыша, не на кого было опереться и не на кого было рассчитывать.

Двадцать второго января года лошади (1391) Хромым Тимур поднял свои тумены и, покинув пределы Ташкента, двинулся в Дешт-и-Кипчак. Подобно тому как в свое время Джучи переправился через Сейхундарью, эмир приказал настелить мост на надутых и связанных между собою бычьих шкурах и благополучно перевел свое войско на другую сторону реки.

Не задерживаясь, тумены двинулись в сторону Отрара. Не прошло и нескольких дней, как отряд, ведомый Осман-батыром, наткнулся на отряд из войска Тохтамыша. Золотоордынцы были беспечны, не ожидали нападения, и потому Осман-батыр легко справился с ними. Много воинов было порублено, остальные бежали в степь. Они-то и сообщили Тохтамышу о том, что в сторону Отрара идет войско Тимура.

Хан в это время осаждал Сауран, Шингирши, Куш. Города держались стойко, и ему никак не удавалось сломить сопротивление их жителей.

Узнав о приближении войска Тимура, Тохтамыш заколебался. Он хорошо знал эмира, силу его Туменов. Поэтому сразу же приказал снять осаду городов и быстро уходить в просторы Итиля, где можно было бы пополнить войско и приготовиться к битве. А чтобы как-то выиграть время, послал к Хромому Тимуру послов.

Хан знал, переговоры ни к чему не приведут, потому что он слишком долго испытывал терпение своего бывшего покровителя. Хромым Тимур никогда не отступает от задуманного, и уж если он решился выступить с двухсоттысячным войском, решающей битвы уже надолго отсрочить нельзя.

Ханских послов во главе с Султанбек-бием в ставке Тимура встретили с подобающим почетом – поставили для них белую юрту, приготовили угощение. Однако же на второй день, когда пригласили к эмиру, тот не выказал уважений, полагающегося послам дружественного государства. Хмуро кивнул им Тимур,

приглашая сесть.

Султанбек-бий, едва опустившись на пушистый яркий ковер, заговорил быстро, напористо:

– Мы родственники по крови. Наши предки жили в мире и дружбе, делили радость и горе, ходили в одни походы, против одного врага. Мы отдавали в жены вам наших девушек; и наши джигиты брали ваших красавиц. Не годится вытаптывать друг у друга пастбища. Ссора умаляет достоинство батыров. Хотя мой повелитель хан Тохтамыш высок по положению, но он шлет свой поклон тебе, эмир Тимур, и дарит девять прекрасных коней, быстрых словно ветер, а также сокола с золотым колокольчиком на лапе.

Эмир сделал движение рукой, и высокий нукер с красивыми пышными усами, стоящий у входа, быстро направился к послам и принял из рук одного из них ловчую птицу. Неслышно ступая по ковру, подошел к Тимуру и посадил сокола ему на плечо.

Эмир не нарушил этикета, не отказался от подарка, но и хвалить его не стал, словно был он ему безразличен.

А Султанбек-бий продолжал свою речь:

– Одинаково желты цветом медь и золото, но не одинаковы их цена и свойства. Кто в этой жизни не ошибается... Мой повелитель – хан Тохтамыш – понял, что поступил не по-братски, и потому просит не гневаться на него. Отправляя меня к тебе, он говорил: «Я всегда был эмиру Тимуру правой рукой. С его помощью я стал ханом. Так пусть же он простит меня. Отныне я клятву свою не нарушу и между нами всегда будет прочный мир. Сколько бы ни прошло дней и годов...»

Тимур гордо и зло вскинул голову.

– Прощения моего не будет хану Тохтамышу... Если бы он вызвал меня на честную битву, я, быть может, и простил его, потому что знал бы, что движет им желание властвовать. Это желание бывает в людях иной раз сильнее желания жить. Если бы все обстояло так, и он вызвал меня на битву ради этого, я бы не осудил его. Но Тохтамыш, забыв о моей доброте, когда я находился в далеком походе, напал на подвластные мне земли и народы, и действия его подобны удару кинжалом в спину. Коварства я не прощаю!

Речь Тимура становилась все более отрывистой, гневной. Он словно позабыл о том, сколько раз он сам совершал коварство. Отставив в сторону растопыренную ладонь, он начал загибать пальцы, перечисляя все прегрешения Тохтамыша перед ним, грозным Тимуром. В уголках его губ появилась пена. Безжалостные прозрачные глаза его вылезли из орбит и налились кровью.

Находящиеся в шатре в испуге попятились от своего повелителя, решив, что у него снова начинается приступ падучей болезни. В такие минуты Хромой Тимур терял рассудок и трудно было предсказать его поступки.

Ослепление прошло так же внезапно, как и возникло. Эмир потряс головой, словно прогоняя наваждение. В юрте сделалось тихо. Тимур с удивлением посмотрел на сидящего на его плече сокола и, брезгливо дернувшись, сбросил его на ковер, под ноги.

– Все! – хрипло сказал эмир. – Пусть Тохтамыш просит прощения у аллаха. А наш

спор решит битва!

Послы поднялись и, склонившись в низком поклоне, попятились к выходу. И уже у самого порога Султанбек-бий сказал:

– Высокочтимый эмир, мы передадим слово в слово то, что вы сказали нашему повелителю, хану Золотой Орды Тохтамышу.

Усмехнувшись одними губами, Тимур негромко сказал:

– Вы уже не сможете передать моих слов...

Послы замерли на месте. Лицо Султанбек-бия покрылось мертвенной бледностью.

– Ни один хан, ни один эмир не совершал насилия над послами, пришедшими для того, чтобы помирить два враждующих народа... – неуверенно сказал он.

– Так не делали раньше. Так вынужден поступить я. Вы второй день в моей ставке, и глаза ваши не были закрыты. А раз так, то вы видели то, что не позволено видеть врагам. – Тимур помолчал, наслаждаясь страхом послов. – Но я не убью вас. Вы останетесь здесь и, когда мы двинемся в Дешт-и-Кипчак, станете нашими проводниками. У вас есть возможность сохранить свои жизни, если вы будете хорошо выполнять то, что вам поручил я.

Жизнь возвращалась на бледные лица послов.

– Но кто же тогда передаст Тохтамышу твои слова? – спросил Султанбек-бий.

– Никто! На рассвете мои тумены пойдут вперед. Они и дадут достойный ответ вашему хану на его слова.

Но Тохтамыш не ждал ответа от Хромого Тимура. Бросив все, что могло бы обременить его войско и помешать отступлению, он, не позволяя надолго останавливаться коннице, поспешно уходил в свои степи. По пути золотоордынцы грабили кочевья, аулы и небольшие городки. На этот раз опустошению подвергся и город Яссы. Мусульмане словно забыли, что на этой земле находилась усыпальница ходжи Ахмеда Яссави.

Все больше и больше отрываясь от преследователей, Тохтамыш обдумывал свои действия на ближайшее будущее. Во что бы то ни стало следовало собрать войско, по численности превосходящее войско Тимура. Только в этом случае можно было рассчитывать на победу. Хан был уверен, что ему удастся выполнить намеченное. Многолюдье Орды позволяло это сделать. И еще Тохтамыш верил, что Хромой Тимур, удовлетворенный поспешным бегством врага, в нынешнем году не вступит на подвластные ему земли. Пройдет полгода, а быть может и год, прежде чем он продолжит свой поход. А за это время можно было собрать и вооружить огромное войско.

Но Хромой Тимур не думал надолго откладывать месть. Он послал в погоню за ханом сорок отважных джигитов во главе с опытными и хитрыми предводителями Каракан-батыром и Даулетхах-мергеном. Они настигли заслон Тохтамыша и, после короткой схватки, пленили несколько золотоордынских воинов. Близкая смерть и страх развязывают языки. Вскоре Тимур знал все, о чем ему хотелось знать.

Эмир после недолгих раздумий собрал совет из эмиров войска, чингизидов и приближенных к нему батыров. Решение было единогласным – идти вслед за ханом.

Отправив в Самарканд всех, кто мог оказаться лишним в походе, Тимур через Яссы, Карачук, Сауран вывел свое войско в центр Дешт-и-Кипчак. Более месяца длился этот поход. В начале апреля, когда в степь уже пришла весна, огромное войско остановилось на отдых в урочище Сарыузен, на берегах реки Сарысу. Но едва подсохла земля и степные реки стали возвращаться в берега, Тимур велел своим туменам переправиться через Сарысу и идти к горам Улутау. Здесь эмир вновь сделал недолгую остановку.

Земля преобразалась. Теплое, ласковое дыхание весны вернуло землю к жизни, и оттого мир сделался праздничным и просторным. Поднявшись однажды на вершину горы, Тимур залюбовался открывшимися перед ним безбрежными далями. Зеленая степь, подернутая дрожащей сизой дымкой, казалось, не имела предела. Тысячные стаи птиц летели над нею в бездонном голубом небе, в загадочные края вечного мрака. Мир звенел от пения жаворонков, и казалось, что это звенит само огромное небо, сотворенное из необычайно красивого синего камня.

На миг душу Тимура охватила тревога. Где-то в этих безбрежных просторах находилось сейчас войско Тохтамыша. Как его отыскать, если он станет уклоняться от битвы, как догнать? Здесь в кипчакской степи, охваченной великим покоем, безбрежной как море, можно утонуть, исчезнуть бесследно, и некому будет рассказать о мужестве воинов, сошедшихся в смертельной схватке. Все засыплет прах времени, затынут степные травы.

В глубокой задумчивости вернулся Хромой Тимур в свой походный шатер. А на следующий день к подножью горы Алтынчоки велел своим воинам натаскать груды камней. На вершине установили плоскую плиту, и мастер, владеющий искусством резьбы по камню, найденный среди пеших воинов эмира, вырезал на ней слова, которые сказал ему Хромой Тимур. В три строки легла арабская вязь, и начиналась она так: «Во имя аллаха милосердного и милостивого...» Далее, чтобы надпись могли прочитать и другие народы, не знающие арабских букв, уйгурским письмом на чагатайском языке, на котором говорили узбеки, Тимур повелел написать, что был он здесь, султан Турана, двадцать третьего числа месяца джумади 1 (28 апреля 1391 г.). И что шел он двухсоттысячным войском против Тохтамыш-хана. Всего восемь строк потребовалось великому завоевателю, чтобы рассказать о своей великой задумке, о своем великом походе вглубь Дешт-и-Кипчак.

Кто знает, что заставило поступить так Хромого Тимура? Быть может, ему была введена истина, что нет на земле ничего, что могло бы сравниться с долговечностью камня? Бесследно проходят по земле люди, стираются в памяти самые смелые и великие их деяния, и только камень да слово вечны. Кто знает, о чем думал эмир?

Понимая, что обратной дороги для него нет, Хромой Тимур повел свои тумены дальше. Вокруг лежала цветущая земля, и ни сам эмир, ни один из его воинов не думал сейчас о смерти. Мир был настолько прекрасен, что люди забывали о своем прошлом и не хотели думать о будущем.

Переправившись через неширокую степную реку Иланчук (ныне Джиланчик), всего за восемь дней дошел он до урочища Анакаркун и здесь велел поставить свой

походный шатер. На огромном пространстве было разбросано теперь его двухсоттысячное войско – передовой отряд подошел к берегам реки Ирғиз, те же, кому было определено прикрывать спину войска, разожгли свои костры на берегу реки Турғай.

Пустынной была степь, и незнающий человек решил бы, что так здесь было всегда. Откуда знать пришлому, что в обычные годы в междуречье кочевали десятки и сотни кипчакских больших и малых аулов. Но кто осмелится остаться на пути туменов, идущих на битву, какой безумец уверует, что все для него обойдется хорошо? Поэтому поднялись с насиженных мест аулы и, подобно напуганным птицам, гоня перед собою стада скота, разлетелись в разные стороны – кто в долины рек Нуры и Есиля, а кто в пески Улыкum и Балакум.

Прошло почти четыре месяца, как войско Хромого Тимура находилось в походе. И здесь, в урочище Анакаркуюн, выяснилось, что продовольствие, взятое из Мавераннахра, на исходе. Кончилось вяленое мясо, почти не осталось муки, от наступившего тепла портилось залитое в кожаные бурдюки масло. Следовавшие за войском мусульманские купцы, рассчитывавшие на богатую добычу и быстрое завершение похода, продавали воинам продовольствие по баснословно высоким ценам. Над двухсоттысячным войском нависла угроза голода. Тимур хорошо знал, чем это может кончиться – еще немного и среди воинов начнется воровство, вспыхнет вражда. Голодные люди плохо подчиняются своему господину, если тот не может их накормить.

И тогда Хромой Тимур велел собрать к себе всех эмиров войска. По издавна существующему обычаю он потребовал, чтобы с этого дня никто не делал из муки ни хлеба, ни лепешек, ни лапши, ни других кушаний. Отныне воины могли готовить только болтушку из ячменной муки, причем каждый из них получал в день всего одну чашку этой похлебки. Разрешалось добавлять в нее только мутр – смесь из съедобных сушеных трав, которой еще оставалось в запасе довольно много.

Передовые отряды ничего не знали о войске Тохтамыша. Следовательно, конца походу видно не было и надо было думать о том, чтобы хоть как-то насытить голодающих воинов, чтобы они не потеряли силы и сохранили дисциплину.

И тогда Хромой Тимур объявил о том, что скоро будет устроена облавная охота.

К эмирам туменов, двигавшимся по степи каждый своим путем, чтобы для коней хватало корма и не создавалась сутолока, были отправлены табашы, которые должны были указать предводителям их место и порядок предстоящей охоты. Обезлюдившая в этом году степь была полна разным зверьем: бесчисленные стада сайгаков, дзеренов, диких коз – еликов, куланов, бродили по безбрежным просторам.

В начале мая Тимур приказал окружить огромный участок степи, и десятки тысяч воинов вышли на отведенные им места, образовав кольцо, через которое отныне не мог бы проскочить незамеченным даже самый хитрый и маленький зверек. Такие охоты проводил еще Чингиз-хан. Это была давняя монгольская традиция, и потому к ней относились серьезно. Не только о добыче думали, начиная охоту, ханы, но и о том, чтобы проверить выносливость воинов, убедиться, что они не разучились повиноваться

и выполнять самые сложные и необычные поручения. Облава велась по всем правилам, как если бы войско шло на врага. Каждый тумен, каждая тысяча, сотня и десяток действовали согласованно и дружно. Как и в битве, войско делилось на центр, правое и левое крыло. Впереди шла разведка и караулы, и специальный тумен охранял тыл войска.

На рассвете, в урочный час, заревели хриплоголосые карнаи, запели зурны, рассыпали громкую дробь барабаны. Медленно тронулись вперед цепи конных воинов, касаясь стремями друг друга. Два дня и две ночи, то шагом, то рысью, двигались, они, сжимая кольцо, выставив перед собой копья с тускло поблескивающими наконечниками. Никто не имел права убить хотя бы одного зверя. Задача воинов была не дать ни одному из них уйти сквозь цепь. Обезумевшие стада сайгаков, джейранов и куланов носились из края в край степи, ища спасения, но повсюду они натывались на живую стену и, страшась человеческого духа, бросались в противоположную сторону. Все короче становились их пробежки, все теснее делался круг. И уже можно было видеть, как, забыв об извечной вражде, бежали рядом волк и заяц, и глаза их, налитые страхом, были слепы – они не видели друг друга. Жалобно, пронзительно кричали брошенные звериные детеныши. Их топтали, сбивали, давили мечущиеся в панике тысячные стада. И когда живая петля затянулась настолько, что в круг могли войти только те, кому предстояло завершить облавную охоту, Тимур во главе тысячи отборных воинов сделал это. С обнаженными саблями, с копьями наперевес они ворвались в середину круга.

Пройдут сотни лет, но в великой Дешт-и-Кипчак по-прежнему будут помнить об этой страшной охоте, устроенной Хромым Тимуром. С упоением, пьяные от крови, воины, которым выпала честь вместе со своим эмиром войти в круг, приподнявшись на стремях, опускали свои блестящие, быстрые как молнии клинки на головы животных. Уверенно и без промаха, кололи копьями сайгаков те, кто предпочитал это оружие, да и трудно было им промахнуться, потому что животным не было числа. Злые жеребцы куланов бросались на ограждение, но стоящие здесь воины гасили их ярость ударами копий. Только волков, поднятых с их логова на дне сухих оврагов, рысей, выгнанных из березовых колков, да кабанов, обычно скрывающихся в приозерных густых камышах, пропускали сквозь свой строй воины, стоящие в оцеплении. Таков был приказ Хромого Тимура. Что толку от этих зверей, если мясо их несъедобно...

Вместе с эмиром участвовала в этой охоте его любимая жена Шолпан-Малик-ака. Одета в одежды воина, она старалась не отстать от своего повелителя. Лицо ее полыхало от волнения румянцем, глаза сияли, но рука была тверда, как это и полагается жене Железного Тимура, повелителя многих земель и народов. Без жалости, с азартом, разила она беззащитных животных, и эмир, изредка бросавший на нее взгляд, любовался ее посадкой в седле и ловкостью.

Тимур вдруг увидел, как из гуши мечущихся животных выскочил совсем крошечный детеныш джейрана на тонких дрожащих ножках. Огромные темные глаза его, похожие на глаза ребенка, были полны боли и страха. Ища защиты, он бросился

под брюхо лошади, на которой сидела Шолпан-Малик-ака. Тимуру вдруг захотелось, чтобы жена нагнулась с седла, подхватила детеныша на руки, не дала ему умереть. Не знавшему ни жалости, ни сострадания ни к чему живому на свете, эмиру вдруг захотелось, чтобы в этот раз все произошло именно так, но Шолпан-Малик-ака, подняв свою лошадь на дыбы, заставила отпрянуть ее в сторону и, красиво изогнув свой стан, опустила саблю на голову детеныша джейрана. Тимур отвернулся. Брезгливая гримаса тронула его губы.

Только после полудня закончилось избиение животных. Степь пахла кровью. Заваленная трупами сайгаков, куланов, джейранов, еликов, земля была черна от крови, а в небе, еще несмело, на большой высоте парили стаи грифов, стервятников, орлов-могильщиков.

Вдоволь насытившись полусырым мясом, поджаренным на кострах, воины принялись свежевать туши. Счастливые, забывшие о недавнем голоде, они готовили мясо впрок – одни мочили его в воде горько-соленого озера, другие привозили в кожаных мешках белую землю с солончаков и ею пересыпали туши. Вскоре, нагрузив вьюки с мясом, воины повели длинные караваны к своим временным стоянкам.

Тимур стоял на невысокой сопке и, сощурившись, смотрел на место недавней бойни. Медленно, не торопя своего коня, на вершину поднялся Едиге. Ему предстояло сообщить эмиру неприятную новость о том, что всего несколько часов назад из его тысячи сбежали к Тохтамышу два воина – братья того невинного джигита, которого казнил Хромой Тимур за грабежи дехкан. Но, взглянув на лицо эмира, не решился ни о чем говорить.

– Если бы мне удалось вот так же расправиться с войском Тохтамыша... – ни к кому не обращаясь, сказал вдруг Тимур.

– У вас доблестное войско, и никто не сомневается, что все произойдет именно так, как вы задумали... – негромко отозвался Едиге.

Тимур не взглянул на батыра.

– Да поможет мне в этом аллах!..

Солнце садилось. Длинные вечерние тени стелились по земле, и уходили группами в степь, в расположение своих туменов последние воины. Тимур тронул коня и начал спускаться с сопки. В тот же миг, словно дождавшись отъезда грозного эмира, с неба на поле недавнего побоища упала черная туча. Это, несмотря на наступающую ночь, прилетели на поживу, на свой пир хищники, казалось, со всей Дешт-и-Кипчак.

Тохтамыш, отправляясь в Мавераннахр, шел по земле. Уходить же оттуда пришлось подобно червю, прячась в землю. Он думал расправиться с Хромым Тимуром, но случилось так, что 'преследователь превратился в преследуемого. Теперь он сам ведет врага в свои земли.

Глубоко упрятав тревогу и стараясь не думать о возможных страшных последствиях для себя, Тохтамыш разослал во все стороны гонцов, которые должны были говорить во всех аулах и кочевьях: «В Дешт-и-Кипчак идет Хромой Тимур с войском, закованным в железо. Он никого не оставляет в живых. Его воины отбирают скот, забирают жен и детей. Уходите с дороги жестокого эмира, бегите кто куда может.

Джигиты же, способные держать оружие, пусть садятся на коней и отправляются к тому месту, какое укажут им старейшины рода».

Золотая Орда готовилась встретить Хромого Тимура. Со всех сторон, напуганные приближением врага, собирались под знамя Тохтамыша мужчины из родов, кочевавших на просторах Дешт-и-Кипчак. Вскоре у Тохтамыша оказалось огромное войско. Прибыли и наемные полки от генуэзцев Крыма и от буртасов Кавказа.

Тохтамышу было хорошо известно; что Хромой Тимур всегда доводит задуманное до конца. Поэтому следовало думать только о борьбе с ним, но невольно взор хана с тревогой постоянно обращался в сторону русских княжеств. Не ударят ли те в спину, пока он будет готовиться к битве с Тимуром? Тохтамыш хорошо понимал, что поход его на Русь не принес желанных результатов – он не покорил и не напугал русских. Этот народ креп день ото дня, хотя полного мира все еще не было между его князьями. Русские напоминали тетиву лука – сколько ни тяни ее, стоит лишь отпустить руку – она вновь, со звоном, возвращается в прежнее положение.

Чтобы обезопасить себя хотя бы частично, хан срочно отправил на Русь посольство со щедрыми обещаниями тверскому князю Михаилу Александровичу и рязанскому Олегу. Он клялся, что, как только победит Хромого Тимура, тотчас же двинется в их земли и поможет князьям разделаться с Москвой. Цель посольства была одна – посорить князей, не дать им объединиться в трудное для Орды время.

А время приближалось действительно трудное. Уже триста тысяч воинов было под рукой Тохтамыша, а беспокойство не оставляло хана. Во главе тысяч и туменов поставил хан известных во всей Дешт-и-Кипчак батыров: Кенжанбая, Караходжу, Уака, Шуака, родного брата беглого Едиге – Исабека и многих других. Среди них были бывший правитель Хорезма Сулеймен Софы, монголы Урусшик, Ак Буги; Коке Буги, потомки Джучи – Тастемир, Бекболат, Елжимыш, Шинте-оглан.

В войске Тохтамыша преобладала конница. Пехоты было всего десять полков. И поэтому, обдумывая предстоящую битву, хан решил использовать против Тимура, у которого было много пеших воинов, кипчакскую конницу.

Имея превосходство в численности, Тохтамыш все же побаивался сразу же вступать в сражение с эмиром. Непонятная робость, граничащая со страхом, заставила выбрать иной способ. Хан решил нападать на войско Тимура небольшими силами, постоянно беспокоить, не давать ему идти выбранным путем. И только когда от непрерывных засад, волнений и настороженности воины эмира обессилят, дать Тимуру решающее сражение. Стремительная конница должна была нападать на войско Тимура и с флангов, и с тыла. Хочет того эмир или нет, но ему придется отбиваться от нападающих и жалящих, подобно осам, стремительных кочевников. Находясь далеко от своих владений, Тимур не сможет восполнить потери ни в людях, ни в лошадях.

Так думал и так надеялся поступать Тохтамыш. Хорошо зная о том, каким количеством воинов располагает эмир, хан переправился с двухсотпятидесятитысячным войском через Итиль.

Необъяснимое беспокойство теперь не покидало его ни днем, ни ночью. Неуверенный в исходе предстоящих сражений, Тохтамыш оставил в Сарае, под

предводительством сыновей Жалелэддина, Кунчека и Жапарберды десять пеших полков и пятьдесят тысяч всадников. Еще пятьдесят тысяч воинов предстояло им собрать и держать в готовности, пока не потребуются они Тохтамышу.

На второй день, после переправы через Итиль, к Тохтамышу пришли джигиты Каникей и Тиникей, бежавшие от Хромого Тимура. От них узнал хан о количестве воинов у эмира, о пути, которым они идут. Беглецы сказали, что войску Тимура не хватает продовольствия и оно вынуждено устраивать охоты, чтобы добыть мяса.

Услышанное от джигитов еще раз убедило Тохтамыша, что он выбрал правильную тактику. Следовало как можно дольше уклоняться от битвы. Время помогало хану.

Тохтамыш, даже ненавидя Тимура, признавал его талант полководца. И потому, подобно эмиру, разделил свое войско на семь частей. Он не подумал о том, что слепое подражание никогда не приносит успеха. Тимур готовил войско более года, и все его семь частей были прочно связаны друг с другом и всегда знали, что надлежит им делать в любой обстановке. Кроме того, эмир совершенно изменил правила ведения боя для пеших полков. Помимо традиционных копьев и луков, пешие воины теперь использовали ограждения – шапары, пороховые заряды. Перед боем, с той стороны, с которой ожидался противник, рылся глубокий, недоступный для конницы ров. По замыслу Тимура пешие полки должны были первыми принимать на себя удар. Ежели же враг поступал иначе, тогда в дело вступала конница и, в конце концов, все-таки выманивала его и подставляла под удар пеших полков.

После долгих размышлений Тохтамыш решил дать сражение эмиру подальше от Сарая, выбрав для этого ровный участок степи, где бы могла развернуться и использовать все свои преимущества конница. Поэтому он решил сразу не искать встречи с Хромым Тимуром, а увести его за собой в глубь Дешт-и-Кипчак и только тогда...

Эмир не располагал точными сведениями, куда повел свои тумены хан, но опыт и чутье помогали ему угадывать направление. Осторожно и неторопливо двигался он вперед. Однажды, на рассвете, его разведчики, переправившись через Тобол, увидели следы недавно покинутой стоянки – даже угли в кострище были еще теплые. А через некоторое время наткнулись на одинокую юрту, хозяин которой не успел откочевать. Он ничего не мог рассказать о войске Тохтамыша, но, желая спасти свою жизнь, указал на небольшую березовую рощицу в низине, где скрывались десять всадников из войска хана.

Неожиданно напав на золотоордынских воинов, разведчики Тимура троих пленили, скрутили им руки волосяными веревками, остальных же просто перебили, потому что закон войны не позволял им щадить врагов.

Теперь Хромым Тимур знал довольно много о передвижении войска врага. Он переправился через Тобол и повел свои тумены в сторону Яика. Понимая, что его нынешний поход из-за безбрежности просторов кипчакских степей не похож ни на один из прежних и что здесь промедление может обернуться очень быстро поражением, эмир спешил. И тем не менее в эти дни он был, как никогда, осторожным.

Выслушав совет Темир-Кутлука, что полноводный Яик лучше всего преодолеть через броды Айгыржал, Буркитши и Кшисал, Тимур неожиданно приказал своему войску подняться в верховья реки и перейти ее там, где наверняка его никто не мог ожидать.

После бегства воинов Едиге, эмиру было ясно, что хан хорошо осведомлен о количестве его войска, о трудностях с продовольствием, поэтому, переправившись через Яик, ускорил движение своих туменов насколько это было можно и уже через шесть дней достиг реки Самары.

Враг был где-то рядом, но по-прежнему оставался недостижимым. По степи рыскали его сторожевые коршуны, сбивались с караулами Тимура в коротких стычках и снова исчезали, словно тонули в сивом степном мареве. Войско эмира было постоянно в боевой готовности. Конные отряды рассыпались по степи в поисках основных сил врага, но кроме сообщений, что еще вчера они были там-то и там-то, ничего стоящего внимания не могли донести Тимуру. Теперь и он хорошо понимал замысел Тохтамыша, рассчитанный на то, что войско Мавераннахра будет измотано бесцельным долгим походом по землям Орды. Лето подходило к концу, и, в случае если эмиру не удастся вынудить хана принять сражение, его войску придется срочно возвращаться назад. Осенние дожди и холода, неудача отнимут у воинов силы и сделают их легкой добычей того, кто станет их преследовать. А Тохтамыш обязательно поступит именно так. Поэтому следовало принять какое-то решение, которое позволило бы взять инициативу в свои руки или же срочно поворачивать тумены в обратную сторону, пока это еще не поздно.

После долгих раздумий Хромой Тимур приказал мирзе Омаршейху взять двадцать тысяч воинов и на самых быстрых конях день и ночь гнаться за главными силами Тохтамыша, а настигнув их, завязать бок и постараться не дать им уйти. Омаршейх справился с поручением эмира. Авангард золотоордынского хана был остановлен. Тохтамышу ничего не оставалось, как повернуть лицо к настигнутому его Хромому Тимуру. Разбитое на семь кулов-корпусов войско эмира быстро достигло долины речки Кундурчи – притока Черемшана⁴ и начало спешно готовиться к решающей битве.

С наступлением, ночи тысячи костров загорелись в лагере Тимура. Под черным безлунным небом от одного края земли до другого, похожие на волчьи глаза, мерцали они тускло и холодно, будя в сердцах золотоордынских воинов недоброе предчувствия...

Глава четвертая

Пылали костры и в стане Хромого Тимура и в стане Тохтамыша... Для многих воинов это были последние костры в их жизни. Согретые нежным, мягким теплом, они

---

⁴ Река Кундурча находится на территории Куйбышевской области.

не хотели думать об этом. По существующей традиции накануне битвы повелители одарили своих воинов подарками. И пусть пустяшными были они, но каждый воин верил, что завтра он до отказа набьет свои переметные сумы добычей, отнятой у врага. О смерти не думал никто, и никто не выказывал страха, надеясь, что именно к нему судьба будет более благосклонна, чем к другому. Сегодня, накануне битвы, десятники, сотники, тысяцкие и предводители туменов в войске Тимура примеряли подаренные им эмиром шелковые халаты, отделанные серебром пояса, бархатные тюбетейки и железные кольчуги. Их противники из лагеря Тохтамыша любовались бориками, отороченными мехом выдры, дорогими поясами и кинжалами, выкованными из знаменитой шамской стали.

Битва, еще не начатая, уже шла. Ровно в полночь вдруг потухли в лагере Тимура все до одного костры. И было в этом что-то загадочное, необъяснимое. Ночная тьма скрывала то, что делалось там, и даже высланные вперед разведчики ничего не смогли рассмотреть сквозь заградительные щиты-шопары. Эмир знал, что непонятное тревожит, отнимает покой, мешает уверенности. Он не предпринял никаких действий, а просто велел воинам ложиться спать, но, поступив так, Тимур был уверен, что многие в лагере Тохтамыша, обеспокоенные непонятным, уснут не скоро.

Еще далеко было до рассвета, а воины в обоих лагерях уже не спали. Наскоро поев холодную, приготовленную еще с вечера пищу, они начали занимать отведенные им места.

И когда над краем земли блеснули первые золотые мечи солнца, войско Тохтамыша и войско Тимура были готовы к битве. С вершины плоской сопки смотрел эмир на пространство, на котором скоро сойдутся сотни тысяч людей, чтобы убивать друг друга. Настал заветный час, когда должно было решиться, кто же является избранником судьбы и аллаха – он, Тимур, или золотоордынский хан Тохтамыш.

Еще раз, сощурившись, окинул эмир взглядом свои пешие полки и конные тумены. Военачальники хорошо и точно выполнили все приказы, полученные накануне. В центре войска стоял кул Тимура, над которым сегодня главенствовал мирза Сулейманшах. За ним стоял второй кул эмира, власть над которым он отдал мирзе Мухаммед Султану, а рядом с ним находилось несколько кошунов, которыми мог распорядиться только сам Хромой Тимур. Во главе правого крыла стоял мирза Мираншах. Его прикрывал кул хаджи Сейфадина. Левое крыло войска эмир поручил мирзе Омаршейху и для прикрытия дал кул под командованием Бердибека. Однако в случае какой-нибудь неожиданности Бердибек должен был прикрыть центр войска.

Все шло так, как этого хотел Хромой Тимур. Хотя воинов у него было на пятьдесят тысяч меньше, чем у Тохтамыша, эмир не испытывал робости: он привык к победам.

Казалось бы, все мысли Тимура должны быть в это утро заняты только предстоящей битвой, но помимо его воли лезли в голову воспоминания, мешали сосредоточиться. Ему вдруг вспомнилось, как привели к нему трех воинов золотоордынцев, захваченных в короткой схватке между головными отрядами. Двое из них предпочли умереть, но не стали ничего рассказывать о войске Тохтамыша. Эмир приказал своим нукерам исполнить их последнюю волю, а когда головы упрямцев покатались по земле, сказал

третьему воину, молодому джигиту:

– Расскажи нам, сколько воинов у Тохтамыша и кому из эмиров доверил он свои тумены и тысячи. Расскажи все, что знаешь... Иначе тебя постигнет участь твоих товарищей.

Воин не испугался. Но не это удивило Хромого Тимура. Непривычным было другое – не испытав страха, тот рассказал обо всем, что интересовало эмира.

– Вчера мы видели холодные кострища, оставшиеся от ночевки целого тумена, – сказал Тимур. – Почему же хан все время приказывает своим воинам отступать? Он боится нас или не верит в свою победу?

Воин отрицательно покачал головой.

– Нет, – сказал он. – Тохтамыш смел и решителен... – в голосе зазвучал скрытый вызов. – Неужели вы, являясь эмиром, до сих пор не разгадали его замысла? Хану хорошо известно, что ваши воины давно не наедаются досыта. И чем больше пройдет дней, тем меньше сил останется у них. Разве не лучше дождаться этого часа, чем ввязываться в битву с сильным врагом?

Воин дерзил, но Тимур не спешил с расправой.

– Прежде чем ты умрешь, я хотел бы спросить тебя еще вот о чем... Почему, не испытав страха, ты, тем не менее, рассказал мне то, что не должен был рассказывать?

Не опуская глаз, воин смотрел прямо в лицо эмиру.

– Вы уверены, что я раскрыл тайну, но я только рассказал правду... И без меня бы это скоро стало известно всем. Достойно ли эмиру задавать вопросы, ответы на которые он легко мог бы найти сам... – снова в голосе его сквозила насмешка, и он вдруг перешел на «ты». – Рассказывая правду, я надеялся, что, быть может, ты повернешь назад свои тумены и тем самым спасешь жизнь тысячам воинов, бездумно следующим за тобой. Но сейчас я вижу, что лицо твое по-прежнему решительно и ты не остановишься перед кровопролитием ради своей славы. Жалость недоступна великим...

И сейчас, накануне битвы, вспомнив плененного воина, Тимур усмехнулся. Он действительно ни к кому и никогда не испытывал жалости и ценил человеческую кровь не дороже простой воды из ручья. Вдруг в памяти отчетливо встало прошлое, такое далекое и, казалось бы, совсем позабытое.

Это было в Тавризе... Утопив город в крови, в назидание тем, кто осмелится не покориться ему, Хромой Тимур велел на главной площади города насыпать курган из отрубленных человеческих голов. Слух о его жестокости разлетелся по ближним и дальним землям, леденя человеческую кровь и повергая души в смятение. И тогда подошел к эмиру старик Сейтшейх, известный своей мудростью и ученостью. Он случайно уцелел в резне, устроенной воинами эмира. Старик сказал:

– Пять моих сыновей погибли, поднявшись против тебя... Головы их сейчас там, на площади...

– Ты что, хочешь получить за них выкуп? – спросил Тимур.

– Нет. Мне не нужен твой выкуп. Нет такой цены, которая была бы равна бесценной человеческой жизни... Я пришел для другого... Хочу понять, что ты за человек?

– Попробуй... Я разрешаю, спроси...

Старик поднял свое морщинистое лицо. В выцветших от долгих лет глазах его были боль и печаль.

– Ответь мне... Для чего ты ведешь бесконечные войны?

– Я хочу, чтобы Мавераннахр стал могучим государством.

– Если ты думаешь о Мавераннахре, то зачем ты пришел в Иран?

– Если я не покорю сильного соседа, то наступит такое время, когда он покорит меня.

– Пусть будет так... – согласился старик. – Но какое отношение имеет величие Мавераннахра к кургану человеческих голов на площади?

– Каждого, кто выступит против моих замыслов и обнажит меч, чтобы встать на моем пути, постигнет эта участь... Кто может, тот пусть увидит содеянное мною, другим об этом расскажет людская молва...

– Я понял тебя... Но ведь человек – творение бога и его надлежит жалеть...

– Человека сотворил аллах, но жалости он не достоин... Человек человеку – волк...

– Выходит, что и ты зверь? – старик выжидательно замолчал.

Лицо Хромого Тимура окаменело, зрачки сузились. Он начал говорить сначала тихо, но с каждой секундой голос его набирал силу, становился громче, пронзительнее.

– Ты дерзок, старик! И слишком много хочешь знать! Страх движет людьми. Он толкает людей на отчаянные поступки, он же отнимает последние силы и делает их рабами... Я заставлю людей дрожать при одном упоминании моего имени!.. Человек хорошо запоминает только плохое, а потому имя мое будет жить века!..

Сейтшейх покачал головой.

– Выходит, что сам всевышний несправедлив...

Тимур перебил:

– Ты хочешь обвинить аллаха в несправедливости только за то, что вас он создал слабыми, а меня сильным?

Нет, эмир, я думаю совсем о другом. Для чего было всевышнему делать человека глупым...

– Что ты знаешь о человеческой глупости?! – презрительно бросил эмир.

– Никому не дано знать все... Но только для чего умному помнить имя злодея? Для чего передавать это имя потомкам? Человек несет в себе жизнь, и запоминать он должен только тех, кто умел созидать, умел быть справедливым. Ни один народ не смеет возвышаться за счет гибели другого народа. Имя жестокосердого правителя должно умирать вместе с ним, чтобы другие не соблазнялись прославиться точно также. И когда такое случится, ради славы своей люди не станут воздвигать курганы из человеческих голов, а построят новые города и дворцы... Ты можешь казнить меня, эмир, но я не боюсь сказать тебе в глаза, что зверь не вправе носить имя человека.

Нет, не к месту пришли сегодня воспоминания. Хромой Тимур поморщился. Он знал – наступит срок, и он покинет землю, как это происходит со всеми живущими и жившими на ней. Подобно Чингиз-хану, он мечтал создать сильное, могучее государство. Ради этого он разграбил, и разорил Иран и Ирак, сравнивал с землей

Ургенч... а через какой-то миг отдаст приказ и сотни тысяч воинов ринутся на золотоордынское войско, чтобы превратить когда-то могучую Орду в своего вассала. На земле не должно быть двух правителей, равных по славе и могуществу. Только ему, Тимуру, предначертано это судьбой, и ему покровительствует всевышний. Ради этого стоило жить и не щадить тех, чьими руками он непременно покорит мир.

Странные, необъяснимые вещи происходят в жизни. Все знают, что эмир жесток, и все-таки находятся такие люди, которые не боятся его и даже под страхом смерти говорят свою правду. Отчего это? Тимур искал ответа и не находил. Потом вдруг мелькнула спасительная мысль, и он с радостью ухватился за нее. Все дело, видимо, в том, что он недостаточно жесток. Кровь до этой поры лилась ручьями, теперь она должна литься рекою. На всей земле не должно остаться ни одного человека, который бы не боялся его. И, успокоившись, Тимур вдруг подумал, что не остановится ни перед чем, ради того чтобы осуществить задуманное...

Спешившись и бросив повод коня подбежавшему нукеру, Тимур подошел к своему шатру, где ждал его Саид-Берке – главный ишан войска. Опустившись на разостланный по земле коврик, эмир совершил утренний намаз. Неторопливо поднявшись с колен, он еще раз окинул взглядом свое войско. В отдалении, на равнине, подобно грозовой туче, стояло войско Тохтамыша.

– Пора, – сказал Тимур. – Пусть шейх прочтет нам напутственную молитву.

Саид-Берке склонился в почтительном поклоне. Потом поднял голову, и красивое смуглое лицо его с редкой седой бородой сделалось вдруг торжественным. Он вскинул к небу руки, и находящиеся у шатра военачальники и приближенные эмира опустились на одно колено, повернувшись лицом в сторону Мекки, в сторону священного камня Кааба.

– Слушайте, мусульмане! На небе аллах, на земле эмир Тимур... Коль бог захочет покарать осмелившихся поднять на вас руку, то эмир Тимур, выполняя его волю, уничтожит их своим карающим мечом. О аллах! Помоги сыновьям своим! Пусть и на этот раз победит наш повелитель эмир Тимур! Пусть без меры растет его слава! Аминь!

Шейх провел ладонями по лицу, потом, наклонившись, взял с земли горсть песка и бросил его в сторону золотоордынского войска.

– Великий эмир Тимур, ты можешь начинать битву. Враг твой рассыплется, словно брошенный мною песок, и ты победишь...

– Аминь! – сказал Хромой Тимур, и нестройными голосами повторили за ним это слово все, кто стоял рядом. – Пусть случится так, как ты сказал, шейх.

Отсюда, с вершины холма, эмиру было хорошо видно, что в войске Тохтамыша тоже возносят молитву аллаху и просят у него победы. Губы его тронула злая усмешка. Он взобрался в седло и властным жестом вскинул вверх руку. Тимур знал, за каждым его движением следят сейчас тысячи глаз и те, кому посчастливится уцелеть в нынешнем сражении, запомнят эмира навсегда. Повинуясь немоу приказу Тимура, взревели карнаи, застучали барабаны. И тотчас же, словно эхо, донеслись такие же звуки из стана Тохтамыша.

Пришли в движение тумены. Живая река всадников, обтекая холм, пока еще медленно, словно копя силы, двинулась в сторону противника. Тимур хорошо знал, что, чем бы ни закончилась битва, остановить этот поток уже нельзя. Он будет сметать все на своем пути и поглотит войско Тохтамыша, или же разобьется о него, как о скалу.

Ревели карнаи, и зеленое знамя с белой бахромой развевалось над головой Тимура, шли и шли бесчисленные тумены, посверкивая острыми жалами копий, призывно и тревожно ржали кони, храпели, пытались встать на дыбы, но сильные руки воинов умирляли их страх. Идущие на битву подбадривали себя гортанными криками.

Пришло в движение и войско Тохтамыша. Насколько хватало глаз, во все стороны света, земля шевелилась, как огромный муравейник, и временами казалось, что не вместит она всех, кто пришел сегодня сюда на битву. Почти полмиллиона воинов устремились в долину речки Кундурчи.

Все уже становилась полоска, разделяющая два великих войска. Тимур подал знак, и над степью прокатился страшный гул, блеснули снопы огня, и в небо поднялись белые клубы дыма – это ударили громобросающие орудия, которые эмир захватил в Иране.

Пронзительно заржали кони, но живую лавину уже ничем нельзя было остановить. Задние напирали на передних и толкали вперед, навстречу смерти.

Первыми не выдержали напряжения золотоордынцы. Отряды Елжегиш-оглана и Кенжанбая с диким воем бросились вперед, взметнув над головами кривые сабли.

Резко остановились пешие полки Тимура. Слобно порыв ветра пронесся над ними, и лес копий наклонился в сторону скачущей конницы – полки оцетинились острыми блестящими жалами.

Но Тохтамыш не собирался бросать своих воинов на верную гибель. Его отряды, не соприкоснувшись с пешими полками, вдруг, повернув коней, ударили по левому и правому крылу войска Тимура.

С треском, словно сухие ветки, ломались древки копий, звенело железо, и от его ударов сыпались искры. Желтая, удушливая пыль поднялась к небу, закрыв от глаз аллаха сражающиеся тумены. И со стороны Тимура, и со стороны Тохтамыша во главе их шли предводители и прославленные батыры, показывая своим воинам пример мужества и доблести.

Равнина, выбранная для битвы, была огромна. Здесь беспрепятственно могла маневрировать конница, легко уходить от удара и так же легко наносить его в новом месте.

Прошло совсем немного времени, и войско Тохтамыша, потеряв строй, начало сражаться так, как оно привыкло: разбившись на отдельные отряды, воины наносили короткие стремительные удары, но существенного урона туменам и пешим полкам Тимура это не приносило. Приученное к строгой дисциплине, разделённое на семь частей-кулов войско эмира легко отражало все атаки. Медленно, но упорно продолжало оно теснить войско хана, оставляя за собой пространство, усеянное трупами.

Красный глаз солнца, едва видный в облаках пыли, остановился над головами

сражающихся, а ни одна, ни другая сторона еще так и не добила существенного перевеса. Казалось, что битве не будет конца.

И в это время примчался к Тимуру гонец с вестью, что воинам Тохтамышу удалось зайти в тыл Омаршейху – предводителю левого крыла.

– Пусть стоит насмерть! – коротко сказал эмир. – Я пошлю ему на помощь тумен.

Тимур знал, что после его слов ни мирза, ни один из его воинов не отступят, даже если небо упадет им на голову.

И, желая склонить чашу весов на свою сторону, Хромой Тимур отдал приказ Сулейманшаху ударить свежими конными полками по потерявшему свою монолитность центру войска Тохтамышу.

Эмир не ошибся в расчетах.

Стоило лишь центральной части войска Тохтамышу дрогнуть под ударом воинов Сейфаддина, как попятились, потянулись за ним и левое, и правое крыло.

Счастье на поле битвы изменчиво. У Тохтамышу еще было достаточно свежих, не уставших в сражении воинов. И потому он приказал эмиру Исабеку, взяв часть из них, ударить по левому крылу войска Тимура. Сошлись две знаменитые конницы – кипчакская и туркменская, но поскольку мужество и ратное умение были у них равными, ни одна из сторон не смогла пересилить другую.

Сражению, казалось, не будет конца. Если в одном месте начинало одолевать золотоордынское войско, то на другом теснили противника воины Тимура. Силы у обеих сторон были на исходе. Обезумевшие от усталости, измученные жаждой, с красными, слезящимися от едкой пыли глазами, люди продолжали убивать друг друга, моля судьбу и аллаха послать им хотя бы какое-нибудь избавление. Но судьба не спешит вмешиваться, а аллах, слепой от пыли, затмившей небо, обратил свой взор в иные края и земли.

И в этот миг произошло то, чего никто не ожидал.

– Великий эмир! – крикнул один из нукеров. – В нашу сторону движутся неизвестные всадники!

Тимур некоторое время еще продолжал следить за битвой, потом неохотно обернулся.

– Где?

– Вон! – нукер указал рукой назад.

С вершины холма хорошо было видно облако пыли, поднятое скачущими всадниками. Оно словно катилось по открытой степи в сторону ставки.

Тимур не ждал никого и поэтому сразу же понял, что это вражеский отряд.

Лицо эмира заострилось, ноздри большого носа хищно затрепетали.

– Останови дерзких!

Большое облако приближалось. Уже можно было легко рассмотреть, что в отряде около пятисот всадников и впереди них на темно-сером жеребце скачет воин богатырского сложения.

Тимур увидел, как предводитель обернулся к воинам и вверх взметнулись, блеснув крошечными молниями, кривые клинки.

Сомнений не было – Тохтамыш перехитрил его. Он заслал в тыл отряд, чтобы тот ударил по ставке эмира и посеял панику и страх в войске Мавераннахра.

Рассыпавшись по степи, густой лавой неслись навстречу нападающим телохранители Тимура. Два отряда сшиблись. Замелькали сабли, словно в водовороте закрутились на одном месте кони. И даже здесь, на вершине холма, стал слышен лязг железа и хриплые яростные крики воинов.

На миг Тимур забыл о главном сражении. Подавшись всем телом вперед, опершись двумя руками на луку седла, он следил за тем, что делалось внизу.

Опытный глаз эмира вдруг заметил – там что-то произошло. А совсем скоро стало ясно, что его телохранители отступают. Видимо, ярость нападающих была сильнее их ярости.

Тимур скрипнул зубами. И страх, еще далекий, неясный, шершавой ладонью тронул сердце. Пройдет немного времени, и нападающие могут оказаться здесь. Погибнуть или быть плененным, когда победа уже почти в твоих руках, было верхом несправедливости.

Кто-то из стоящих рядом крикнул:

– Нападающих ведет Исабек!

«Исабек... Исабек...» – мелькнуло в сознании эмира. Где-то и когда-то он уже слышал это имя.

Тимур оглянулся. Надо было принимать какое-то решение. У него было еще достаточно войска, но все отряды находились неблизко от ставки, и если нападающие сомнут телохранителей, то никто не успеет прийти на помощь.

На мгновение появилось желание хлестнуть коня и пока не поздно мчаться в безопасное место, под защиту стоящих в запасе туменов. Но тотчас мелькнула мысль, что бегство его сразу же заметят и погаснет мужество его воинов. Как может приказывать повелитель сражаться своему войску до последнего, если он сам при первой опасности бежит с поля битвы?

– Едиге, Едиге!.. – выдохнул кто-то за спиной эмира.

Тимур привстал на стременах. Из-за невысоких увалов вырвался большой отряд конников и помчался прямо к месту схватки золотоордынцев и нукеров.

Да, это был Едиге со своими джигитами. Кто успел предупредить его об опасности, нависшей над ставкой, сейчас не время было думать. Главное, он шел на помощь.

Припав к гриве коня, вырвавшись далеко вперед, мчался на врагов Едиге. Золотоордынцы заметили опасность и, повернув коней, перестав преследовать нукеров, устремились навстречу ему. И здесь впереди мчался предводитель – богатырского сложения воин, которого кто-то из приближенных эмира назвал Исабеком.

Тимур вдруг вспомнил, где слышал имя батыра. Исабек был старшим братом Едиге. Когда тот ушел от Тохтамыша, он не покинул хана.

Расстояние между братьями сокращалось. В руке Едиге поблескивала сабля, а Исабек прижимал к правому бедру древко копья.

Глаза Тимура блестели. Неужели же два брата, вскормленные молоком одной

матери, убьют друг друга? Неужели так велика их преданность своим повелителям, что даже узы крови ничего не значат для них? Какую цель надо поставить перед собой, о каком счастье мечтать, чтобы, не дрогнув, поднять руку на брата?

Лихорадочные, быстрые мысли мелькали в голове эмира. Выходит, напрасно не доверял он Едиге. Человек, способный убить брата, оказавшегося в чужом стане, ради победы своего повелителя, достоин всяческого уважения и почестей. Пусть же это свершится, и тогда...

Расстояние между братьями сокращалось. Эмир привстал на стременах, затаил дыхание. Сейчас Едиге взмахнет саблей и обрушит ее на голову Исабека или, быть может, тот окажется более ловким и первым проткнет Едиге острым жалом копья?

То, что увидел Тимур, было для него неожиданным: братья промчались мимо друг друга, почти коснувшись стременами. Сабля Едиге обрушилась на головы ханских воинов, Исабек, ловко увертываясь от ударов, разил копьем нукеров Тимура.

Эмир презрительно отвернулся от происходящего и снова стал следить за битвой в долине Кундурчи. И по центру, и справа, и слева его кулы одолевали войско Тохтамыша. Теперь он был твердо уверен, что судьба благосклонна к нему. Долгожданная победа, о которой он думал много лет, была близка. Но, странное дело, радость, которая должна была захлестнуть его, почему-то не приходила.

Всплыл в памяти вдруг первый поход в Дешт-и-Кипчак... Давно это было... Услышав о приближении туменов Тимура, аулы рода коньрат, кочевавшие по берегам реки Арысь, поднялись с насиженных мест и ушли на запад. Но случилось так, что никто не предупредил о надвигавшейся беде хозяина одинокой юрты, затерянной в степи.

Первой увидела приближающегося врага женщина. Она посадила на коня впереди себя братишку, позади сестренку, поцеловала маленького сына, крикнула спящему мужу, что идет враг, и, нахлестывая коня, умчалась в степь.

Воины поймали женщину и привели к Тимуру.

– Почему ты убежала не с мужем и сыном, а с братом и сестрой? – спросил он.

– Потому, – ответила она, – что если твои воины убьют мужа, я найду другого. Если погибнет сын, я рожу еще одного. Ежели погибнут брат и сестра, то кто будет на свете более одиноким, чем я, ведь отец и мать мои давно умерли?

Сказанное женщиной понравилось Хромому Тимуру. Он велел не трогать ее юрту, не убивать мужа и не отнимать скот.

Не оттого ли Едиге и Исабек не захотели поднять друг на друга руку? Тимур понимал, что родство по крови дорого черному люду, но для чего оно мирзам, биям и батырам. Им оно может только помешать. В свое время хан Джанибек не пощадил на поле брани своего брата Танибека. Для потомков великого Чингиз-хана жажда власти всегда была превыше родственных уз. Верно говорят в народе, что у камня нет корней, а у туре-чингизида – родственников. Впрочем, Едиге-то как раз из простых... Странно устроен человек. Он сам испугивает птицу счастья, которая собирается сесть на его плечо. Если бы Едиге расправился с братом и показал, что готов отдать жизнь за него, Тимура, разве бы эмир не осчастливил батыра? Все бы мог дать ему Тимур, разве что

не смог бы сделать ханом Золотой Орды, ведь он не потомок Чингиз-хана, как и сам эмир.

За сладкое платят сладким. Для того, чтобы возвысить человека или сделать другом, мало его преданности. Надо еще, чтобы он так же, как и ты, ненавидел врага и еще чтобы враг у вас был общим...

Семь кулов Хромого Тимура, несмотря на то, что потеряли много воинов и ряды их поредели, железной подковой стискивали золотоордынское войско. Для отступления ему был открыт путь лишь на запад.

И видя, что битва проиграна, Тохтамыш вновь допустил ошибку, за которую заплатят своими жизнями десятки тысяч воинов. У него еще была возможность, собрав войско в кулак, ударить по левому крылу Тимура и, прорвавшись сквозь его тумены, уйти в лесистые земли булгар, но он все не решался на это, потому что не верил недавно покоренным булгарам и боялся, что они попытаются отомстить, набросившись на остатки его разгромленного войска.

Продолжая сражаться, его тумены, потерявшие порядок и строй, поспешно отступали в сторону Итиля. Это был конец. Когда уже не осталось земли, чтобы продолжать битву, золотоордынские воины начали бросаться в воду Итиля. И позади всех, ухватившись за гриву своего коня, плыл хан Тохтамыш.

Жестокое поражение потерпел хан Золотой Орды. Более ста тысяч воинов потерял он в битве, бросив их тела на съедение хищным зверям и птицам в междуречье Кундурчи и Итиля. Немало золотоордынцев нашло свой конец в водах могучей реки. С туменами, потерявшими почти половину своих воинов, поспешно уходил Тохтамыш подальше от места своего позора.

Приближалась осень. Ветры были еще не студеными, и дожди оставались теплыми, но следовало спешить, вовремя убраться из Дешт-и-Кипчак в пределы благословенного Мавераннахра, где никогда не бывает суровых зим, и потому Тимур, дав отдых воинам, похоронив павших в битве, повернул голову своего коня в сторону родных мест.

Огромную добычу взял Хромой Тимур. Каждый воин из пеших полков получил по десять-двадцать лошадей, всадники же взяли по сто и более коней. За уходящим в свои пределы войском, под охраной специальных отрядов, рабы гнали бесконечные стада баранов.

Особенно велика была добыча самого Тимура и его военачальников. Более пяти тысяч юношей и девушек, сделав их рабами, взял себе эмир.

Войско его, опьяненное победой, грабило по пути аулы кочевников. Никто не знал пощады и не получал снисхождения. Воины Тимура отбирали у степняков их жилища «кутерме» – которые, не разбирая, можно было ставить на повозки. Неумолимой судьбой были для побежденных победители.

Разделив свое войско на три части, Тимур каждой из них указал направление движения и разрешил им брать все, что они пожелают.

Аулы кочевников, ушедшие весной с пути, по которому следовал Тимур, не ожидали, что обратную дорогу он выберет именно здесь, где они считали себя в полной безопасности.

Подобно тому, как еще недавно воины Хромого Тимура устраивали в междуречье Тургая и Иргиза охоту на животных, устраивали они облавы на людей. Ни один встреченный на пути аул, ни один человек не знали пощады. Молодых забирали с собой, старых, за ненадобностью, убивали. Те же, кому удавалось спастись, укрыться в степных балках, все равно ожидали смерть, потому что приближалась зима и лишенные скота и крова люди не могли рассчитывать пережить суровую зиму, Кровью и слезами умывалась в эту осень желтая кипчакская степь.

Переправившись вброд через обмелевший Яик, Тимур вывел свое войско к Саурану, а оттуда через Отрар вернулся в Самарканд. Одиннадцать месяцев продолжался его поход, и эмир был теперь уверен, что Тохтамыш никогда не сможет больше стать сильным соперником в борьбе за власть.

На этот раз Тимур не торопился назначать на отнятые у Тохтамыша земли хана. И Едиге, и Темир-Кутлук, и Кунчек-оглан поняли, что эмир не нуждается в них и ни одному из них он не доверяет настолько, чтобы кого-нибудь сделать своим наместником. Поэтому они однажды пришли к Тимуру.

– Высокочтимый эмир Тимур! – от имени всех троих сказал Едиге. – У каждого из нас в землях Золотой Орды остались близкие. Наши роды по-прежнему кочуют там., но поскольку хану Тохтамышу удалось ускользнуть, кто знает, не станет ли он мстить тем, кто узами родства связан с нами, вставшими под твоё знамя. Разреши нам вернуться и, взяв с собой всех, кто пожелает, прийти под твою защиту...

Хромой Тимур легко разгадал хитрость батыров, но не подал вида. Для него они тоже были не страшны. Едва ли найдется такой народ, который захочет, чтобы его предводителями стали те, кто еще недавно вместе с врагом жег их жилища, насиловал женщин и угонял скот.

– Хорошо, – сказал эмир. – Но, быть может, вам для этого нужен отряд воинов?

– Нет, – возразил Едиге. – Мы думаем, что люди сами пойдут за нами...

– Пусть будет по-вашему... Идите в свои степи, но я буду ждать вашего скорого возвращения...

В эту же ночь, опасаясь, что Тимур может передумать или замыслить коварный поступок, трое батыров исчезли из его ставки, уведя с собой свои отряды. Потеряв веру в Тимура и понимая, что рассчитывать на него больше нечего, они больше не вернулись в его ставку. На короткое время появлялся здесь лишь Кунчек-оглан, но и тот очень скоро сбежал в родные степи. Все трое, воссоединившись со своими родами, ушли в места прежних кочевков – в причерноморские степи. Они понимали, что, пока жив Тохтамыш и пока свежа в памяти людей их измена, начинать борьбу за власть бесполезно.

Тимура не огорчило исчезновение батыров. Земли Дешт-и-Кипчак были ему не нужны. Какой ему был прок от владения огромными просторами, где не было городов и где кочевали племена, единственным богатством которых был скот? Тимуру не нужны были пастбища, потому что в отличие от великого Чингиз-хана он правил оседлыми народами. Сейчас, когда Тохтамыш был смят, опасности со стороны степи

не было. Она была занята междоусобной борьбой за земли и власть. Так было всегда, когда падал или подгнивал столп, на котором держался шатер Золотой Орды. Скоро такая борьба не кончится, потому что в степи свои законы и порядки, свое течение времени...

Поражение от Хромого Тимура потрясло Тохтамыш, но он не собирался покоряться судьбе. Подвластные земли его были огромны, и множество родов кочевало по их просторам. Вселяло надежду и то, что Тимур не остался в Дешт-и-Кипчак, не посадил своего хана, а, одержав победу, ушел в свои пределы. Закаленный долгими годами борьбы за власть, знавший немало поражений в начале своего пути, Тохтамыш был полон сил и желания отомстить эмиру за пережитый позор и унижение. Снова стал собирать он войско и не позволил эмирам, биям и батырам разбежаться от подножья своего трона.

Еще недавно уверенный в слабости своих западных соседей – русских и литовцев, хан теперь с тревогой смотрел в их сторону. Ему нужен был надежный крепкий тыл и уверенность, что соседи не используют его временную слабость, не ударят в тот момент, когда он будет занят войною с Тимуром.

Хотя и после поражения Тохтамыш по-прежнему имел большое войско, он знал, что на Руси многие князья попытаются поднять голову, потому что битый враг, если его даже побил другой, уже не кажется таким страшным и грозным, каким был прежде.

Неспроста, видимо, вдруг приехал именно в это время в Орду великий, московский князь Василий Дмитриевич. И хотя внешне выглядело это так, что приехал он с поклоном, но на самом деле речи вел смелые, а порой и дерзкие, уговаривая хана не мешать ему взять под свою руку Нижегородско-Суздальское княжество. И, понимая, что тем самым он усиливает Москву, Тохтамыш, скрепя сердце, согласился с его требованиями. Сейчас мир с Русью был хану очень необходим.

Уладив дела с Московским княжеством, Тохтамыш послал своих послов в Краков, к польскому королю Ягелло – брату великого литовского князя Витовта. Уступив Москве, он боялся ее союза с Литвой. Там по-прежнему шли споры из-за пограничных земель. Хан дал Ягелло право на спорные земли, но при условии, что тот признает над собою главенство Орды и станет, как прежде, платить дань. Все складывалось так, как хотел Тохтамыш. Клин между Русью и Литвой был вбит.

Зная, что Тимур враг сильный, хан надеялся заручиться сильным союзником. Как и в прежние времена, когда дела по каким-либо причинам у Орды складывались не очень благоприятно (так было, например, когда боролась она против Хулагу при хане Берке), Тохтамыш отправил своих послов к египетскому султану ал-Малик аз Захиру Беркуку с предложением совместно выступить против Хромого Тимура. Эмир Мавераннахра в это время угрожал не только Орде, но, вступив в Иран тем самым затрагивал интересы и Египта. Именно поэтому хан рассчитывал на благоприятный исход переговоров.

Проходил страх, накапливались силы, и все труднее становилось Тохтамышу удерживаться от искушения наконец-то выступить против своего главного врага – Хромого Тимура. Услышав, что эмир с войском находится в Северном Азербайджане,

в городе Шеки, в год собаки (1394), Тохтамыш двинул свои тумены к Дербенту и, миновав его, начал грабить города и селения Ширвана.

Тохтамыш верил в свою победу, и дух его был крепок. Не спеша продвигаясь вперед, он ждал, что предпримет Хромой Тимур в ответ на его дерзость.

И в это время произошли события, которые расстроили, взбесили хана. Недобрую весть доставил ему из Орды гонец.

Шли годы, и Садат-бегим отвыкла от Едиге. Ее больше не волновали и не тревожили воспоминания о счастливых днях и тайных встречах. Не гасло, не тускнело от времени только желание отомстить батыру за пережитый позор. Только женщина может одинаково сильно любить и ненавидеть. Годы не смогли потушить тлеющий в душе, постоянно жгущий ее уголек. Пепел времени лишь укрыл его от постороннего взгляда.

Садат-бегим все еще чувствовала себя молодой. Да так и должно было быть, потому что она была любимой женой хана и не хотела уступать своего первенства никому. Широкобедрая, с тонкой талией, она по-прежнему умела разбудить желания и заставить мужчину потерять разум. И только глаза, еще совсем недавно живые и блестящие, потускнели, и в глубине порой вспыхивали холодные, недобрые искорки.

Мужчины, которым приходилось бывать в ауле ханум, как и прежде, с вожделием и сладострастием смотрели на Садат-бегим, но ни один из них не решался на поступок – они боялись гнева и мести Тохтамыша.

Но был в Орде человек, который не боялся ничего, потому что любовь к Садат-бегим ослепила его и лишила разума. Услышав от нее приказ, он готов был на все, готов был подобно ночной бабочке броситься в огонь. Звали этого человека Дулатбек, и выполнял он в ауле ханум обязанности начальника стражи.

Дулатбеку едва перевалило за сорок. Был он высок ростом, смугл, сухощав, прекрасно владел саблей и соилом и считался смелым воином. Тохтамышу он принадлежал и душой и телом, много раз ходил с ним в походы и всегда сражался со своим повелителем стремя в стремя.

Тохтамыш не раз испытывал преданность и честность Дулатбека, а когда убедился в них, назначил начальником стражи, охраняющей аул любимой жены.

Но одного не учел хан, что мало проверить достоинства человека в битве. Совсем другим может оказаться этот человек, когда дело коснется чувств и наслаждений. Крепкий, как булат, в сражении, он может быть мягче шелка, когда к нему придет любовь. И покоренный ею, он забудет о страхе, который должен испытывать перед своим повелителем, о долге и совести. Желание обладать любимой женщиной придаст ему сил и отчаяния, и батыр, не задумавшись, может броситься на острия копий.

Дулатбек был молчалив и суров на вид, но сердце его оказалось нежным и ранимым. И потому, уловив момент, он сказал о своих чувствах Садат-бегим.

Сощутив глаза, испытывающе глядя на батыра, женщина спросила:

– Разве ты не боишься хана?

– Что я могу поделать со своим сердцем?!

Садат-бегим покачала головой и ничего не ответила Дулатбеку. Ханум ушла, но

батыр видел, что слова, сказанные им, не рассердили ее. И от этого еще жарче, еще сильнее вспыхнула в его груди страсть. Своим молчанием женщина словно дала ему надежду.

Собираясь идти в поход против Тимура, Тохтамыш решил отправить Садат-бегим в Крым, к генуэзским купцам.

Под охраной отряда Дулатбека большой караван, нагруженный тюками с дорогими подарками для знатных людей Кафы, часто останавливаясь на дневки, чтобы не утомлять долгой дорогой Садат-бегим, отправился в Крым.

Правители города, купцы, мореходы с подобающими почестями встретили любимую жену хана. Каждый день в ее честь устраивались приемы. Хитрые генуэзцы умели угодить знатной гостье. Именно здесь, на главной площади Кафы, однажды судьба вновь свела Садат-бегим с Едиге.

Ханша сидела на высоком помосте, устланном цветистыми заморскими коврами, и смотрела как юноша-туркмен в лохматой белой папахе показывал собравшимся охоту дикого кота – каракала на голубей.

Садат-бегим слышала, что подобное развлечение устраивают в далеких восточных странах, но самой ей видеть не приходилось.

Юноше-туркмену помогал мальчик в лохмотьях. Посреди площади он рассыпал несколько горстей зерна и выпустил из деревянного ящика голубей.

Видимо, птиц давно не кормили, и они с жадностью начали склевывать зерна. И тогда наступила очередь юноши. Он сбросил с клетки прикрывающий ее платок и открыл дверцу. Мягко ступая широкими, короткими лапами из нее вышел песчано-желтый кот с ярко-зелеными пронзительными глазами. Ленивый и медлительный, он словно не замечал собравшихся вокруг людей. И вдруг короткие уши каракала насто-рожились, вздыбились на них черные кисточки, а зрачки сузились, и он припал к земле.

Зачарованно смотрела Садат-бегим, как еще недавно ленивый и медлительный зверек вдруг напрягся и, прижимаясь всем телом к земле, пополз в сторону клюющих зерно птиц. Толпа замерла. Каратал, казалось не полз, а скользил по земле, слившись с ней.

Голуби словно почувствовали приближение опасности. Они перестали клевать зерно и тревожно крутили своими точеными головками, пытаясь понять, откуда исходит угроза. Вдруг они дружно сорвались с места и, громко хлопая крыльями, попытались взмыть в небо. Но было поздно. Словно желтая молния метнулась вслед за ними. В неправдоподобно высоком прыжке каракал достал одну из птиц и вместе с ней, мягко, на все четыре лапы, упал на землю...

Собравшиеся ревели от восторга. Глаза Садат-бегим горели азартом. Она смотрела, как юноша-туркмен, поймав каракала, запикивал его в клетку, а тот в ярости грыз его рукавицы из толстой грубой кожи, и ей хотелось, чтобы все повторилось снова.

Краем глаза ханум видела, как расступилась, раскололась надвое толпа на площади, пропуская каких-то всадников. Все еще находясь под впечатлением увиденного, она равнодушно скользнула по ним взглядом и... вздрогнула. Во главе отряда воинов,

одетых в тускло поблескивающие кольчуги, ехал Едиге.

Садат-бегим знала, что его род кочевал где-то в этих краях, но о встрече с батыром не думала.

По-прежнему красивым и сильным был Едиге. Мерно ступал под ним могучий конь темной масти, а сам всадник сидел в отделанном серебром седле небрежно, чуть боком и равнодушно смотрел поверх голов расступающихся перед ним горожан.

Откуда было знать ханум, что за эти годы батыр добился многого. Придя сюда только с одним своим родом, он сумел объединить вокруг себя другие, более слабые и теперь располагал немалыми силами.

Тохтамыш, занятый подготовкой к войне с Хромым Тимуром, словно забыл об изменнике и не пытался преследовать Едиге. Он знал, что батыр тщеславен. Но не боялся ни его, ни Темир Кутлука, так как был уверен, что они не смогут противостоять ему. Важно было победить Тимура, а потом, когда освободятся руки, с изменниками расправиться не представляло особого труда.

Едиге же не терял времени даром. Где лестью, где подкупом, где силой склонял он на свою сторону предводителей мангытских родов и уже замыслил отделить от Орды причерноморские степи и Крым и стать их единовластным хозяином. Надо было только дождаться удобного момента, а что он наступит скоро, Едиге не сомневался: Тохтамыш снова искал встречи с Тимуром, да и русские княжества могли ударить ему в спину.

И на этот раз он приехал в Кафу с умыслом. У него были хорошие отношения с правителями города, и Едиге надеялся договориться с ними о союзе против Тохтамыша.

Батыр знал о том, что в Кафе находится Садат-бегим, и даже хотел приказать, чтобы воины схватили ее и привезли к нему, но в последний момент передумал – не годилось устраивать шум в городе, с которым он искал дружбы, ведь ханская жена была гостем его правителей.

Но в удовольствии унижить Садат-бегим Едиге не смог себе отказать. Именно поэтому и появился он на площади, где было устроено зрелище.

Спокойный и величественный, проехал Едиге мимо помоста, на ко- тором сидела Садат-бегим. И то, что он сделал вид, будто не заметил ее присутствия, было выражением неуважения не только к ней, но и к самому хану Золотой Орды. Все это видели собравшиеся, и именно так расценили они поступок батыра.

Чувство унижения захлестнуло Садат-бегим. На глазах выступили злые слезы. Потребовав коня, она торопливо покинула площадь. Гулко и яростно стучало сердце: «Мсть! Мсть! Мсть!»

В этот же день, пригласив к себе Дулатбека, Садат-бегим сказала ему. прямо, не скрывая своего замысла:

– Если ты принесешь мне голову Едиге, то я соглашусь на то, чего ты хочешь.

– Хорошо, – не задумываясь, ответил Дулатбек. – Если бы у Едиге было даже не одна, а сто голов, все равно они будут лежать у твоих ног. Я клянусь в этом...

Дулатбек, охваченный страстью, верил в свою силу и хитрость. Кроме того, он знал,

что Едиге враг Тохтамыш, а значит, и хан отблагодарит его за этот поступок.

Ловок и отважен был Дулатбек. Подобно ящерице, оставив своих воинов в степи, бесшумно пробрался в аул. Те, кому положено было охранять юрту Едиге, беспечно спали в стороне, растянувшись на еще не остывшей после дневного зноя земле. Тишина стояла над землей. Даже собаки не подавали голоса. В высоком небе перемигивались неяркие звезды, и луна, похожая на золотой щит, неподвижно висела на черном пологие ночи.

Осторожно отодвинув край кошмы, закрывающей вход, Дулатбек проскользнул в юрту и замер, сжимая в руке нож. Скоро глаза его начали различать предметы. В тусклом лунном свете, проникающем сквозь шанрак – отверстие в своде юрты, он увидел разостланную на полу постель и спящих Едиге и его молодую жену. Черные волосы женщины разметались по подушке, и оттого лицо ее казалось совсем белым. Рядом с ней, откинув с себя одеяло, спал, негромко всхрапывая, Едиге.

Бесшумно ступая, Дулатбек прокрался к постели, наклонился, выставив вперед нож, и тут же вскрикнул от неожиданности и боли. Ударом ноги Едиге выбил из его руки нож. Тонкой змейкой блеснуло другое лезвие, и Дулатбек, без стоны, пораженный в самое сердце, рухнул на землю.

Едиге вытер об одежду врага клинок и негромко засмеялся.

– Я ждал тебя, Дулатбек, – сказал он. – И ты пришел за своею смертью...

Едиге действительно ждал его. Еще день назад, возвращаясь из Кафы, он задержался на берегу неширокой, но бурной речки, отправив сопровождавших воинов вперед. Когда же стал переезжать реку вброд, конь замешкался на середине потока, и Едиге нечаянно оглянулся назад. Совсем близко, в негустом тальнике, стоял воин и смотрел в его сторону. Батыр легко узнал в воине Дулатбека. Он знал его по прежним походам и знал, что тот верно служил Тохтамышу.

Все это было неспроста. Иначе зачем ему красться по следам? Если бы надо было убить Едиге, то лучше всего это можно сделать сейчас, когда он застрял посреди реки и не может ни ускакать, ни оказать сопротивления. Дулатбек хороший стрелок, и это не составило бы для него никакого труда – стрела не пролетела бы мимо цели. Значит, Садат-бегим потребовалась голова батыра, значит, убийцу надо ждать ночью.

Едиге не ошибся и потому сделал все, чтобы никто не помешал нежданному гостю проникнуть к нему в юрту. Именно поэтому не лаяли в ауле собаки и стража беспечно спала, вместо того чтобы беречь жизнь своего господина. Остальное батыр умел делать сам: и подолгу не спать, и быть проворным, и не промахнуться, когда надо отыскать сердце врага.

Утром Едиге нашел корджун, припасенный Дулатбеком, и, положив туда его голову, приказал одному из джигитов быстро скакать в Кафу, отыскать там Садат-бегим и передать ей зловещий подарок.

Батыр понимал, что ярость женщины дошла до предела и больше нельзя было относиться к этому беззаботно, иначе неизвестно, чем все кончится. Потерпев неудачу, Садат-бегим могла придумать еще более изощренную месть. Поэтому он послал отряд

смелых джигитов на тропу, по которой жена Тохтамыша вскоре должна была возвращаться в Орду.

Все случилось так, как хотел Едиге. Его воины перебили охрану, разграбили караван, а Садат-бегим раздели догола, отхлестали гибкой лозой и, привязав к спине коня, погнали его в степь.

Когда случайно путники через несколько дней после этих событий увидели в степи коня с привязанной к нему женщиной, Садат-бегим уже потеряла разум.

Именно эту весть принес Тохтамышу гонец в тот момент, когда хан был полон решимости встретиться с Хромым Тимуром.

Тохтамыш впал в ярость. С пеной у рта он кричал о том, что скоро придет такое время, когда он жестоко отплатит Едиге за нанесенное ему оскорбление, сровняет аул батыра с землей, а всех, кто последовал за ним, – превратит в рабов.

Через несколько дней, успокоившись, хан велел своему войску двинуться в пределы Ирана. Усилием воли он заставил себя забыть о случившемся, потому что злые мысли о Едиге могли помешать ему быть мудрым и расчетливым накануне битвы с Тимуром.

Весть о действиях Тохтамыша не удивила эмира. Он знал, что хан не смирится с поражением так же, как не смирился бы и он сам. Поэтому уклоняться от встречи с Тохтамышем не имело никакого смысла. Она была неизбежна.

Устроив смотр своему войску, Тимур, по обычаю, роздал военачальникам богатые подарки и велел готовиться к походу. Самых почитаемых жен – Сарай Мульк-ханым и Туман-еку он отправил в Самарканд, остальным же было приказано ехать в Султанию.

Откладывать битву с войском Орды нельзя было по двум причинам. Во-первых, земли Ширвана, которые грабил сейчас Тохтамыш, Тимур считал своими, и потому, чтобы не уронить престижа, просто обязан был дать отпор всякому, кто осмелился на такую дерзость. Во-вторых, до той поры, пока не будет покончено с ханом, Тимур не мог в полную силу вести войну в Армении и Иране. Недалеко от Фахрабада Тимур вдруг велел своим туменам остановиться. Близилась зима, и, хотя в этих краях не знали больших холодов, погода стояла неустойчивая. Эмир решил переждать это время года, тем более что рядом были хорошие пастбища, а из Мавераннахра в скором времени должны были подойти новые полки.

Остановился со своим войском и Тохтамыш, ожидая, какие же действия первым предпримет Тимур.

Но едва в феврале месяце зазеленела степь, неожиданно снявшись с места, эмир направился к Дербенту.

Зеленым шелком переливались под ветром весенние травы, и ласковый ветер, теплый и мягкий, гладил лица людей. Но Тохтамыш в эти дни был угрюм. Стал похож на человека, которому приснился дурной сон, а он все никак не может забыть его.

Хан то начинал казнить себя за то, что решился выступить против Хромого Тимура, то вдруг его охватывала уверенность, что по-иному и нельзя было поступить.

И, чтобы хоть как-то отвлечься от тяжелых дум, сделать короче бессонные ночи, Тохтамыш стал приглашать к себе любимого младшего сына Кадырберди и заставлять его рассказывать старинные легенды и сказания.

В юрте у хана собирались его военачальники, знатные люди кипчакской степи. Зачарованно слушали они бархатистый, глубокий голос Кадырберди, а тот рассказывал им великую поэму о любви «Хосров и Ширин», написанную Низами на языке фарси и переложенную на тюркский степным акыном Кутба.

Вместе со всеми слушал легенду и Тохтамыш. Чудесные слова завораживали, но мысли хана были о другом. Он вдруг начинал задумываться о смысле жизни, о ее превратностях.

Почему свой перевод поэмы Кутба посвятил Таныбек-хану, правившему совсем недолго и убитому двоюродным братом Джанибеком? За что, за какие подвиги и деяния удостоился он этой чести?!

Прервав сына, Тохтамыш обратился к сидящему рядом с ним старому уйгуру – советнику Ниязу.

– Ты, наверное, знаешь жизнь Кутба? Скажи нам, кто был он и как умер?..

Нияз разгладил морщины на своем большом выпуклом лбу сухой маленькой рукой.

– Не много известно об этом достойном человеке, – сказал битек-ши. – Кутба был родом из Хорезма, а когда достиг зрелых лет, долго жил в Сарай-Берке. Таныбек, еще не став ханом, покровительствовал ему. Когда же Джанибек убил брата, он велел обезглавить всех, кто был близок к Таныбеку. Так всегда бывает в степи...

Последние слова уйгура не понравились Тохтамышу. Он нахмурился и кивнул сыну:

– Продолжай....

И снова зазвучал в тишине напевный голос Кадырберди. А хан все думал свою думу и не находил ответа на вопросы, что, подобно потревоженному пчелиному рою, кружились в его голове. Несправедливо была устроена жизнь. Проходят годы, исчезают с лица земли города, на месте песков поднялись леса, и сыпучие пески появились там, где еще недавно в человеческий рост стояли высокие травы, а Таныбека помнят, хотя он не совершил ничего такого, чтобы его помнили. Зато многих славных ханов, совершавших подвиги во имя Орды, народ или забыл совсем, или припоминает с большим трудом. Тохтамышу на миг захотелось заглянуть в будущее. Нет! Кого-кого, но его непременно должны будут запомнить потомки, потому что именно он совершил то, чего бы не смог сделать никто другой. Именно он, Тохтамыш, после того, как Орда потерпела при Мамае сокрушительный разгром от русских, и, казалось, никогда уже не сможет возродиться, вновь поднял и укрепил ее остов. Потомки обязаны приравнять его деяние к деянию самого Бату-хана, создавшего в свое время Золотую Орду. Теперь надо только победить Хромого Тимура, и все вернется на круги своя – он заставив русских вновь трепетать только от одного своего имени.

Чья-то рука откинула полог, закрывающий вход в юрту, и через порог переступил начальник ханской стражи:

– Мой повелитель, от Тимура прибыл посол.

Тохтамыш вскинул голову, в глазах его мелькнуло удивление.

– Кто он такой и чего хочет?

– Посла зовут Шемсаддин. Сам он родом из Алмалыка. Посол привез вам письмо от эмира.

На щеках хана появился румянец.

– Хорошо, – сказал он. – Примите его со всеми полагающимися в таких случаях почестями. Утром мы примем от него письмо и станем говорить... А сейчас... – Тохтамыш обвел сидящих в юрте взглядом, – все свободны. Пусть останется со мной только битекши Нияз...

Низко кланяясь, все покинули юрту хана.

Тохтамыш поднялся на ноги и стал расхаживать по юрте. Шаги его глушила разостланная на полу мягкая кошма. Наконец он остановился напротив своего советника.

– С чем приехал посол? – спросил он.

– Я не знаю, мой повелитель, но думаю, что Тимур станет предлагать мир.

– Что следует предпринять...

Битекши Нияз и на этот раз уклонился от прямого совета.

– Тебе виднее, мой повелитель... А потом у тебя есть эмиры... В делах войны они понимают больше меня... Но если приехал Шемсадин Алмалыки, то все это неспроста... Человек этот известен своим красноречием и умением плести словесные сети... Будь внимательным...

– Хорошо. Ты можешь идти...

Пятясь, низко кланяясь, битекши Нияз вышел из юрты.

Утром, в просторную ханскую юрту собрались его эмиры, бии, огланы. Тохтамыш сидел на торе – почетном месте в окружении Тастемира, Бекболата, Сулеймена Софы, Хасанбека, Алибека и брата Едиге Исабека.

Посла приняли по всем правилам, полагающимся по этикету. Когда же с этим было покончено и Шемсадин, наконец, передал хану письмо Тимура, тот, не задержав его в руках, передал битекши Ниязу.

– Читай, – приказал он.

Письмо было написано буквами уйгурского алфавита, но на джага- тайском языке, на котором говорили в это время большинство тюрков, и потому всем сидящим в юрте смысл его был понятен. Тимур предлагал Тохтамышу решить спор миром и высказывал свое уважение хану. В письме не было ни одного непочтительного слова. Как равный равному писал эмир хану.

Битекши Нияз замолчал и в юрте воцарилась тишина. Тохтамыш посмотрел на посла, и Шемсадин понял: пора дать полагающиеся в таких случаях пояснения, передать то, что велено было передать на словах.

– Великий хан, огланы, эмиры и бии, вы собственными глазами видели письмо моего повелителя, вы собственными ушами слышали его слова. Эмир Тимур, по праву старшинства, призывает вас к согласию, потому что, если кто-то стучится слишком громко и без почтения в чужую дверь, то может ли он быть уверен, что хозяин дома, которому нанесена обида, не станет бить в его дверь ногами. Об этом просит вас помнить мой повелитель, от необдуманного шага оберегает. Прежде чем вы дадите свой ответ, подумайте, о том, что даст каждому битва, – посол обвел всех глазами. Все молчали, выжидая, что скажет еще он. И Шемсадин заговорил снова, теперь уже

глядя только на Тохтамыш. – Мой повелитель, эмир Тимур был уже могучим орлом, когда ты, хан, еще был птенцом. И когда буря разрушила твоё гнездо, ты нашел защиту у него. Ребенок растет, бедняк становится богатым, при поддержке орла ты стал соколом. Ты, хан, можешь обидеться и возразить, что за эти годы у тебя окрепли крылья и выросли когти. Никто не станет с этим спорить. Твои крылья сильны, но крылья моего повелителя за это время стали железными, и их не перерубить даже булатным мечом. У тебя отросли крепкие копи, но когти эмира Тимура подобны острым кинжалам. И если сегодня он посылает тебе письмо с предложением мира, то делает это совсем не от страха, а потому что не хочет потерять тебя совсем. Если ты пожелаешь, великий хан, то я расскажу тебе, как больно переживает эмир то, что сегодня ты не с ним. Это все я видел сам, а, сказанные им слова слышали мои уши.

Не меня выражения лица, бесстрастно глядя перед собой, Тохтамыш сказал:

– Говори, мы слушаем тебя...

– Вы, наверное, слышали, что совсем недавно этот мир оставил святой хазрет Мавераннахра, золотой купол исламской веры во всем Туркестане Береке Саид? Так вот, стоя у его могилы, великий воитель Вселенной эмир Тимур сказал с глубокой печалью: «На всем белом свете было у меня три самых близких человека. Первый из них – Хусаин-эмир рано оставил этот бранный мир. Второй – имам Береке, только что навеки закрыл глаза. Третий самый близкий человек – хан Тохтамыш. Но он поссорился и ушел от меня».

Исабек, как и остальные, внимательно слушавший посла, шевельнулся и, не скрывая усмешки, негромко сказал:

– Если из трех близких к Хромому Тимуру людей двое уже оставили этот мир, то, быть может, хан Тохтамыш как раз и проявил большую мудрость, вовремя расставшись с ним...

На губах собравшихся мелькнули улыбки. Всем, было понятно, на что намекнул Исабек, и всем было интересно, что ответит на это ловкий Шемсадин, какой найдет выход.

Но посла трудно было сбить с выбранного им пути. Искусный в интригах и словесных сражениях, он умел выходить победителем из любого спора.

Не меня голоса, продолжая говорить все так же мягко, примиряюще, Шемсадин позернулся к Исабеку.

– Уа, Исабек. Зачем великому хану терять дружбу с моим повелителем? В дружбе не отнимают друг у друга жизни. Только вражда приносит несчастья. У эмира Тимура острый, никогда не тупящийся меч...

За мягкими словами посла каждый почувствовал тень скрытой угрозы. А Шемсадин продолжал:

– Разве тебе не известна легенда о лебедях, почтенный Исабек? Если нет, то я расскажу. – И не дожидаясь согласия, начал: – В очень далекие от нас времена жили два неразлучных лебедя. Но однажды острая стрела злого человека поразила одну из птиц. Долго и безутешно плакал над умирающим другом второй лебедь. И тогда умирающая птица спросила:

«Отчего ты так безутешен? Зачем льешь горькие слезы?»

«Как мне не горевать? Ведь тебя скоро не станет...»

«Не плачь, даже умирая, я чувствую себя счастливой...»

Лебедь удивился:

«Разве смерть может принести радость? Что есть на свете страшнее ее?»

«Ты не прав, – возразила умирающая птица. – Смерть не страшна, если рядом с тобой есть друг, который искренне печалится и чувствует твою боль».

Так рассказывает легенда. И я поверил в нее, когда смотрел на печальное лицо моего повелителя, стоящего над могилой близкого ему человека – имама Береке. Это прекрасно, когда у могилы твоей стоит не враг, а друг.

– Ты рассказал поучительную историю, – сказал Тохтамыш. – Сильный друг – это счастье, сильный враг – беда... Как нам поступить, пусть скажут эмиры Орды, – и хан внимательно посмотрел на лица сидящих в юрте.

Первым заговорил Исабек:

– Ты умный человек, Шемсадин. Звучным словом и мягким языком ты заставил нас с интересом слушать тебя. Слова – твоя истина, и никто не смеет оспаривать этого. Но сколько ни бросай под ноги цветных шелков, ложь, как и грязь, нельзя скрыть. Если Хромой Тимур действительно так заботится, чтобы между нами был мир, то почему он не прислал тебя раньше? Для чего он всю зиму готовил свое войско к битве? Мы знаем, что тумены эмира готовы выступить в любой час, и Тимур лишь ждет, когда к нему подойдут новые полки из Мавераннахра под водительством Омаршейха. Я знаю твоего повелителя давно и могу сказать только одно, что он никогда не станет нашим другом, и еще знаю, что Хромой Тимур никогда не говорил правды. Пусть ему верит, кто угодно, но я не смогу этого сделать. Пусть спорят сила наших рук и острия наших копий. Я сказал свое слово.

Глядя прямо перед собой, хмурия густые, тронутые сединой брови, заговорил старый Казы-бий, известный в свое время во всей кипчакской степи, как непревзойденный мастер боя на соплах – палицах:

– Немало достойных людей Орды искали помощи и защиты у Хромого Тимура. Искали дружбы... Наш великий хан Тохтамыш, батыр Едиге, Темир-Кутлук и Кунчек-оглан... Я мог бы назвать и другие имена... Но ни один из них не нашел у Хромого Тимура того, что ему надо было. Вы спросите, почему? Да потому, что эмиру никогда нельзя верить, ибо для него свято только то, чего хочет он. Ты, Шемсадин, говоришь о мире и дружбе. Мне тоже сейчас вспомнилась старая легенда. Очень давно лев тоже предложил всем зверям свою дружбу. И ему поверили... Последней пришла лиса. Но прежде чем войти в пещеру льва она посмотрела внимательно на следы, оставленные зверями у входа. Все они вошли в жилище льва, но ни один не вышел... Мне кажется, что именно так может произойти и сейчас. Как и Исабек, я не верю Хромому Тимуру. Не стоит обманывать самих себя. Лучше возьмем в руки оружие и испытаем судьбу...

Взглядом попросил слова у хана эмир среднего крыла ордынского войска Тастемир-оглан.

– Тимур сейчас на вершине славы. Если ему нужен мир с Ордою, тогда зачем он

ходил в год овцы (1391) в Дешт-и-Кипчак, зачем пролил столько человеческой крови? И на этот раз Хромой Тимур хочет нас обмануть, потому что Орда сейчас подобна копыю, которое в любое время может воткнуться ему в бок. Мы мешаем ему стать властителем вселенной. Он не сможет им сделаться до той поры, пока не бросит под ноги своего коня улус Джучи. Сегодня в спину нам дует попутный ветер и сила наша равна силе эмира. Поэтому говорить о примирении нельзя. Алибек-оглан, умеющий смотреть дальше других, осторожно сказал:

– Великий хан, Шемсаддин приехал к нам не для того, чтобы устраивать пожар. И эмир Тимур не прислал в письме нам своей ярости, не унизил нас и не оскорбил. Так, быть может, мы прежде посоветуемся сами, а уж потом дадим ответ послу?..

Всю ночь в юрте хана просидели эмиры, беки, бии и батыры, раздумывая, что ответить на предложение Хромого Тимура? И только под утро после долгих споров было решено отвергнуть предложение Хромого Тимура о мире.

Соблюдая старинный обычай, Шемсаддину подарили иноходца, накинули на плечи шелковый халат, надели на голову бархатный борик, отороченный блестящим мехом выдры, и привели в ханскую юрту.

– Мы держали долгий совет, – сказал послу Тохтамыш. – Эмиры, бии, батыры, представляющие роды, которые кочуют в пределах Орды, отвергли предложение твоего повелителя. Он опоздал. Кони наши оседланы, сабли наточены. Мы готовы к битве. – Хан на миг замолчал, потом, повернувшись к битекши Ниязу, велел: – Отдай Шемсаддину письмо к Хромому Тимуру. На письмо мы ответили письмом...

Лицо посла помрачнело.

– Великий хан, – сказал он, – разве ты не знаешь слов, сказанных женой бия Жиренчи славному Джанибек-хану? Послушай. Я рас- скажу тебе эту маленькую притчу]

Женщина спросила у хана:

«Тахсир, что придает вкус еде?»

«Масло», – ответил Джанибек.

«А что дает ей вкус, если масло испортилось?» – снова спросила женщина.

«Соль».

«А если испортилась соль?»

И хан не нашелся, что ответить.

Но жена бия Жиренчи не оставила его в покое и снова задала вопрос:

– Кто наведет порядок, коли народ охвачен смутой?

– Это должен сделать правитель, – ответил Джанибек.

– А кто наставит правителя на истинный путь и научит его, как это сделать?

И хан снова не знал, что ответить женщине.

Такая существует притча, великий хан Тохтамыш. И она говорит о том, что, если ошибаются твои эмиры, бии и батыры, тебе положено направить их на путь истины.

Шемсаддин, низко поклонившись, вышел из юрты.

Дерзкими были слова посла, и первым движением Тохтамыша было остановить его, велеть отрубить голову и вместо ответа отправить ее Хромому Тимуру, но хан удержал

себя от этого поступка. Где-то в глубине души шевельнулось запоздалое сожаление, что он зря не согласился на предложение эмира. Теперь же было поздно. Шемсадин уходил с дерзким письмом-ответом. Быть может, все-таки не следовало поддаваться тем, кто жаждал битвы с Хромым Тимуром? Хана охватило щемящее чувство тревоги.

Хромой Тимур знал, что Тохтамыш отвергнет его предложение о мире, и поэтому посольство его было всего лишь данью степным традициям. После того, как он поступил подобным образом, никто бы не посмел обвинить его в вероломстве и кровожадности. В глазах всех народов, которые знали о нем, имя эмира должно было отныне связываться с понятием справедливости.

Возвращающийся Шемсадин нашел ставку Тимура на берегу реки Самур. Все пространство от подножья горы Эльбрус до Кулзумского (Каспийского) моря было занято его войском. Со спокойствием, достойным воина, прочёл Тимур оскорбительное послание Тохтамыша и не впал в ярость, как на это рассчитывал хан, а приказал своим туменам занять положенные им боевые порядки и приготовиться к походу.

Через несколько дней огромное войско, сметая все на своем пути, двинулось к Дербентскому проходу и, миновав его, вошло в земли небольшой народности кайтаков, поддерживающих Тохтамыша. Тимур, дабы утратить всех, кто мог попытаться стать на его пути, повелел всех кайтаков уничтожить, а имущество их разделить между своими воинами.

Известие о расправе над кайтаками напугало Тохтамыша. Он понял, что эмир разгневан и намерения его серьезны. Желая хоть как-то поправить положение и хотя бы ненадолго обмануть Хромого Тимура, хан послал навстречу его войску послов во главе с Ортан-бием. Но тот, увидев несметные тумены мавераннахрского правителя, повернул своего коня обратно и ни с чем вернулся в ставку Тохтамыша.

Четыре дня минуло с той поры, как войско Тимура прошло Железные ворота. Вместо того чтобы встретить его всей силой, Тохтамыш направил навстречу эмиру тумен отборных всадников под предводительством Казанши с приказом не дать войску Тимура переправиться через речку Койсу.

Разведка вовремя предупредила эмира о готовящейся засаде, и он сам, встав во главе двух туменов, совершил стремительный ночной переход. Переправившись через Койсу в верховьях, Тимур неожиданно напал с тыла на тумен Казанши и без особого труда почти полностью уничтожил его.

Это была первая, пусть и небольшая неудача Тохтамыша в нынешнем походе. Теперь он понимал, что дальше ему отступать некуда, иначе могло повториться то, что уже однажды случилось с ним на берегах реки Кундурчи.

К середине апреля два громадных войска вышли к берегам Терека. Первое, что сделал Хромой Тимур, это велел выбрать место для укрепленного лагеря и расположил там большое войско. Эмир приказал вырыть вокруг лагеря глубокий ров и огородиться окопными щитами – шанарами. Когда же оказалось, что времени еще достаточно и золотоордынское войско не мешает укреплять лагерь, Тимур повелел вырыть еще один, наружный ров.

В наступившей ночи, словно в безбрежном черном океане, исчезли, растворились два стотысячных войска – с обеих сторон было запрещено разводить костры и производить какой-либо шум, чтобы невозможно было догадаться, как расположились перед битвой тумены.

На рассвете следующего дня, пятнадцатого апреля 1395 года, началось сражение, на которое в одинаковой мере возлагали все свои надежды и хан Тохтамыш, и эмир Тимур.

Тимур, уверенный в победе, построил свое войско точно так же, как сделал это четыре года назад в долине реки Кундурчи. Разделив его на семь кулов, эмир особое место отвел пехоте, зная ее силу и стойкость в момент, когда проявляется необходимость занять оборону, пока перестроятся конные полки.

Едва началась битва, Тохтамыш бросил огромные силы на левое крыло войска Тимура, стараясь смять его и тем самым сразу же изменить положение в свою пользу. Но эмир разгадал его замысел. Почти все двадцать семь кошунов-полков, которые находились в непосредственном его подчинении и до поры не принимали участия в битве, поспешили на помощь левому крылу.

Золотоордынцы, оставляя убитых и раненых, начали поспешно отступать. Наиболее отчаянные воины бросились вслед за ними. Но так продолжалось недолго. Подгоняемые своими предводителями, воины из туменов Тохтамыша повернули коней и окружили смельчаков. С обеих сторон начали стекаться к этому месту всадники. По всей линии соприкосновения войск шла битва, но здесь она, пожалуй, была жарче всего. Словно из бездонного хурджуна подбрасывали сюда свежие силы и Тимур, и Тохтамыш. Но на стороне войска Мавераннахра, было одно преимущество, непривычное для степняков-ордынцев: кошуны Тимура подходили к месту сражения с тяжелыми двухколесными арбами, а каждый воин имел окопный щит. Спешившись, они ставили арбы в круг, огораживались щитами и, опустившись на одно колено, пускали во врага тучи стрел.

Трудно было предсказать исход этой схватки, потому что воины с обеих сторон смешались и уже не было единого строя.

В это время к Тохтамышу, наблюдавшему за сражением, подскакали Исабек и Шора-батыр.

– Высококочтимый хан! – крикнул Исабек. – Хромой Тимур остался под защитой только одного полка! Разрешите нам с нашими отрядами, попытаться зайти к нему в тыл, и мы клянемся, что привезем тебе голову эмира!

Тохтамыш оторвал свой взгляд от поля битвы и с раздражением сказал:

– Мне не нужна голова Хромого Тимура! Мне нужна победа над его войском! Если же вы уведете свои отряды с того места, где им определено биться с врагами, то не получится ли так, что, погнавшись за головой Тимура, мы потерпим поражение?! Скажите к своим воинам и вместе с ними покажите удал и отвагу!..

Исабек и Шора-батыр повиновались.

Тохтамыш сжал ладони в кулаки. На помощь левому крылу войска Тимура мчались стремительно кошуны во главе с мирзой Мухаммед Султаном, золотоордынцы

дрогнули и в беспорядке отступили с поля битвы.

Казалось, что перелом в сражении наступил, но в это время заградительные полки левого крыла Тохтамыша зашли в тыл кошунам правого крыла Тимурова войска и смяли их. Тогда командовавший этим крылом Ходжа Сейфаддин, один из лучших полководцев Мавераннахра, приказал своему тумену спешиться и занять круговую оборону. Тучей стрел встретили они нападающих, и ни одна атака золотоордынцев не принесла им успеха. Словно живые волны, с воем и визгом накатывались они на оцетинившийся копьями тумен и, разбившись об него, откатывались на исходные позиции, оставляя на поле сотни трупов.

На помощь Ходже Сейфаддину уже спешил конный тумен Дженан-шахбахадур. А вскоре подоспел со своими всадниками мирза Рустем и Омаршейх. В короткое время все левое крыло войска Тохтамыша было уничтожено.

Ужас охватил хана. В короткий миг он пожалел и о напрасно погубленных двух полках на берегах речки Койсу, и о том, что не разрешил Исабеку и Шора-батыру напасть на ставку Хромого Тимура. Словно сама судьба преследовала Тохтамыша и застилала его глаза мглой. И, сделав последнюю отчаянную попытку переломить ход битвы, он велел Кунчек-оглану и Даут Софы повести свои полки прямо к тому месту, где находился Хромой Тимур.

Сейчас не только хан, но и простые воины понимали, что еще совсем немного и сражение будет проиграно. Каждый знал, что за этим последует – ни один из них не сможет рассчитывать на пощаду. И потому в последнем отчаянном приказе своего повелителя они видели единственный путь к спасению. Если, конечно, удача не отвернет от них свое лицо и произойдет чудо...

Первым заметил опасность, угрожающую Тимур, эмир Шейх-Нуритдин. Он приказал своим воинам спешиться и окружить Тимура кольцом. Тысячи воинов Мавераннахра последовали их примеру. Живой вал из человеческих тел встал на пути золотоордынских полков, и тысячи стрел устремились навстречу им. Попытка совершить чудо не удалась. Тохтамыш в ярости метался у своего шатра.

И в это время из рядов войска хана вдруг вырвался вперед воин могучего телосложения. И сам он, и его конь с ниспадающей почти до земли густой гривой были, защищены кольчугой. Стрелы не причиняли им вреда.

Размахивая огромной палицей, воин помчался на живую неприступную стену, а за ним, припав к гривам коней, в едином порыве, рванулись, презрев смерть, сотни всадников.

Произошло все это так неожиданно, таким устрашающим был вид всадника, что воины Тимура расступились. И в эту узкую щель, словно расширяя ее своими могучими плечами, круша все на пути, ворвался таинственный воин.

– Кобланды! Кобланды! Батыр Кобланды! – кричали как безумные золотоордынские воины, следуя за ним.

Всей кипчакской степи было известно имя этого человека. Батыром, не знаящим себе равных, называли его в народе. Кобланды был уже немолод, редко ходил в походы, но желание отомстить за родичей, которых в свое время приказал убить

Хромой Тимур, привело его в стан Тохтамыша. Только вчера, узнав о предстоящей битве, прибыл он с берегов Тургая. Желание мстить придает воину силы. И сейчас, расчищая себе путь к Хромому Тимуру, воин словно забыл о старости. Стремительно взлетала над его головой палица, окованная железом. И падали, словно поваленные ветром, воины эмира, пытавшиеся заступить ему дорогу.

Близка желанная цель. Конь батыра почти поравнялся с конем Хромого Тимура. Обеими руками поднял над собой палицу Кобланды, собираясь обрушить ее на голову эмира. Но, видимо, и на этот раз судьба хранила Тимура. Ловко уклонившись, он скатился под ноги коня, и страшный удар батыра пришелся по отделанному белым серебром седлу.

Кобланды развернул коня, чтобы нанести удар по упавшему на землю эмиру, но чья-то дубинка раньше, чем он успел это сделать, проломила череп его скакуну. Животное рухнуло, подмяв под себя всадника. И сейчас же десятки острых пик вонзились в тело батыра. Остальных золотоордынцев, прорвавшихся к Тимуру вместе с ним, без труда изрубили саблями воины Мавераннахра.

Только слепой мог бы не увидеть, что битва проиграна и никаких надежд больше не осталось. Низкое предвечернее солнце озарило тучи пыли, и красный, зловещий свет разлился над всей землей. Теперь уже воины Тимура приближались к тому месту, где находилась ставка Тохтамыша, натиск их был дерзок и стремителен.

Ненависть к Хромому Тимуру, отчаяние, близкое к безумию, охватили хана. Надо было спасать свою жизнь, вместо того чтобы праздновать победу, на которую он так рассчитывал и надеялся.

Припав к луке седла, словно вражеская стрела ударила его в грудь, Тохтамыш еле слышно прошептал:

– В Дешт-и-Кипчак... Скорее...

Стоящие рядом, быть может, не услышали, а скорее догадались, о чем говорил хан, потому что каждый уже почувствовал, что спасение отныне только в отступлении.

Поднятое на древке копьё, заплескалось на ветру траурное знамя, подавая воинам знак к отходу.

Последний раз глянул на поле битвы Тохтамыш. Повсюду, насколько хватал глаз, мчались его воины, препоручив свои жизни быстроте конских ног, а за ними, с поднятыми над головой саблями, неслись воины Мавераннахра и без пощады и жалости рубили каждого, кого могли настичь.

Тохтамыш изо всех сил хлестнул камчой своего коня. Он мчался в окружении своих верных нукеров, а в голове, отчаянная и тревожная, билась мысль о том, что неведомое проклятие тяготит над землями Золотой Орды с той поры, как русские разбили на Куликовом поле войско Мамаю. Как будто еще были силы, способные подмять под себя, покорить любой народ, но куда бы ни бросала свой взгляд Орда, нигде ее уже больше не боялись, никто не хотел быть покорным. Творилось непривычное и невероятное. После Куликовской битвы народы словно прозрели.

Садилось солнце, и сам Тохтамыш и отступающие воины молили сейчас аллаха, чтобы скорее наступила ночь и спасла их от преследователей, коням которых удача

словно бы дала крылья.

Небывало богатой была в этот раз добыча Хромого Тимура. Тохтамыш бежал так поспешно, что вынужден был бросить всю свою казну, все свои сокровища. Эмир подарил Шейху-Нуритдину своего знаменитого коня Коянсана, дорогой халат, вышитый золотом, пояс, украшенный золотыми бляшками, и кинжал с золотой рукоятью. Тимур умел быть щедрым к тем, кто, не щадя своей жизни, бросался защищать его жизнь. Богатые подарки получили мирзы, и батыры, и даже простые воины. Нагрузив караван, состоящий из бесчисленного количества арб и верблюдов, добычей, эмир под большой охраной отправил его в Самарканд, сам же, оставив при обозе сломавшего в битве руку Мираншаха, с отборными кошунами бросился в погоню за Тохтамышем. Тимур хотел пленить самого хана и добить остатки его войска, чтобы уже навсегда покончить с угрозой, которую бы могла представлять для него Орда.

Днем и ночью, почти не слезая с коней, не зная усталости, мчались вперед кошуны эмира, но степь словно поглотила и войско, и самого хана Тохтамыша. Страх придавал им силы, а коням резвости. Тимур не знал, что Тохтамыш, потеряв почти всех близких ему людей, забыв о войске, поспешно уходил в землю болгар.

Воспользовавшись Туратурским бродом, эмир переправился на левый берег Итиля, но и здесь не нашел золотоордынского хана. Дав отдых своему войску, Тимур призвал к себе Куйричак-оглана сына Урус-хана, которого все это время возил с собой, и, одарив его золотым поясом и шитым золотом халатом, провозгласил ханом Золотой Орды. Дав ему сильный и многочисленный отряд воинов, эмир велел Куйричак-оглану набрать войско из живущих на левобережье народов и править совсем недавно еще принадлежавшими Тохтамышу землями.

После этого, посчитав, что он сделал все как надо, Тимур пошел к золотоордынскому городу Укеку и разграбил его, а вскоре к главным силам присоединился и Мираншах, который не хотел отставать от отца.

Не зная, что Тохтамыш совсем покинул пределы Орды, Тимур тревожился, что враг его сможет вновь набрать войско, так как земли, подвластные ему, обширны и многолюдны. И потому он повернул свои кошуны в западные улусы Орды. Именно там, по мнению эмира, могла таиться для него опасность, потому что улусы эти принадлежали близким к Тохтамышу людям: Бек-Ярык-оглану, эмиру Актау и Тимур-оглану. Но те не приняли боя и отступили.

Не встретив сопротивления, Тимур неожиданно повернул свои кошуны к реке Тан и двинул их на русские земли. Вторгнувшись в пределы Рязанского княжества, он захватил город Елец, сжег его, разграбил окрестности. Узнав о нашествии, великий князь Василий Дмитриевич быстро собрал полки и двинулся с ними к городу Коломне, занял все переправы на реке Оке. Видимо, наслышанный в свое время о поражении Мамай, Хромой Тимур не решился на битву с русскими. Грабя рязанские земли, захватывая пленников, он через низовья Тана направился к Итилю. Захватив на пути город Азак, эмир разграбил его, а из попавших в плен горожан даровал жизнь только мусульманам, велел всех остальных предать «мечу джихада».

Подобно сытому волку, с отвисшим от обильной добычи животом, бродил с огромным войском Тимур по бескрайним землям Орды, не встречая нигде сопротивления и отпора. Да и кто бы посмел стать ему на пути в степи, где после исчезновения Тохтамыша каждый род стал кочевать сам по себе, как это было много веков назад?

Отдохнув после грабежа Азака, эмир приказал своему войску отправиться в земли, которые поила своей водой река Кубань. Но жившие здесь черкесы не пожелали добровольно подставить свои головы под меч Тимура. Подоженная со всех сторон, запылала вдруг степь, и перед эмиром предстала черная равнина, по которой сизыми змеями ползли пряди дыма – это дотлевали заросли кустарников и небольшие рощи, спрятавшиеся в низинах.

Восемь дней, задыхаясь от черного праха, поднятого копытами коней, шло по выжженной степи войско Хромого Тимура. От бескормицы начали гибнуть лошади.

Гнев охватил эмира. После тех побед, что одержал он над Тохтамышем, никто не смел заступать ему дороги. И потому он приказал убивать каждого встречного и забирать в селениях все, что можно забрать, а что нельзя было приторочить к седлу, следовало предавать огню.

Вместо того чтобы идти в низовья Итиля, Тимур повернул свои кошуны в Дагестан и осадил горные крепости Кулы и Таус. Надо было обладать большой дерзостью, чтобы решиться на подобное, потому что крепости эти были действительно неприступны и напоминали орлиные гнезда, устроенные на взметнувшихся к небу скалах. Разум отказывался верить, что их когда-нибудь можно покорить. Но Хромой Тимур верил в свою звезду и потому приказал начать штурм.

Перекидывая длинные лестницы со скалы на скалу, срываясь в пропасть, воины Мавераннахра бесстрашно шли на приступ. И горные твердыни пали...

Надвигалась осень. Печальную весть принес гонец Хромому Тимуру с берегов Итиля. От простуды скоропостижно скончался объявленный по воле эмира новым ханом Золотой Орды Куйричак, сын Урус-хана. Весть действительно была печальной, но Хромого Тимура она не расстроила. По опыту он хорошо знал, чем заканчивается усиление того или иного чингизида, даже если он посажен на трон Орды твоей волей – пройдет какое-то время, и новый правитель возомнит себя могучим и всесильным и попытается перегрызть горло тому, кто взрастил и вспоил его. Разве не так же было с Тохтамышем? Поэтому, быть может, Золотой Орде больше вообще не нужно хана? Пусть рвут ее на части, делят на улусы и грызутся между собой, подобно волкам в холодную зимнюю ночь, потомки Чингизхана бии и батыры родов? Пока найдется, да и найдется ли, среди них такой, кто сумеет силой оружия, коварством или лисьей хитростью объединить вокруг себя жадных и корыстных степных владык, Орда не будет опасна ни землям, подвластным Тимуру, ни его замыслам.

Глава пятая

Земли в среднем течении Итиля и по Каме-реке, ограниченные с севера рекой Казанкой, а с юга горами Жигули, с юго-запада речками Мокша и Вада, с северо-востока долиной реки Белой, издавна назывались землями болгар. Люди, жившие здесь, говорили на тюркском языке. Задолго до монгольского нашествия возводили они города, пахали землю, изготавливали глиняную посуду. Делали они кольца, браслеты и ожерелья и украшали их изображениями водоплавающих птиц. Изделия болгарских ремесленников охотно покупали живущие в низовьях Итиля кипчаки, лесные люди – башкурты и мордва. И на русских молодухах можно было увидеть болгарские украшения. Главным городом этих земель был Великий Булгар.

Летописи рассказывают, что болгары не без успеха воевали с хазарами и печенегами, и ни тем, ни другим их не удалось покорить. Когда же, пройдя земли Ирана и Ширвана, промчавшись через Железные ворота у Дербентской крепости, на просторы Восточной Европы хлынули монгольские тумены под предводительством Субедея и Джебе и в битве при Калке сумели разбить объединенное русско-кипчакское войско, болгары смогли устоять. Они не приняли вызова выйти на битву, а стали изматывать врагов неожиданными нападениями и устройством засад. С подобным монголы еще не встречались и, увидев, как редуют их тумены, повернули коней в родные степи. Только в год курицы (1237) Бату-хан одержал победу над булгарами.

С года барса (1242) земли болгар окончательно вошли в состав Золотой Орды. Но даже оказавшись в неволе, болгары сумели сохранить относительную независимость – ими управляли собственные эмиры. Постепенно все реже стали называть их соседние народы булгарами. Таинственное, не совсем понятное, принесенное из глубин монгольских степей, все чаще стало звучать слово татары. Итильские татары...

В год дракона (1388), когда Тохтамыш предпринял поход в Маве- раннахр, итильские татары дали ему в помощь значительное войско...

И сейчас, когда золотоордынский хан потерпел сокрушительное поражение от Хромого Тимура, он прибежал к своим бывшим союзникам. Еще недавно земли болгар были разделены на два ханства: Казанское и Великих Булгар. Но пока Тохтамыш был занят борьбой с Тимуром, ханства объединились в единое, Казанское. Его правитель Янтак встретил хана Золотой Орды с подобающими почестями, словно и не знал о поражении на Тереке. На то были свои причины. Янтак хорошо знал, как быстро приходят в себя после поражения степные ханы, как быстро обрастают новым войском. Тохтамыш нужен был Казанскому ханству, так как мог помочь ему в борьбе с московским князем Василием Дмитриевичем, который совсем недавно отнял у него города Джуйкетау и Есик Казанка, что стояли на реке Каме.

Тохтамыш действительно очень быстро набрал новое войско. Правда, по сравнению с прежним, это была капля в море, и тем не менее хан с этого дня почувствовал себя в большей безопасности, чем прежде, потому что пока он был слаб, он мог стать легкой добычей любого соперника или завистника.

Верные люди донесли Хроному Тимуру, где скрывается его враг. Но на этот раз эмир решил сам не гоняться за Тохтамышем, а послал в земли болгар отряды во главе с Сулейманшахом.

Объединенное войско Янтака и Тохтамыша встретило конницу эмира в урочище реки Кундурчи, где несколько лет назад золотоордынский хан потерпел свое первое, сокрушительное поражение от Тимура.

На этот раз битва закончилась безрезультатно. Победить не смогла ни одна из сторон, и Сулейманшах, видя, как обескровели ряды его воинов, поступил благоразумно – повернул свой отряды в обратный путь.

Неудачный поход не огорчил Тимура. Надвигалась осень, и он не рискнул сам отправиться в земли болгар, потому что побаивался этих мест, незнакомых ему, покрытых густыми лесами, лежащих на краю страны мрака.

Желание Тохтамыша вернуть себе прежнюю власть было огромным. Случилось событие, необычное для степи – несмотря на второе поражение от Хромого Тимура, хана не покинули самые влиятельные эмиры, беки и батыры. По-прежнему, рядом с ним все еще находились: и Тастемир, и Бекболат, и Исабек, и Ак Буги.

Узнав, что Тимур двинулся в низовья Итиля, хан рискнул вступить в свои прежние владения и в пятидневных переходах от Сарай-Берке на берегу небольшого озера Куракты поставил ставку.

Золотая Орда, как единое целое, больше не существовала. У болгар был свой хан, генуэзцы Кафы подчинили себе Крым, русские княжества словно забыли о существовании Орды – никто не приезжал на поклон к Тохтамышу и не думал привозить даже символической дани, которую изредка посылали они в прежние годы.

О скором отмщении Хромому Тимуру нечего было и думать, но вернуть Крым было необходимо, потому что именно через него шли товары, доставляемые караванами из далекого Китая по Великому Шелковому пути. Отсюда в казну Золотой Орды сыпался щедрый золотой дождь. Степь не потерпит хана, у которого нет золота, не потерпит того, кому нечего дать своему воину. Здесь привыкли идти за щедрым и отворачиваться от нищего.

Начав готовиться к походу на Крым, Тохтамыш решил напомнить о себе русским княжествам. По его наущению болгарский хан напал на Нижний Новгород, но великий московский князь Василий Дмитриевич дал войско своему младшему брату Юрию, и тот не только прогнал болгар, но и разорил их города Казань, Жукотин и Керемяншик.

Собираясь потревожить генуэзцев, Тохтамыш с тревогой прислушивался к новостям, которые приносили ему купцы об. Едиге и Темир-Кутлуке. По всему было видно, что вчерашние друзья не теряли напрасно времени. Оказавшись в стороне от борьбы Тимура с Тохтамышем, Едиге собирал в причерноморских степях силы, и замыслы его шли далеко. Вместе с Темир-Кутлуком он объединил вокруг себя роды, входившие в свое время в орду Мамая. На стороне Едиге оказались самые сильные из них: барын, шырын и мангыт. Они были верной опорой Мамаю и оказывали влияние на другие, более мелкие роды.

Тохтамышу было известно, что Едиге упорно склонял их к тому, чтобы отделиться от Золотой Орды и создать самостоятельное ханство. Сейчас для этого было самое подходящее время. Но Едиге, видимо, догадывался о замыслах Тохтамыша против генуэзцев. Он ждал этого момента, чтобы потом разделаться с победителем и в один

раз уничтожить двух своих врагов.

Сам Едиге, не являясь потомком Чингиз-хана, стать ханом не мог, поэтому постоянно держал возле себя Темир-Кутлука, который принадлежал к одной из ветвей чингизидов.

Тохтамыш хотел верить, что Хромой Тимур оставил его в покое и скоро покинет пределы Золотой Орды. Но правитель Мавераннахра думал по-другому. Он знал, что победа над Тохтамышем даст ему только временную передышку. Пройдет всего несколько лет, и если не Тохтамыш, то другой, пришедший на его место хан, вновь двинет свои тумены на Мавераннахр. Войско в огромной степи можно было набрать быстро.

Единственный выход оставался в том, чтобы навсегда подорвать силы Орды – лишить ее тех корней, которые многие годы удерживали это могучее ветвистое дерево и питали его живительными соками. Для этого надо было разорвать Великий Шелковый путь, сделать так, чтобы навсегда заросли дороги и тропы, по которым шли бесчисленные караваны купцов через золотоордынские степи. И Хромой Тимур решил уничтожить, сравнять с землей главные торговые города: Кафу, Азан, Сарай-Берке и Хаджи-Тархан. Русские княжества больше не платили дани Орде, болгары отделились. Теперь же, оставшись без тех налогов, что взимались с купцов, Золотая Орда зачахнет, хан и войско ее, привыкшие жить за чужой счет, обнищают. Что лучше нищеты может сломить могущество любого государства?

По своему обыкновению Хромой Тимур схитрил, объявив, что собирается в поход на османских турок, сам же стал готовиться к нападению на Хаджи-Тархан.

Зима в этот год выдалась студеной. Итиль на всем своем протяжении покрылся толстым крепким льдом, и потому город можно было легко взять со стороны реки.

Хаджи-Тархан был хорошо укрепленным городом. Высокая каменная стена с башнями ограждала его с суши, со стороны реки он был открыт – сам Итиль мешал врагу.

В случае необходимости Хаджи-Тархан с реки прикрывали купеческие суда, на которые всегда можно было посадить отряды лучников.

Услышав о приближении войска Хромого Тимура, жители начали возводить ледяную стену. Глыбы, политые водой и схваченные крепким морозом, были надежной защитой.

Тимур хорошо был осведомлен обо всем, что делалось в городе. Еще летом, преследуя Тохтамыша, он направил в Хаджи-Тархан управителем своего эмира Омари-и-Табан. Без великой радости встретили горожане ставленника Хромого Тимура, но послушаться не посмели, потому что их хан, находящийся в бегах после поражения, ничем помочь им не мог. В Хаджи-Тархане теперь было как бы два хозяина: Омари-и-Табан и калантар – старшина Мухаммади.

Расправиться с городом Тимур решил сам и потому лично возглавил выступившее в поход войско. Калантар Мухаммади, преодолев свою ненависть к эмиру и понимая, что городу долго не продержаться против воинов Мавераннахра, вышел навстречу Тимуру, чтобы попросить его не разрушать города и пощадить жителей. Эмир в переговоры

вступать не стал, а просто велел перебить тех, кто сопровождал Мухаммади, самого же отдал Пир-Мухаммеду, Дженаншаху и другим своим военачальникам, которые двигались в сторону Сарай-Берке, приказав при переправе через Итиль утопить калантара в проруби. Приказ Тимура был выполнен без промедления.

Горожане, узнав о расправе над их старшиной, пали духом и без боя открыли ворота перед Тимуром. Вначале эмир проявил великодушие и велел жителям уплатить дань за то, что он не отнял у них - жизни. Когда же они выполнили все, что потребовал Хромой Тимур, он приказал разграбить город, выгнать из него всех жителей и так же, как в Азаке, отделив мусульман, всех остальных предать смерти. После этого Хаджи-Тархан был подожжен. Отблески пожара два дня и две ночи делали заметную глубокими снегами степь красной, и черные клочья праха, поднятые горячим потоком воздуха, подобно зловещим птицам, долго кружили в дымном небе.

Столица Золотой Орды – Сарай-Берке – даже не сделала попытки защитить себя. И здесь повторилось то, что уже было в Хаджи-Тархане: и грабеж, и резня, и пожар. Груды развалин оставлял за собой Хромой Тимур, приводя в исполнение свой замысел. Погибли не только эти два самых крупных города Золотой Орды. Разрушению подверглись все поселения, которые встречались на пути воинов эмира. Никогда войско Мавераннахра еще не захватывало столько добычи, как в этот год.

Расчет Хромого Тимура оказался правильным. С этой поры уже больше никогда не возрождался Великий Шелковый путь. Нить, соединяющая Европу и Китай, тянувшаяся через Хорезм, низовья Итиля к Азаку и Крыму, была порвана, и не было сил, способных вновь связать ее и дать древней дороге новую жизнь.

Но люди не могут жить, не общаясь между собой, и потому они стали искать и нашли другие дороги. Отныне товары из Европы на Дальний Восток потекли через Сирию, а потом самые отчаянные и предприимчивые вывели свои каравеллы в полуденные моря.

...Тохтамыш остановил коня и долго смотрел перед собой неподвижным взглядом. Сарай-Берке больше не существовал. Столица Золотой Орды была превращена в груды развалин. Поверженные, разоренные города никогда не вызывали у хана чувства жалости, но то были чужие города, и разрушал он их сам. Здесь все виделось по-иному.

Тохтамыша вдруг поразила внезапно пришедшая мысль. Развалины Сарай-Берке напомнили ему, что ведь то же самое произошло и с его замыслами. Столько лет хан собирал рухнувшую после поражения Мамая от русских князей Орду, мечтал вновь сделать ее сильной и могучей, как при Бату-хане, а в результате одни развалины и прах от неосуществленных надежд развеивает во все стороны света резкий степной ветер.

Несправедливо устроена жизнь. Она дала многое и еще больше отняла. Уже нет прежнего здоровья, прежней веры в удачу, а будущее укрыто зловещим черным туманом. Было время, и он был сильным. Никакая неудача не могла выбить Тохтамыша из седла, а веру его не мог поколебать самый свирепый ураган. Он и сейчас не собирался склонять головы, но с каждым днем жить становилось все труднее, и все чаще тело и ум охватывали усталость и тревога. Зачем прожита жизнь? Устал он сам, и устал народ, который он вел за собой. Войны без побед – страшная

ноша для каждого, кто в них участвует.

Мелькнула сумасшедшая мысль – бросить все, забыть о прошлом, отказаться от борьбы за власть, но сейчас же Тохтамыш понял, что никогда не сможет этого сделать, потому что обратной и иной дороги для него нет. Он привык повелевать, привык быть ханом, и сделаться кем-нибудь другим уже просто нельзя. Упавшего с коня добивают, потому любой ценой, до последних мгновений жизни надо крепко держаться за луку седла и не выпускать повод, с помощью которого он управляет народом.

Хромой Тимур ушел в свои пределы. Ему не нужны были пастбища Дешт-и-Кипчак, потому что он привык жить на землях, где стояло множество больших и богатых городов, где подвластный ему народ занимался ремеслом и земледелием, а не скотоводством. Теперь главным врагом Тохтамыша сделался Едиге. Он хочет править Золотой Ордой, и желание его сильно и серьезно, а поступки продуманы и целенаправлены. Не спеша, но неуклонно идет Едиге к своей цели. Год от года растет его известность в народе, и на деле, и на словах пытается он показать себя мудрым, чтобы все поняли: ему под силу повести за собой роды, кочующие в землях, лежащих к западу от Итиля до самого Крыма.

Всякий, кто становился ханом Золотой Орды, давал народу свои законы, а порой и просто слова, сказанные повелителем, принимались как закон и становились обязательными для всех.

Цель жизни Тохтамыша была война. Потому он часто говорил о ней старался возвысить в глазах простого народа воина, готового идти на смерть по первому слову своего повелителя.

«Воин не должен первым здороваться с безоружным, даже если тот старше его по возрасту». «Если воин останется без коня, то простолюдин должен отдать ему своего». «Когда воин идет в поход, о нем обязан заботиться весь народ».

Все эти слова нравились тем, кто следовал за ханом. Но не забывал Тохтамыш и о законах для тех, кто пас скот, кто отдавал в ханское войско сыновей.

«За кровь следует платить кровью, за душу – душой». «За убитого мужчину следует давать сто верблюдов или сто лошадей. Если же их нет, то тысяча баранов – достаточная цена за его жизнь. Жизнь женщины стоит ровно половину того, что следует давать за мужчину». «За сивого коня и постоянно ревущего верблюда надо отдавать полцены».

Глядя на развалины Сарай-Берке, Тохтамыш с горечью подумал, что все реже люди повторяют то, что говорит он, и все чаще можно услышать слова, сказанные Едиге.

«Правитель обязан думать о нуждах народа, и справедливый закон должен быть ему опорой». «Бию пристало судить справедливо, а суп его должен быть честным и строгим». «Пусть земля, на которой мы живем, всегда будет цветущей и просторной». «Пусть будет смелым муж, выступивший на защиту своего народа, а отважный народ станет его опорой». «Пусть всегда будет много скота на нашей земле, а народ наш пусть имеет щедрую душу». «Пусть не будет среди нас нечестных, а если появится предатель, то пусть его поразит первая же стрела...»

Эти слова приписывают Едиге. Так неужели они справедливее тех что говорил он,

Тохтамыш? Если нет, то почему все чаще посматривают в сторону Крыма эмиры, бии и батыры? Тохтамыш хорошо знал, как устроена жизнь в степи. Его, лишённого власти и сильного войска, обязательно должны были покинуть те, на кого *еще* вчера он опирался без сомнения. Но его не предали тогда, когда он терпел поражение от Тимура, почему это время наступило сейчас, когда все можно начать сначала? И хан понял – тогда Едиге был еще никто. Сейчас же он показал себя человеком мудрым, готовым к решительным действиям, и всем хотелось верить, что Едиге будет более удачливым, чем Тохтамыш.

Нет, надо стать сильным прежде, чем из ставки убежит первый эмир. Если это случится, то других уже не остановишь. Именно поэтому двинул свое войско Тохтамыш в сторону Крыма, желая вернуть его снова под власть Орды.

Словно не желая мешать хану в исполнении его замысла, Едиге ушел с дороги и увел далеко в сторону от Крыма подвластные ему роды.

Тохтамыша это и обрадовало, и насторожило. В поведении **Едиге** крылась какая-то тайна. Но раздумывать не было времени. Лавиной прокатились по Крыму ханские тумыны и осадили Кафу.

Семнадцатую марта года зайца (1396) начался штурм города. Несмотря на яростное сопротивление хорошо вооруженных, одетых в железо гонуэзцев, Кафа пала.

Разграбив город, полный новых надежд, Тохтамыш не стал долго задерживаться здесь, а объявив младшего сына Кадырберди ханом Крыма, поспешил в кипчакские степи. Он снова верил в свою удачу и надеялся, что отныне все пойдет по-иному...

...Тохтамыш тронул коня и медленно поехал к развалинам Сарай- Берке. На пустых узких улочках теплый, прилетающий из степи ветер гонял пыльные вихри, остро пахло дымом недавнего пожарища, и дожди уже обмыли остатки глинобитных стен, сгладили углы, и те стали похожи на бурые верблюжьи горбы.

Люди надеются, а бог вершит. Воистину сказано, что все в его руках: и удача наша, и жизнь. Снова нахлынули воспоминания, и Тохтамыш нахмурился.

Не прошло и трех месяцев, как завоевал он Кафу, а Едиге уже оказался в Крыму и жестоко расправился с теми, кого оставил там Тохтамыш. Кадырберди только чудом спасся, убежав из города с небольшим отрядом преданных ему воинов.

Снова надвигалась война. Снова, вместо того чтобы набирать и обучать войско, надо было выступать против Едиге и сломать ему хребет, прежде чем он окрепнет.

И здесь случилось то, чего больше всего боялся Тохтамыш с того дня, когда потерпел первое поражение от Тимура – произошло предательство...

...Хан вздрогнул. Отчего-то вдруг остановился конь. Тохтамыш поднял голову и тревожно оглянулся. Вокруг лежали мертвые развалины города. Среди остатков глиняных стен уже успела подняться полынь. Прямо перед собой хан увидел руины своего дворца. Так вот почему остановился конь. По привычке он привез хозяина туда, где обычно заканчивалась его дорога.

С суеверным страхом смотрел Тохтамыш на то, что осталось от некогда великолепного строения. Его поднял в свое время хан Берке, человек, которому долгие годы удавалось удерживать остов великой Золотой Орды. При нем она была могучей и

сильной и казалась вечной, как земля, как небо.

И потом, после него, сколько здесь перебивало ханов – удачливых и не очень, правивших подолгу и всего по нескольку дней. Сколько было отдано сил, сколько было пролито крови, чтобы Золотая Орда могла править миром! И вот теперь все кончилось. С того дня, как русские дружины победили Мамай, над Золотой Ордой словно опустился вечер, а вечно сияющее над ней солнце приблизилось к краю земли. Тохтамыш знал, что остановить его уже невозможно, нет на всем свете таких сил, которые бы заставили солнце двинуться вспять.

Он вдруг окончательно понял: Золотой Орды больше нет, как нет дворца, в котором многие годы жили ее владыки – великие и грозные ханы. Мир уже никогда не будет трепетать при виде поднятого к небу монгольского меча.

Ужас охватил Тохтамыша. Неужели это он погубил империю, созданную его великим предком Бату-ханом? Хан искал причины в себе и не находил их. Так же, как и его предшественники, он воевал и думал только о могуществе Орды. Почему же больше нет ее, почему лежит она в развалинах – жалкая, нищая, обессиленная?

Не дано было открыть, разгадать эту тайну Тохтамышу, оттого что смотрел он только в себя.

Надо было бы уехать из мертвого города, но хан медлил. Снова забурлила кровь в жилах, когда он вспомнил о предательстве. Вчера бежали к Едиге Исабек и еще несколько влиятельных эмиров. Они увели свои гумы и народ подвластных им родов.

Кому другому, но Исабеку Тохтамыш верил как себе, потому что даже в самые страшные минуты тот не покидал его, а стойко переносил все тяготы и лишения, выпавшие на долю владыки Золотой Орды.

Теперь он будет в стане врага. Он не просто беглец, но и предатель.

Из развалин выползла большая серая гадюка и, без страха, свернувшись в кольцо, устроилась на оплывшем обломке стены, подставив свое блестящее тело лучам солнца.

Тохтамыш с силой сжал рукоять камчи и хлестнул коня. Он не хотел покоряться судьбе и еще верил, что сможет все изменить. Солнце прошло зенит и быстро катилось к закату.

Тот, кто не сгибается под ударами судьбы, будет вознагражден. Многие беки, эмиры, бии, батыры ушли от хана, но Тохтамыш не пал духом. И словно в награду за это про-видение послало ему надежду. Из лагеря Едиге тайно прибыл человек. Послала его дочь Тохтамыша, ныне любимая жена Едиге – Жанике.

Несколько лет назад, когда батыр бежал от хана, вместе с ним убежала и она. Жанике подарила Едиге сына, и оттого любовь его к ней стала еще более сильной.

Но верно говорят в народе, что от семян горькой полыни может вырасти только полынь. Жанике была тщеславна, как и ее отец, вспыльчива и настойчива в достижении своей цели. Она умела, замечать то, что происходит вокруг, и вскоре поняла, что рано или поздно ее муж и отец сойдутся в смертельном поединке, чтобы пролить кровь друг друга. От полыни рождается полынь... Оттого и послала она к

Тохтамышу своего человека, велел ему сказать хану на словах: «Пусть мой отец не боится Едиге. Я сделаю все, чтобы он успокоился и послал послов с просьбой о мире. Если же он не сделает этого, то пусть винит себя. Мой острый кинжал оборвет его жизнь».

Сердце Тохтамыша от этих слов наполнилось гордостью за дочь. В ее поступке был выход, была надежда. Если Жанике обезглавит дракона, то что сможет сделать его туловище? Нет сейчас в степи такого человека, который бы смог заменить Едиге или сравняться с ним в уме. Снова разбредутся роды, снова начнут ссориться между собой эмиры, бии, беки и батыры за право быть первым.

И, раздумывая обо всем этом, Тохтамыш уже по-настоящему поверил в то, что все именно так и произойдет. Потом пришли тревожные мысли. По всем законам степи, жена, поднявшая руку на мужа, будет проклята, и люди с презрением станут произносить ее имя. Дать согласие Жанике на убийство Едиге – это значит обагрить руки дочери кровью. На миг Тохтамышу захотелось сказать: «Нет!» Но когда он представил, что со смертью Едиге исчезнут всякие преграды и ничто не мешает ему снова возвыситься, хан превозмог себя. Ради того, чтобы снова возродить Золотую Орду и снова править ею, можно пойти на любые жертвы. Пусть будет проклята не только Жанике, но и весь род Тохтамыша, лишь бы умер Едиге, лишь бы он не стоял на пути!

Нет, не сразу решилась Жанике на убийство мужа, потому что в свое время по любви, по велению сердца соединила с ним свою жизнь. , И оттого сын у нее родился, как две капли воды похожий на Едиге. И дали ему имя Султан-Мухаммед. Много раз говорила Жанике с мужем, умоляя его помириться с отцом, заклинала сыном, но Едиге был непреклонен. И тогда она, решительная и дерзкая, как и ее отец, подумала: «Умрет муж – найду другого, не станет ребенка – рожу другого. Если же погибнет отец, то кто заменит его мне? Если отец перестанет быть ханом, это будет равносильно его смерти. Благодаря его силе и могуществу все кланяются мне. На свете много красивых женщин, и если я перестану быть дочерью хана, мои соперницы – другие жены Едиге – станут указывать на меня пальцем и смеяться. Они уговорят Едиге оставить меня. Так не лучше ли мне сохранить отца и пожертвовать мужем?»

И словно нарочно, чтобы укрепить уверенность, Жанике в том, что решение ее правильное, Едиге взял себе еще одну жену – дочь знатного эмира. Умом она понимала, что муж поступил так для того, чтобы, породнившись с эмиром, привлечь на свою сторону новые роды, пополнить свое войско новыми силами. И все-таки это было грозное предостережение. Что произойдет завтра, если отец погибнет, а Едиге разлюбит?

Ревность завладела сердцем Жанике, а от ревности до желания мстить всего один шаг. И она приняла твердое решение.

Жанике позвала к себе преданного ей джигита и сказала:

– Приготовь двух самых быстрых коней. Мы убежим с тобою отсюда.

– Когда это нужно сделать, моя повелительница? – ни о чем не спрашивая, сказал

он.

– Я дам знать, когда наступит урочное время...

Джигит поклонился и молча вышел из юрты.

Едиге словно забыл о существовании Жанике и предавался радостям любви с молодой женой. От всего этого всегда горячее сердце женщины словно заледенело. Она теперь твердо знала, что убьет мужа. Все чаще, мысленно, Жанике видела, как сделает это, как проведет с ним последнюю ночь. От предвкушения скорой мести в глазах ее появился таинственный, мерцающий свет. И она дождалась своего часа.

Ночь была теплой. Полог, обычно закрывающий вход, был откинут, и тихий ветер приносил в юрту запах жузгена и полыни, смешанный с солоноватым запахом далекого моря. Лунный свет, падающий через отверстие в своде юрты, казался серебристым и призрачным.

Едиге и Жанике лежали усталые, уже узнавшие любовь, и молчали. Сквозь войлочную стену юрты было слышно, как поют цикады, как изредка, где-то совсем рядом, пробегает тушканчик и под его лапками тихо позванивают мелкие камешки.

Батыр положил свою сильную руку на грудь жены. Сердце Жанике стучало часто-часто, и ему показалось, что она только что остановилась после долгого бега.

Давно не было Едиге так хорошо с женой. На миг ему показалось, что вернулись те, первые дни, когда они убежали от Тохтамыша. Она ведь знает, что он враг ее отца, и все равно продолжает любить верно и преданно, а ласки ее горячи и желанны.

Жанике тихо подвинулась к мужу, уткнулась лицом в его грудь.

– Я хочу пить... – сказал он.

Жанике быстро поднялась с постели. В дрожащем призрачном свете луны тело ее казались высеченным из мрамора. Едиге невольно залюбовался женой. Он смотрел, как взбалтывала она кумыс в кожаном мешке – сабе, как наливала в большую серебряную пиалу, и не мог оторвать взгляда от ее крепких грудей, полных бедер и гибкой тонкой талии. Ему даже показалось, что она никогда не рожала, так хороша была ее девичья стать.

Едиге сделалось неловко от того, что последнее время он совсем забыл о Жанике. Разве может быть кто-нибудь прекраснее, чем она, похожая на сказочную пери из рая?! Это прекрасно, когда вот так можно видеть женщину обнаженной, не стыдящейся своей наготы.

Двумя руками батыр принял из рук жены пиалу с кумысом и, припав к ней губами, не отрываясь, выпил всю до дна.

Утолив жажду, Едиге откинулся на постели. Жанике прилегла рядом и стала гладить грудь мужа.

– Ты давно не была такой... – негромко сказал Едиге. – Что случилось?

Жанике помедлила с ответом, потом сказала:

– Я и сама не узнаю себя. Сегодняшняя ночь мне кажется последней..

– Милая... У нас еще много будет таких ночей...

Жанике крепко обняла мужа и ничего не ответила. Едиге тоже молчал, смотрел на

осколок неба, видный в куполе юрты, на тихо мерцающие звезды и вдруг сказал:

– До чего же ты сладка, жизнь!

– Не надо войны, – горячо сказала вдруг Жанике. – И мир всегда будет таким.

– Это невозможно...

Женщина помедлила, а потом спросила:

– Почему?

Даже в темноте она почувствовала, как нахмурился Едиге, и тогда Жанике наклонилась над ним и поцеловала его в губы.

Ни любовью, ни словом нельзя было остановить этого человека, заставить его отказаться от задуманного. Значит, надо было сделать то, что она решила.

Рука Жанике скользнула под подушку, и ладонь сжала холодную косяную рукоять кинжала.

Едиге вдруг вздрогнул всем телом и приподнялся в постели.

– Мне показалось, что в юрту заползла змея...

Пересохшими от волнения губами, Жанике сказала:

– Откуда ей здесь быть? Аул стоит на этом месте давно, и все проверено.

Она еще сильнее прижалась к Едиге и заставила его лечь. Губы ее снова коснулись губ мужа. И это был прощальный поцелуй.

– О аллах! – с тоскою сказала Жанике. – Почему жизнь так коротка, и почему в ней так мало радости? Неужели нельзя все изменить и сделать человека бессмертным?

Едиге перевернулся на бок, и пальцы женщины разжались, оставили кинжал. Наносить удар было неудобно.

– Разве ты не слышала о том, что перед святым Коркутом, где бы он ни находился за свою долгую жизнь, всегда стояла могила?

Кто в Дешт-и-Кипчак не слышал эту легенду? Коркут прожил больше ста лет и много хорошего сделал для людей. Он излечивал калек, несчастных делал счастливыми. Но главной мечтой Коркута было победить смерть. И когда пришла старость, всевышний послал к нему ангела смерти Азраила. Святой не захотел безропотно принять волю всевышнего и, сев на свою быструю как ветер верблюдицу Желмая, пустился бежать от смерти. Много дней мчался он на юг и, когда достиг края земли, увидел людей, копавших яму. Коркут спросил их: «Что вы делаете?» «Копаем могилу Коркуту», – сказали они. В страхе помчался святой на север, но и здесь повторилось то же самое. И так было всюду, куда бы он ни направлял свою верблюдицу. Но и на этот раз не покорился упрямый Коркут. Он спрятался в непроходимую лесную чащу, где не жили даже звери, но и здесь увидел следы смерти – вокруг лежали поваленные ветром, гниющие стволы деревьев. Выходило, что и здесь нет вечности. Тогда Коркут направился на вершину горы Кап, где останавливались на ночлег одни облака, а нога человека ни разу не ступала на ее вершину. Велико было горе святого, когда он увидел, что и здесь повсюду следы тлена – камни от воды и ветра разрушались и превращались в прах. Коркут убедился, что в подлунном мире нет вечности, нет ничего такого, что бы могло противостоять смерти. И тогда он решил ее обмануть. Святой постелил свой волшебный, нетонущий ковер на волну великого

океана, сделал из особого дерева никем еще не виданный музыкальный инструмент – овалный кобыз и стал играть на нем свою знаменитую мелодию «Кюй Коркута». Святой думал, что пока человек что-то делает, да еще находится в таком уединенном месте, как океан, смерть не достигнет его. Он играл, не переставая, день, второй, месяц, год, но однажды он на миг задремал.

И тотчас из глубины океана поднялась водяная змея и укусила его. Так умер великий Коркут. Люди нашли его тело и похоронили на берегу Сейхундарьи, в трех фарсах от урочища Карманчи. И сегодня его могила находится там.

– Святого называли Коркутом – пугливым, потому что он боялся смерти? – тихо спросила Жанике.

– Наверное... А кто ее не боится, смерти?

– А разве ты боишься?

– Боюсь. Бессмертна только нечистая сила... Ее невозможно убить.

– Если бы мы были бессмертны, то, наверное, тоже бы превратились в нечистую силу... В ведьм, чертей...

– Я не знаю этого... Мне известно только одно, что человек смертен.

Где-то далеко в степи жалобно заверещал заяц...

Жанике вновь просунула под подушку руку и сжала рукоять кинжала. Едиге, словно желая помочь ей исполнить свое намерение, откинулся на постели, вытянув шею. И вдруг он заговорил вновь:

– Смысл жизни не в том, сколько ты прожил, а в том, как ты прожил отпущенный тебе аллахом срок. Я бы не променял сегодняшнюю ночь еще на полжизни.

«Малая вещь ценится вдвойне»... – повторила она про себя. Так зачем же раньше времени прерывать эту прекрасную ночь, похожую на их первую ночь любви? Времени осталось совсем мало. Летняя ночь коротка, и скоро ей наступит конец. Вот тогда-то, на исходе ее, и можно будет убить Едиге.

Она забыла о кинжале, горячо и страстно обняла мужа. По телу прошла сладостная дрожь. «Пусть будет хотя бы еще один миг, хотя бы еще...» – успела подумать Жанике.

Тело Едиге откликнулось на ласку жены, и мир исчез – потухли звезды, которые только что смотрели в юрту через отверстие в своде, умерли звуки.

Обнимая тело Жанике, рука Едиге вдруг наткнулась на что-то холодное. Рука воина сразу же узнала в предмете кинжал, но не в силах прервать миг наслаждения, батыр просто отшвырнул его подальше от ложа и продолжал предаваться любви.

И только потом, лежа рядом с женой, опустошенный и усталый, Едиге вдруг понял, почему сегодня случилась необыкновенная ночь. Жанике прощалась с ним. Он сказал:

– И вправду похоже, что сегодня наша последняя ночь...

Что-то пугающее, незнакомое было в голосе мужа, и Жанике поспешно протянула руку к тому месту, где лежал кинжал. Его не было...

И страха не было. Вместо этого проснулась в душе странная, незнакомая прежде дерзость.

– Большую половину жизни ты прожил, – сказала Жанике. – За сегодняшнюю ночь ты готов был отдать другую половину...

Она думала, что Едиге охватит гнев, но он очень спокойно спросил:

– Что помешало тебе осуществить задуманное?

– Разве ты не понял? Любовь...

– А может быть, не любовь, может быть, просто наслаждение заставило тебя забыть об осторожности?

– Нет, – упрямо повторила Жанике. – Проснувшись вновь любовь отняла у меня разум...

Едиге долго молчал, и Жанике покорно ждала решения своей участи. Наконец он сказал:

– Я уже не молод... Мне пятьдесят... И сегодняшняя ночь... Если ты сумеешь простить себе то, что хотела сегодня совершить надо мною, то я прощаю тебя...

Спазма сдавила горло Жанике. Хотелось плакать, но слез не было.

– Спасибо тебе... Ты великодушен, как хан...

Едиге ничего, не ответил на эти слова. В юрту тихо вползали размытые рассветные сумерки.

– Приготовь воду для умывания, – сказал он. – Наступает утро...

Степь жила беспокойно. Все, казалось, оставалось по-прежнему – так же кочевали роды, люди ухаживали за скотом, радовались рождению детей, печалились, когда приходила смерть, но где-то подспудно уже бродило в народе недовольство, чаще вспыхивали жаркие споры и срывались с языка злые слова. Это значило, что люди устали от бесконечных междоусобиц, постоянных стычек и убийств.

Степь помогла Едиге победить. Была вера, что новый хан – не чингизид, а значит, будет больше думать о народе и, наконец, придет долгожданный мир. И вначале все было именно так. Но, видимо, недаром говорят, что если иноходцу приходится долго бежать, то рано или поздно он перейдет на обычный шаг и его будет трудно отличить от простой лошади.

Едиге был азартным всадником и не любил останавливаться. С каждым годом ему хотелось все большей славы и власти; и чем громче делалось его имя, тем нетерпеливей и безрассудней становился хан.

Славу степняку приносят только войны, и Едиге это хорошо понимал. Тщеславие его было велико. Он возвысил над всеми родами, кочевавшими в Дешт-и-Кипчак, свой род мангыт, и о хане с неодобрением стали говорить, что он больше не вождь всего народа, а только повелитель своего рода.

Возвышение одних и унижение других всегда порождает несправедливость. Так случилось и здесь. Но кто посмел бы сказать об этом вслух, кто решился бы выступить против всемогущего хана?! И когда завязывается такой узел, разрубить его может только случай.

И этот случай пришел. Был он, как всегда, неожидан, но степь будто ждала его.

Страшная весть облетела Дешт-и-Кипчак. За неповиновение по приказу Едиге был полностью вырезан один из алчинских аулов. Воины хана не щадили никого. В эту ночь под их кривыми саблями пали почти все жители аула. Не было пощады даже старикам и детям.

Страшная весть черной птицей облетела степь из края в край, но первыми поднялись соседи алчинцев, воины рода кенегес. Словно река в весенний паводок, забурлила Дешт-и-Кипчак. Вырвалась на волю годами копившаяся ненависть. Руки людей потянулись к оружию.

Во главе недовольных встал предводитель племени кенегес бий Ак-тайлак. Он был стар, но мудр, и потому люди услышали его голос. Актайлак-бий говорил:

– Ханская власть – это шестиглавый дракон. Он будет глотать людей до тех пор, пока не найдутся батыры, которые отрубят ему головы. Пять сжатых пальцев – это кулак. Объединившиеся роды и племена народ. Если мы будем все вместе, то что сможет сделать с нами хан?!

И всколыхнулась степь Дешт-и-Кипчак:

– Правильно говорит мудрый старец!

– Все племена и роды степи должны собраться вместе!

– Главное – начать!

– Пусть скачут гонцы!

Представители всех родов съехались в аул Актайлак-бия на большой совет, и все были едины в своем желании выступить против Едиге.

Слово попросил юный джигит Тоган сын Алау-батыра.

– Я мангыт, – сказал он, – но моя мать из вашего рода, рода кенегес, и потому я хочу быть с вами.

Собравшиеся одобрительно зашумели:

– Молодец, племянник...

– Сразу видно, что орленок из нашего гнезда...

Актайлак-бий провел ладонью по седой бороде.

– Слушайте наше решение, – негромко, но твердо сказал он. – Пусть все мужчины рода кенегес через три дня соберутся в урочище Кзылшия. Я же выступлю со своими джигитами сегодня ночью.

Но степь есть степь. Здесь невозможно сохранить тайну, как невозможно в дырявом бурдюке сберечь воду. Когда восставшие кенегесцы через двое суток добрались до урочища Кзылшия, они увидели перед собой ханское войско. Во главе его стоял Карасур-батыр.

Не было предела отчаянию кенегесцев. Всякий, имеющий глаза, видел, что им не одолеть золотоордынское войско, потому что главные силы восставших были еще далеко и подойти к месту битвы могли лишь через несколько дней.

Злорадно усмехаясь, выехал навстречу кенегесцам на гнедом жеребце сам Карасур-батыр. Был он огромен и грозен. В степи Карасур-батыра хорошо знали. Он был монголом из рода барын, всего три года назад пришел на службу к Едиге, но рассказы о его жестокости и кровожадности уже успели облететь всю Дешт-и-Кипчак. И еще славился Карасур-батыр страшной, нечеловеческой силой. Его булава с железным, утыканным острыми шипами шаром, разила противника без промаха и наповал.

Горяча своего гнедого жеребца, поднимая его на дыбы, монгол крикнул:

– Эй вы, безмозглый сброд! Пусть выйдет на поединок со мной тот, кто уговорил

вас выступить против великого хана Едиге!

Актайлак-бию давно минуло восемьдесят, но сердце его по-прежнему было горячим, и он любил свой народ.

Оглянувшись вокруг, он увидел хмурые, бледные лица своих воинов. Мудрый старец хорошо знал, что ждет их совсем скоро – быстротечная жаркая битва и смерть. И стараясь, чтобы все услышали его, бий крикнул:

– Люди, я позвал вас за собой и привел сюда! И потому я принимаю вызов!

Из рядов воинов вдруг выехал Тоган на бархатисто-черном горячем скакуне. Он поднял над головой руку со сжатым кулаком.

– Нет, нагаши-ата!⁵ – крикнул он. – Разве нет среди нас батыров, чтобы посылать на поединок мудрых старцев?!

И не дожидаясь согласия Актайлак-бия, Тоган ринулся вперед. Подобно черной молнии, несся он по степи, а навстречу ему уже мчался Карасур. Все произошло так быстро, что никто даже не успел крикнуть Тогану слов одобрения.

Всадники сблизилась. Мелькнула в воздухе тяжелая палица монгола. И случилось то, чего никогда не случалось – грозное, неотразимое оружие не задело юного воина. Огромный гнедой жеребец Карасура тяжело промчался мимо. Легко развернул своего скакуна Тоган и понесся вслед за монголом. И едва тот успел повернуть своего коня, острый наконечник копья юного воина впился в горло Карасура. Монгол тяжело осел и медленно вывалился из седла.

Ликующие крики раздались среди кенегесцев.

– Карасур повержен!

– Бог милостив к нам!

– Вперед!

– Пусть враг знает нашу силу!

От топота копыт задрожала земля. Вдохновленные победой Тогана, лавиной ринулись вперёд воины-кенегесцы.

Но недолго кипела битва. Слишком неравными были силы. Золото-ордынцев было больше, да и вооружены они были лучше.

Упал с белого верблюда Актайлак-бий, сраженный стрелой, чья-то острая сабля достала юного Тогана. Но самое страшное случилось потом. Не зная о том, что произошло в урочище Кзылшия, сюда подходили из степи все новые и новые отряды. И с каждым из них легко справлялось золотоордынское войско. Ветер нес над великой Дешт-и-Кипчак запах гари и крови.

Тихо и тревожно стало в степи. Однажды, ночью к могиле Тогана пришел воин, слагающий стихи. Он был уже немолод, и первая седина сделала его виски серебряными. И в этот раз судьба подарила ему жизнь. Вместе с воином был маленький сын Тогана...

Высокая, ясная луна освещала поле недавней битвы. Лицо воина было суровым, а губы шептали:

---

⁵ Нагаши-ата – дед по матери (каз.).

Я вновь увидел народ, у которого на глазах кровавые слезы.

Я вновь увидел стервятников, жаждущих крови.

Не добыл народ мой победы,

Лишь могилы оставил он на просторах родной степи.

Вновь народ мой в великой печали,

Ищет он выхода – и не находит.

И мои глаза застилают горячие слезы.

Стервятником горе терзает мою душу.

Пусть будет проклята эта жизнь!

Пусть будут прокляты земля и небо!

Не пришло еще время справедливости!

Но пусть не заржавеют мечи и не затупятся стрелы!

Едиге, узнав о поражении восставших, сказал с презрением:

– Так будет со всеми, кто осмелится поднять руку на Золотую Орду.

Откуда было знать хану, что день этой битвы стал днем начала его конца. И пройдет совсем немного времени, когда ему потребуется помощь народа, но итиль-жаикские кипчаки отвернутся от Едиге, и, спасая свою жизнь, погонит он своего усталого коня в северо-восточные пределы Орды, но и там не найдет он сочувствия. И станет похожа его жизнь на сухую траву перекаати-поле.

Едиге был далек от мысли ради любви к Жанике отказаться от борьбы с Тохтамышем. Единственное, что пообещал он жене, это не убивать ее отца, не запятнать свои руки кровью родственника. Судьбу Тохтамыша должна была решить битва и воля аллаха.

Жанике поверила ему. Вот почему на требование отца, переданное с тайным гонцом, поскорее кончать с Едиге, ответила: «Он отец моего единственного сына. Свой спор решайте между собой сами».

Тохтамыш, узнав об этом, пришел в ярость. Он так надеялся, что все в самый короткий срок решится в его пользу. Задуманное рухнуло. Впереди – неизвестность и борьба.

Отныне все мысли Тохтамыша были заняты подготовкой к битве с Едиге. И первое, что сделал хан, это послал своих послов просить помощи у болгар и рязанского князя. Но, словно чувствуя слабость Тохтамыша и его обреченность, бывшие союзники дали уклончивый ответ. Они выжидали.

Войска Тохтамыша и Едиге сошлись в низовьях Тана глубокой осенью года барса (1398). День выдался пасмурный. Над огромным полем, выбранным для битвы, плыли клочья тумана, и временами начинал моросить мелкий холодный дождь.

Пасмурным, сумрачным было и настроение воинов. Не было заметно обычного оживления, которое охватывает людей накануне сражения. Повинуясь воле своих повелителей, они покорно ждали знака к началу битвы. Сражаться никому не хотелось, потому что вновь, как во времена Мам.ая, надо убивать людей, близких по крови. Совсем иное дело ходить в походы на чужаков, на иноверцев. Еще вчера алшинец брал

себе в жены девушку из Крыма, а через мгновение его сабля должна была скреститься с саблей ее отца.

Но что могли поделать воины, если этой битвы хотели эмиры, бии и батыры?

Гончая, насильно натравленная на лису, никогда не догонит ее; джигиты, которых насильно гонят на битву, не покажут настоящего мужества и доблести.

Только батыр Кенжанбай с нетерпением ждал начала битвы. Больше всего на свете хотелось ему скрестить свою саблю с саблей Едиге. И причина для этого была. Кенжанбай считал, товарища своего детства виновником братоубийственной войны. И едва войска противников двинулись друг на друга, Кенжанбай вырвался вперед на своем горячем скакуне и крикнул:

– Едиге, я вызываю тебя на поединок! Ты поступаешь подло со своим народом и потому не должен жить!

Две живые стены, ощетинившись копьями, замерли, ожидая, что ответит Едиге. И когда тот, наконец, выехал и встал впереди своего войска, Кенжанбай, багровый от гнева, обратился к нему:

Послушай меня, Едиге!

Блистал и умом ты, и мыслью,

Подобно горе возвышался

В просторах безбрежных Итиля и Жаика.

Теперь же, за славой погнавшись,

Коварством своим ты сделал

Врагами близких по крови людей.

Я, Кенжанбай, говорю тебе это в лицо.

Каблуками сапог своих

Ты тело мое изранил.

Стрелою каленой убью я тебя.

Чтоб не погибли невинные люди.

Скорей защищайся! Я к битве готов!

Судьба нас рассудит...

На смуглом лице Едиге проступили красные пятна, зрачки сузились, и тяжелые веки, опустившись, на глаза, сделали их похожими на две щелки.

Твой меч, Кенжанбай, в крови.

Мы вместе с тобою росли.

Ты с детства был тугодум.

И годы не прояснили твой ум.

Много лет правит твоею Ордой Тохтамыш,

Каких он достиг перевалов?

Какое дело совершил?

На великую степь кипчакскую

Нападали враги не раз.

Реки крови текли,

И народ изнывал от ран.

Несчастный ты, Кенжанбай,
Если не видишь, причина в чем.
Чем на меня рычать и бросаться,
Лаял бы на своего любимого хана.
Если голова твоя из железа
И не знаешь, куда ее деть,
Коль не можешь узнать,
Кто твой друг, а кто враг,
Я готов сразиться с тобой...

Встали на дыбы кони под батырами, чуя близкую кровь, и помчались навстречу друг другу, разметав по ветру густые гривы...

Кенжанбай был аргыном из рода кенегес. Несмотря на свою малочисленность, кенегесцы отличались независимостью нрава, прямоотой в речах и умели держать слово. Из-за этих качеств они нередко попадали в трудное положение. Недаром в степи говорили про них: где кенегесцы – там ссоры. Но и другое отмечали люди. Человек из этого рода не предавал- друга и всегда оставался верным товарищем.

Кенжанбай был настоящим кенегесцем. Смел, решителен, остер на язык, а слава его, как лучшего стрелка из лука, гремела по всей Дешт-и-Кипчак.

Неспокойно жил Кенжанбай. Вражда эмиров, биев, беков и батыров казалась ему противоестественной. Не было от нее пользы Орде, а все тяготы падали на плечи простого народа. И оттого вся жизнь его была поиском справедливого правителя, который бы прекратил междоусобицы и думал бы о своем народе. Так он в свое время оказался на стороне Мамаю.

Здесь судьба свела его с батыром Акпанбетом из монгольского рода барын. Вместе ходили они в походы, вместе сражались. И нередко сабля одного отводила беду от другого. Никто не смел в присутствии Кенжанбая сказать неуважительное слово об Акпанбете, и тот, в свою очередь, никогда не позволял говорить плохо о друге. Без выгоды, на взаимной честности, стояла эта дружба.

Но однажды случилось то, что никто и никогда не может предсказать. Не бог и не судьба, а хан Мамаю вмешался в дружбу батыров.

После его поражения на Куликовом поле от русских полков, возмущенный тем, как хан управляет народом и распоряжается людскими жизнями, Акпанбет в сговоре с другими эмирами родов барын и шырын решил убить его. Кенжанбай в это время находился в низовьях Итиля и ничего не знал о заговоре. Случись по-иному, он непременно оказался бы на стороне друга.

Кто-то донес Мамаю о заговоре, и он приказал схватить виновных и обезглавить их. По степным обычаям, та же участь ожидала и семьи заговорщиков. Преданные хану люди вырезали жен и детей мятежных эмиров, и только семье Акпанбета повезло – жена его накануне отправилась в гости к родственникам в предгорья Кавказа.

Перед смертью Акпанбет шепнул одному из воинов: «Скажи Кенжанбаю, пусть спасет моего сына». В степи всегда боялись мести: сын убитого мог, став джигитом, убить кровного врага. .

Весть о смерти друга застала Кенжанбая на пути в Орду. Он хорошо понимал, что в одиночку ему не отомстить хану, да и над его собственной жизнью нависла опасность – Мамай знал о его дружбе с Акпанбетом и мог, опасаясь мести, поступить точно так же, как он поступил со всеми другими заговорщиками. Поэтому Кенжанбай, прежде чем возвращаться в Орду, заехал к аргынскому батыру Караходже, чтобы посоветоваться с ним, как поступить дальше.

Было решено, не производя большого шума, сняться с насиженных мест и уйти в Дешт-и-Кипчак, туда, где аул Кенжанбая не смогла бы достать рука хана.

А люди Мамаю уже рыскали по степи, искали семью Акпанбета, и потому с небольшим отрядом поскакал навстречу им Кенжанбай. Стремительно распространяются в степи новости-слухи, и быстрее ветра долетела до батыра весть, что схвачен трехлетний сын Акпанбета Тастемир.

– Я ничем не могу тебе помочь, батыр, – сказал сотник, возглавлявший карательный отряд. – Хан знает, что у Акпанбета есть сын, и он велел нам привезти его. Ребенка должны умертвить на его глазах. Хан опасается, что со временем, если кто-нибудь спасет мальчика...

– Я дам тебе много золота, скота... – сказал Кенжанбай.

Сотник отрицательно покачал головой.

– Зачем мне богатство, если я могу расстаться с жизнью, – коль не выполню приказ хана.

Кенжанбай подумал, что проще перебить отряд, отнять ребенка силой, чем вести этот торг, но сейчас же остановил себя, отказался от первой мысли. Степь только кажется пустой. Не пройдет и дня, как Мамай будет знать обо всем, что здесь произойдет. И тогда он прикажет своим воинам вырезать все аулы родов аргын и кенегес, и никому не удастся уйти в Дешт-и-Кипчак. Русские разбили Мамаю, но у него остались еще кое-какие силы, их-то для мести вполне хватит.

– Я дам тебе много золота и скота... – вновь сказал Кенжанбай и пристально посмотрел в глаза сотника. – А ты что-нибудь придумай... Неужели твой ум иссох и перестал быть изворотливым?

Сотник не обиделся, а задумался.

– Есть один выход, но...

– Говори.

– Хан не может знать в лицо сына Акпанбета,.. Если на его месте окажется другой ребенок того же возраста, тогда...

Это была спасительная, но и страшная мысль. У кого можно было отнять или попросить ребенка, чтобы подменить им маленького Тастемира? Кенжанбай не мог пойти на такое. Но если погибнет сын Акпанбета, то навсегда погаснет огонь в его очаге. Батыр вспомнил друга живым, его голос, его жесты, вспомнил, сколько раз тот спасал его от смерти, и на глазах навернулись слезы.

– Торопись, батыр. Думай. У тебя совсем мало времени... – вкрадчиво сказал сотник.

– Хорошо. Ты разобьешь здесь походный лагерь и велишь своим людям отдыхать. На рассвете я привезу тебе мальчика, которому будет столько же лет, сколько

Тастемиру.

– Смотри, батыр. Сдержи слово... Не забудь и об остальном...

Кенжанбай не ответил. Конь его уже мчался по степи в сторону родного аула.

На страшное решился батыр. В его юрте росли сыновья-близнецы Жанузак и Кунузак. Одного из них решил отдать он на смерть, ради сына друга.

В эту же ночь осуществил задуманное Кенжанбай. Так в его юрте вместо Жанузак появился Тастемир. На рассвете роды аргын и кенегес ушли в Дешт-и-Кипчак, навсегда покинув Орду Мамай.

Минуло время, и два мальчика выросли у батыра, превратились в стройных и сильных джигитов. Они уже знали страшную правду о прошлом, но все равно называли друг друга словом «брат» и Кенжанбая – отцом.

И сегодня на поле битвы они стояли рядом и, не отрывая глаз, смотрели на Кенжанбая, который вызвал Едиге на поединок. Когда же стало ясно, что тот не струсит и не откажется скрестить свой соил с соилом их отца, названные братья соскочили с коней на землю, навесили на шею пояса, упали на колени и, воздев к небу руки, попросили помощи у всевышнего.

– Аксарбаз! Аксарбаз! – кричали они, давясь слезами. – О ал-лах, исполни наше желание! Возьми наши жизни, но спаси отца нашего Кенжанбая! Спаси!

Джигиты знали, что нет в степи лучшего стрелка из лука, чем их отец, но в бою на коне не было лучшего воина, чем Едиге. И все-таки они молили аллаха о чуде, забыв, что чудес не бывает. А может, просто всевышний не услышал их молитвы?

Мчались навстречу кони, и развевались по ветру их густые гривы... Более ловким оказался Едиге. Его соил опустился на бедро Кенжанбая. Дрогнуло тело батыра, но он удержался в седле, хотя перестал чувствовать ногу, по которой пришелся страшный удар.

И вновь, подобно урагану, налетел Едиге, и снова чуть промедлил Кенжанбай. Новый удар пришелся по второму бедру батыра, и он, припав грудью к луке седла, тяжело вывалился из него.

И уже лежа на земле, Кенжанбай видел, как легко спрыгнул с коня Едиге, как неторопливо подошел к нему. На грудь навалилась тяжесть, и у самого своего лица он сквозь застилающий глаза туман увидел пыльный сапог врага. Сбросить его, оттолкнуть не было сил. И еще, слышал Кенжанбай, как терлось друг о друга железо – это Едиге вынимал из ножен саблю, чтобы добить его.

Сразу же пришло облегчение, и не было иной мысли, кроме мысли о том, чтобы скорее все кончилось и чтобы больше не видеть ничьих глаз.

– Батыр! Прощенья! Прощенья! - закричали воины из родов аргын и кенегес.

Едиге занес было саблю над головой Кенжанбая, но вдруг опустил ее.

– Живи, пес! – с презрением сказал он. – Мы все-таки когда-то росли вместе, – отрывая свое тело от земли, прохрипел Кенжанбай. – Лучше умереть, чем пережить такой позор!

Но Едиге уже не слышал его слов. Нахлестывая коня, он мчался к своему войску.

К поверженному Кенжанбаю подсаkali джигиты, перебросили его неподвижное

тело через седло и увезли с поля битвы. Не знали они, что делают это напрасно. Воин, переживший такой позор, уже не жилец на свете. Не прошло и года, как Кенжанбай умер от тоски и горя.

Но это будет потом. А сейчас сошлись два войска, и зазвенело злое железо, и первая кровь брызнула на сырую увядшую траву. Низко плыли над землей тяжелые облака, опускались на плечи сражающихся воинов белыми клочьями тумана, словно укрывая их саваном.

И записал в тот год русский летописец со слов знающих людей короткие слова об этой кровавой битве, как напал «некий царь, именем – Темир-Кутлук, и бысть им бой велик и сеча зла. И одоле царь Темир-Кутлук царя Тохтамыша и прогна, и сяде сам на царстве Волжском Большая Орды, а Тохтамыш царь побежа к Литовским странам».

Победив Тохтамыша, Едиге провозгласил новым ханом Золотой Орды своего давнего товарища по походам, ведущего свой род от великого Чингиз-хана Темир-Кутлука. Сам же он стал при нем эмиром, в подчинении которого находилось все войско.

И Едиге, и Темир-Кутлук, как и все предыдущие правители Золотой Орды, верили, что им предопределено судьбой и богом вновь сделать ее сильной и могучей. И они пошли той же дорогой, которой до них следовали другие – стали укреплять войско.

Тохтамыш ушел в литовские земли со своим аулом, со всеми многочисленными родственниками и домочадцами. В Киеве, как самого близкого друга, встретил его сам князь Витовт.

Не дружба и бескорыстие руководили поступками тех, кто повелевает народами, а выгода. О ней же думал и Витовт. В последние годы великое княжество Литовское окрепло, набрало силы. Пользуясь распрями между русскими князьями, Витовт отобрал у них часть земель на востоке, завоевал Курляндию, Польшу, и взор его обратился теперь а сторону Золотой Орды. Пользуясь тем, что после поражения Мамаю на Куликовом поле Орда по сути дела постоянно пребывала в раздробленности и схватки между претендентами на ее трон не утихали, литовский князь совершил два похода в степь. В год коровы (1397) он доходил до реки Дон, а в следующем году пожег и пограбил аулы кочевников в верховьях Днепра. Серьезного сопротивления Витовт здесь не почувствовал, а потому уверовал, что легко сможет расправиться с Золотой Ордой. Тохтамыш ему нужен был, чтобы осуществить задуманное. Оказав помощь бывшему хану, вернув ему отнятый соперниками трон, князь рассчитывал подчинить себе Орду и использовать ее для борьбы с русскими княжествами.

Темир-Кутлук и Едиге без труда разгадали замысел Витовта и поняли, какую опасность может представлять для них Тохтамыш, если его поддержит литовский князь. Потому тотчас же в Киев были отправлены послы и велено им было требовать у Витовта выдачи Тохтамыша, как злейшего врага нового хана. Послание было суровым, составленным из слов твердых и жестких.

Но это не испугало великого литовского князя, и он, приняв подарки, присланные Темир-Кутлуком, ответил новому хану дерзко и с вызовом. В своем послании он писал, что друга своего – Тохтамыша – не выдаст, а со всем своим огромным войском пойдет

на татарские земли и, победив царя Темир-Кутлука, заберет его богатства. «...И посадим в Орде на царстве его царя Тохтамыша, и на Кафе, и на Азове, и на Крыму, и на Азтаракани, и на Заяицкой Орде, и на всем Приморье, и на Казани; и то будет все наше и царь наш».

Едиге и Темир-Кутлук начали готовиться спешно к войне, с тревогой поглядывали на русские княжества. Как поведут они себя, что предпримут? Но Москва выжидала. Ни Литве, ни Орде не желала она усиления, так как они оставались ее врагами. Русь давно уже никому не кланялась и никого не боялась. Лишь изредка приходилось ей малой кровью отбрасывать со своих пограничных владений бродячие татарские отряды, ищущие добычи.

Измотанная, обескровленная бесконечными внутренними войнами Орда в это время хотела только одного – чтобы Литва и Русь не объединились, не пошли на нее общими силами.

Едиге в короткое время сумел собрать большое, боеспособное войско. Теперь под знаменем нового золотоордынского хана Темир-Кутлука было двести тысяч воинов-всадников. Для прежнего величия Золотой Орды, – ничтожно мало, но для того, чтобы начать все сначала, – хватит.

Одно было плохо, занятая распрями Орда по-прежнему была уверена, что для победы над врагом достаточно смелости воинов. Как и двести лет назад, всадник был вооружен саблей, копьем и луком. В Литве же и на Руси уже пользовались пищалями, пушками, самострелами. В телегах, окованных железом, вслед за войском ехали знающие люди, приставленные к новому оружию, которое наносило большой урон неприятелю.

Для содержания войска где-то надо было брать деньги, и новый хан потребовал, чтобы, как и в прежние времена, роды платили в казну подати. Люди, и без того разоренные нескончаемыми войнами, вынуждены были отдавать последний скот, а чтобы хоть как-то прокормиться, шли в войско Едиге.

Великий литовский князь Витовт не заставил себя долго ждать и поспешил исполнить свою угрозу. На следующий год с огромным войском, в составе которого были даже рыцари немецкого ордена, он выступил в поход. Вел литовцев на земли Орды Тохтамыш.

Витовт и Темир-Кутлук встретились на берегу реки Ворскла. Со страхом и тревогой смотрел золотоордынский хан на грозный, ощетинившийся пушками лагерь литовского князя. Едиге еще не прибыл к месту будущей битвы, и некому было укрепить дух робкого Темир-Кутлука.

По ночам он с замиранием сердца смотрел на бесчисленные костры на противоположном берегу. Хану казалось – красноватые огни пылали по всей земле, и приходила мысль, что воинам князя нет числа.

Ужас охватил Темир-Кутлука, когда однажды с литовской стороны вдруг ударили пушки. В золотоордынском лагере началась паника. Степные кони, непривычные к грохоту, вставали на дыбы, рвали путы и уносились во тьму, круша на своем пути походные шатры, затаптывая копытами людей.

Когда в лагере вновь, наконец, воцарился порядок, хан, чтобы унять вздрагивающее сердце, долго пил вино, но страх был настолько велик, что забвение не приходило.

Утром в золотоордынский лагерь прибыли послы князя Витовта.

«Бог подчинил мне все земли, подчинись и ты. Я стану тебе отцом, а ты мне будешь сыном, – писал литовский князь. – Еще ты должен пообещать мне, что станешь ежегодно платить дань, а на деньгах, коль начнешь их чеканить, обязан отныне изображать мои знаки. Ежели же ты не захочешь исполнить то, что я говорю тебе, сделаю тебя рабом, а Орду твою разграблю».

Темир-Тулук собрал в свою юрту эмиров и стал держать с ними совет, как поступить и как ответить на послание князя Витовта. Многие старые воины, присматриваясь к литовскому войску, понимали, что предстоящее сражение будет нелегким и предсказать его исход сейчас очень трудно, потому они начали склоняться к мысли принять предложение Витовта. Каждый понимал, что, согласившись на предъявленные требования, Орда тем самым должна признать свою зависимость от Литвы. Никогда еще Золотая Орда не знала подобного унижения, но эмиры смотрели в будущее – сейчас главным было укрепнуть, собраться с силами, выиграть хотя бы год или два. Нарушить данное князю обещание никогда не поздно – правители Орды всегда отличались вероломством.

Так бы, наверное, все и случилось, но когда уже было решено объявить послам князя, что хан готов подчиниться требованиям Витовта, в лагерь прибыл Едиге во главе пятидесятитысячного войска.

– Что здесь происходит? – спросил Едиге, слезая с коня и увидев, что его встречают все эмиры во главе с Темир-Кутлуком.

Хмуро глядя на хана, он выслушал все, что рассказал ему правитель.

– И что же вы решили? – в голосе Едиге послышалась недобрая усмешка.

– Мы решили, чтобы выиграть время, принять требования князя, виновато сказал Темир-Кутлук.

Лицо Едиге залила смертельная бледность, брови сошлись у переносицы так плотно, что, казалось, срослись.

– Лучше принять смерть, чем встать на колени, не попытавшись даже защитить себя! – эмир словно забыл о хане и, повернувшись к военачальникам, смотрел теперь на них в упор. – Если литовский князь хочет битвы, то мы будем сражаться!

– У Витовта большая войска... – робко возразил Темир-Кутлук. – У него есть огненные стрелы, производящие гром и убивающие сразу много воинов...

Едиге словно не услышал сказанного,

– Где послы князя?

Главный визирь, стоящий рядом с ханом, склонился перед эмиром в низком поклоне.

Они ждут ответа в гостевой юрте...

– Пусть приведут их.

Воины из личной ханской стражи привели двух высоких литовцев, одетых в длинные холщовые одежды. Послы с достоинством поклонились Едиге, сразу признав

в нем того человека, от которого зависит исход переговоров.

– Вы пришли с дерзкими требованиями, – сурово сказал эмир. – Разве смеет ничтожный князь Витовт требовать от властелина великой Золотой Орды покорности? За то, что вы осмелились принести нам такие слова, вам следовало бы отрезать уши и нос. Но мы не станем делать этого, ибо посол передает поручение своего господина... Идите к своему князю и скажите, что мы не принимаем его требований. Если же он хочет услышать меня, то пусть подъедет к реке. У меня есть что сказать князю... .

Не вызвав ни страха, ни удивления, послы с достоинством поклонились Едиге, молча сели на подведенных воинами коней и быстро поехали к реке.

Князь Витовт не отказался от встречи. В сопровождении своих вое- начальников он приехал на высокий берег Ворсклы. Поблескивали в лучах солнца золоченые княжеские доспехи, белый длинногривый конь под Витовтом перебирал ногами, не хотел стоять на месте.

– Слушай меня, князь! – крикнул Едиге. – Если тебе захотелось сделать своим сыном Темир-Кутлука – хана великой Орды, а самому стать его отцом, то желание твое похвально, ибо ты старше нашего хана. Но я старше тебя, а значит, ты годишься мне в сыновья. А раз так, то не мы, а Литва должна платить нам дань. Если же ты не станешь делать этого, то обижайся на себя. Кони воинов Золотой Орды быстры, сабли наши всегда наточены. Даже если ты спрячешься за краем земли, мои воины найдут тебя и отнимут жизнь. Дочерей ваших мы сделаем рабынями, а сыновей погоним на невольничьи рынки. Подумай хорошо, прежде чем решиться вступить в битву с моим войском, и если запросишь мира, я прошу тебе твою дерзость...

Смех Витовта был ответом на слова Едиге. На совете, который состоялся в этот же день, было решено с восходом солнца начать битву с войском Золотой Орды.

Рассвет принес неожиданность. Едва стал просматриваться противоположный берег, дозорные сообщили князю, что золотоордынское войско исчезло. Там, где еще недавно были тысячи всадников, осталась только земля, разбитая в прах конскими копытами, да холодный пепел костров.

Радость и досада смешались в душе Витовта.

– Не спеши радоваться, князь, – остановил его Тохтамыш. – Не просто все это. – Бывший хан хорошо знал все хитрости и уловки, к которым умели прибегать степняки. – Пусть твои люди хорошо посмотрят вокруг. Может случиться такое, что Едиге переправил свои тумены ночью на нашу сторону и ударит вскоре в спину.

Предположение Тохтамыша походило на правду. Золотоордынцы видели, что все свои пушки, всю пехоту князь поставил на берегу реки, и было бы безумием бросать на них конные тумены.

Прискакавшие вскоре разведчики доложили, что нигде не встретили вражеских отрядов.

– Едиге испугался, – с гордостью сказал князь. – Но мой меч отыщет его даже в безбрежной степи, и я заставлю его преклонить передо мной колени.

Тохтамыш с тревогой вглядывался вдаль.

– Слова Едиге не расходятся с делом... – уклончиво сказал он. – Здесь какая-то хитрость...

Витовт с презрением посмотрел на своего союзника.

– Смотри, князь!.. – крикнул вдруг бывший хан. – Смотри хорошо!

На юге, у самого края земли появилось крохотное облачко пыли.

– Я так и знал! Едиге перешел реку далеко от того места, где стояли твои дозоры!

Лицо Витовта отвердело, глаза сощурились. Не теряя присутствия духа, он приказал выдвинуть пешие полки и пушки на новые позиции.

Пристально вглядывался в горизонт князь. Облако пыли низким валом катилось на литовский лагерь. Вскоре стала видна тонкая черта, потом она распалась на маковые зерна и уже без труда можно было рассмотреть отдельных всадников. Издалека они казались маленькими и не страшными.

– Едиге решил одним ударом смять наше войско... – с усмешкой сказал Витовт.

– Оглянись, князь... – дрогнувшим голосом сказал вдруг Тохтамыш.

Из лесной чаши на другом берегу реки, откуда литовцы уже не ждали врага, выезжали большие отряды всадников и на ходу, рассыпаясь в лаву, мчались к реке.

– Оставить половину пушек на берегу! – приказал Витовт.

– Количество воинов, которые скачут на нас, не превышает ста тысяч, – с беспокойством сказал Тохтамыш. – В войске же у него более двухсот тысяч всадников.

И, не отрывая глаз от наступающего врага, князь презрительно бросил:

– Видимо, Едиге решил уничтожить сначала одну половину своего войска, а затем уже вторую. Начинайте!

Над толовой Витовта взметнулось княжеское знамя, и сейчас же, разорвав утреннюю тишину небывалым громом, ударили все тридцать пушек. Ядра врезались в мчащуюся живую лавину и словно вырвали в ней куски. С пронзительным ржанием падали лошади, вылетали из седел всадники. Задние ряды, не в силах удержать своих коней, напуганных грохотом, топтали упавших и продолжали мчаться вперед, уже не желая этого. И снова ударили пушки.

Золотоордынские тумены остановились, смешались и, повернув обратно, устремились прочь. Оказавшись на расстоянии, куда не долетали ядра, они сомкнули ряды и вновь рванулись вперед.

– Едиге безумен, – сказал кто-то из приближенных князя. – Так у него скоро не останется воинов...

На взмыленном коне подскочил к княжескому шатру всадник.

– Князь! С востока идет большое войско! Оно совсем близко!

Витовт посмотрел в ту сторону, где всходило солнце. Слепящие лучи его мешали что-либо увидеть. И вдруг солнце стало тускнеть, сделалось красным. Это поднятая мчащимися всадниками пыль заслоняла его золотой диск.

– Пусть встретят врагов немецкие рыцари и польская конница! – приказал князь.

Ощетинившись копытами, закованные в железо, мерно двинулись вперед на тяжелых конях, укрытых латами, немецкие рыцари. Поблескивая бронзовыми нагрудниками,

горячили своих коней нетерпеливые поляки.

Словно вихрь, налетела на них золотоордынская конница и зазвенело железо. В огромном водовороте крутились охваченные яростью люди, разя друг друга мечами, топорами, саблями и тяжелыми соилами.

Время давно перевалило за полдень, а битве не видно было конца, и ни одна из сторон не могла сказать, что побеждает другую. По-прежнему с непонятной яростью бросались поредевшие золотоордынские тумены на пушки и на пешие полки литовцев. Вступил в битву и Тохтамыш со своими воинами. Он сражался на другом берегу реки. Ни у Едиге, ни у Витовта больше не было свежего войска, чтобы, бросив его на помощь своим полкам, переломить ход битвы.

Но не настолько прост и наивен был Едиге. Он не рассчитывал на легкую победу над литовским князем, у которого было такое грозное оружие, как пушки. Не напрасно посылал он своих воинов против железных чудищ, плюющих огнем. Еще ночью, на подходе к литовскому лагерю, приказал Едиге Шора-батыру затаиться возле реки с пятью тысячами всадников и терпеливо ждать такого момента, когда пушки окажутся неприкрытыми с тыла.

Необъятным было поле битвы. И часто люди падали на землю не от того, что их поразила стрела или острая сабля, а от непомерной усталости. Именно в это время и появился из приречных зарослей отряд Шора-батыра.

Самые смелые джигиты на самых быстрых конях ринулись к тому месту, где стояли пушки. Едиге знал, посылая своих воинов на это дело, что они ничего не смогут поделаться с железными чудищами – их нельзя было ни изрубить, ни сжечь, – и потому отдал приказ убивать тех, кто стрелял из пушек. Короткой и быстрой была схватка, и скоро в живых не осталось ни одного пушкаря.

Исход сражения был предreshен, хотя продолжалось оно еще несколько дней. Литовское войско медленно отходило в свои пределы, бросая обозы и погибших. Большая часть воинов Тохтамыша в первую же ночь перешла на сторону более удачливого Едиге.

Словно черный смерч, прошли по киевским и литовским землям тумены Темир-Кутлука и Едиге, грабя и предавая огню селения и малые города. Золотоордынцы осадили Киев, но, понимая, что им едва ли удастся взять его, ограничились выкупом с горожан в три тысячи золотых рублей, что по тем временам было огромной суммой.

Отягощенные добычей, возвращались в родные степи воины. Над Золотой Ордой вновь засияло солнце удачи. Очень хотелось Едиге верить, что это именно так. Половину принадлежащей ему добычи он отдал воинам, и народ назвал его за это «щедрым и славным». Вторую половину Едиге вручил хану Темир-Кутлуку на содержание и укрепление войска, и за этот поступок людская молва назвала его «истинным мужем, рожденным для народа».

Теперь, после поражения князя Витовта – главного союзника Тохтамыша, бывший хан был не страшен для Едиге. Верные люди сообщили ему, что Тохтамыш ушел из

литовских земель вместе со своими близкими в далекую Шангитара⁶.

Глава шестая

Кипчакский воин, уронив повод на шею своего копья и подняв над головой черное траурное знамя, срывающимся голосом крикнул:

– Эмир Едиге! Твоя Золотая Орда осталась без хозяина! Сегодня ночью хан Темир-Кутлук покинул этот бранный мир!

Едиге покоробили слова гонца. Он смотрел, как падали с конских боков грязные ключья пены, смотрел на бледное лицо всадника, и ему хотелось ударить его, принесшего эту черную весть. Как он смел сказать, что Орда осталась без хозяина! После победы над литовским князем Витовтом на Ворскле, настоящим хозяином Орды был не Темир-Кутлук, а он, эмир Едиге. И все это знали.

Едиге сдержал себя и как можно спокойнее спросил:

– Отчего умер хан?

– Никто не знает этого. Он не проснулся. Жена хотела разбудить его, когда пришло время утреннего намаза, но Темир-Кутлук уже был мертв.

Эмир покачал головой. Он знал то, о чем не знал воин. Хан, как и его отец, Темир-Малик, любил вино. Он пил все: виноградное вино из Крыма, монгольский тарасун, вино, приготовленное из пшеницы, которое привозили ему купцы из русских земель. Хан не следовал завету Чингиз-хана употреблять вино изредка, а пил подолгу и помногу.

Безвольный хан устраивал Едиге, но пьянство Темир-Кутлука переходило всякие границы, и потому он не раз выговаривал ему за это:

– Ты однажды потерпишь поражение не от войска врага, а от вина. Ты уверен, что пьешь для удовольствия, на самом же деле твои враги спаивают тебя, чтобы лишить силы.

Слова мало действовали на хана, и вот теперь наступила расплата...

Заставляя Темир-Кутлука выполнять свою волю, Едиге, тем не менее, любил его и потому поехал в Орду совершить обряд, завещанный предками.

Бросив повод коня подбежавшему нукеру, Едиге неторопливо вошел в огромную ханскую юрту. Он некоторое время постоял у входа, давая глазам привыкнуть к полумраку.

В правой стороне юрты, на красном ковре, укрытый до пояса зеленым шелковым покрывалом, лежал Темир-Кутлук. Лицо его было багровым.

Приглядевшись, Едиге увидел, что в юрте полно народу. Здесь была почти вся золотоордынская знать. Эмиры, беки, бии, батыры сидели каждый там, где кому полагалось, в зависимости от знатности, силы и богатства.

Увидев вошедшего, они беспокойно задвигались, зашевелились, освобождая

---

⁶ Шангитара – Тюмень.

почетное место – тор.

Окинув собравшихся быстрым, оценивающим взглядом, Едиге заметил, что меньше всего беспокойства проявил смуглолицый высокий джигит с красивыми пышными усами. Это был потомок Токай-Темира – сына Джучи. За высокий рост его звали Большим Мухаммедом. Он был еще молод, но имя его называли с уважением. Еще Едиге знал, что он является дальним родственником Тохтамыша.

Стараясь меньше шуметь, присутствующие вставали со своих мест, чтобы приветствовать эмира. Подошел и Большой Мухаммед. Едиге почувствовал себя годовалым верблюжонком рядом со старым могучим нармом.

В тихие голоса мужчин вплелся вдруг протяжный, полный тоски и Печали голос молодой женщины:

Высохла водная гладь...

Упал остов юрты...

Льву подобного,

Солнечному лику подобного,

Потерял народ хана!..

Пришло время

Лить слезы кровавые...

Это оплакивала Темир-Кутлука его младшая жена. Совсем недавно взял он ее, чтобы обновить постель. Даже в горе женщина была красивой – черные длинные волосы ее падали на колени, в больших карих глазах дрожали слезы.

Взгляд Едиге встретился со взглядом женщины, и он вдруг ощутил непонятную, идущую от нее притягательную силу. На миг ему показалось, что у женщины даже изменился голос...

Эмир прогнал наваждение и, вспомнив, где он находится, прошел на почетное место. Мелькнула мысль, что до отъезда из Орды с этой женщиной надо было бы встретиться.

И уже более спокойно подумал Едиге, что жизнь устроена очень Странно – рядом ходят и горе, и радость. Кто-то умирает, а кто-то рождается... Бывает, что в страдающей душе вдруг просыпается радость, а торжествующую душу неожиданно начинает терзать горе...

Чей-то заунывный, надтреснутый голос начал читать молитву по усопшему, и эмир сразу же забыл о молодой женщине. На смену пришли другие мысли.

Шел год дракона (1400). Прошедшая зима выдалась особенно суровой, и аулы, разбросанные по землям Золотой Орды, едва дождалась теплых дней. По всей степи, Омываемые дождями и обдуваемые ветрами, валялись белые кости погибшего от бескормицы скота. Но внешне Золотая Орда казалась сильной. У нее было большое, не потерявшее боеспособности войско, готовое всегда встретить врага или, если прикажет Едиге, двинуться в поход на чужие земли.

Но эмир знал, что не все так просто, как кажется.

Уже нельзя было, как прежде, задумав поход, без страха и сомнения двинуться на Русь, или Литву, или в Мавераннахр. Повсюду можно было получить не только отпор,

но и потерять все. Другими стали соседние государства, и сила их росла не по дням, а по часам.

Самую большую опасность представляла Русь. С каждым годом все теснее сплачивались вокруг Москвы княжества, росло единство, когда дело касалось общих целей. По всей великой земле русской строились новые города, возводились храмы, процветало ремесло и торговля. Русские купцы стали хозяевами на Итиле, и все чаще даже другие народы стали называть эту великую реку русским именем Волга. Налаживалась торговля и с другими далекими и близкими государствами. Русь Не предпринимала походов против соседних народов, но при необходимости могла дать отпор любому врагу. Для этого у нее теперь было все: и пушки, и пищали, и самострелы.

Русь незаметно стала опережать восточные государства в культуре, Золотая же Орда, находясь в пограничье между ними, привыкла не перенимать, а отнимать. Но у сильного отнять невозможно. После похода Хромого Тимура хозяйство Орды пришло в запустенье, заглохла торговля и в развалинах лежали когда-то богатые города, ханская казна, истощилась. Для того, чтобы как-то поддерживать видимость силы, приходилось грабить свой же собственный народ налогами и поборами, прекращались и междоусобные смуты.

Часто задумываясь о судьбе Золотой Орды, Едиге видел, что, несмотря на все его усилия, он ничего не может сделать, чтобы вернуть Орде прежнее величие. Словно непреодолимый порог вставал на его пути. И порой Едиге начинало казаться, что нынешнее, внешне благополучное существование Золотой Орды похоже на последнюю вспышку догорающего костра. Но эмир не хотел верить своим предчувствиям. В отчаянии, скрытом от посторонних глаз, он начинал делать все, чтобы вновь поссорить русских князей, чтобы вернуть прежние времена. Но реки не текут вспять.

Едиге знал, что тверской князь Иван Михайлович, как и прежде, не ладит с Москвой и мечтает отнять у нее власть и влияние на другие княжества. С этого, казалось бы, и следовало начинать. Но эмиру вдруг стало страшно. А что если после того, как поможет он тверчанам в борьбе с Москвой, те, окрепнув, точно так же изъясвят непокорность? Да и как отнесутся к ссоре остальные русские князья, чью примут сторону?

После долгих раздумий Едиге решил начать с другого конца. Надо было во что бы то ни стало рассорить главных врагов Орды – Русь и Литву. Как раз накануне смерти Темир-Кутлука Едиге отправил посланником на Москву его сына Булата и эмира Еркимберди. Те должны были узнать обстановку и найти способ поссорить давних соперников...

Едиге невидящими глазами следил за всем, что происходило в юрте, а сам не мог отделаться от тяжелых мыслей.

Не вовремя умер Темир-Кутлук. Он всегда был покорен и беспрекословно выполнял волю эмира. Теперь же предстояло думать о новом хане. Дело это было не из легких. Надо угадать среди льстецов такого, чтобы не посмел, сделавшись повелителем Орды,

противиться воле Едиге. Сколько случаев знал эмир, когда даже такие прозорливые люди, как Хромой Тимур, ошибались в выборе. Те, кого они возносили к власти, став ханами, делались самыми яростными врагами своего благодетеля. Взять хотя бы того же Тохтамыша.

Взгляд Едиге остановился на лице эмира Алибека. Он чингизид. Быть может, стоит осчастливить его... Но кто он и знает ли его народ? Нет, на роль хана он не подходит. Новый повелитель Золотой Орды должен сочетать в себе два качества – слушаться во всем его, Едиге, и пользоваться доброй славой в народе.

А может быть, Большой Мухаммед сможет сочетать в себе то, что нужно эмиру? И этот не годится. Он родственник Тохтамыша, и кто знает, как поведет себя, когда получит власть.

Медленно обводил пристальным взглядом Едиге собравшихся. Вот сыновья покойного Темир-Кутлука: Темир, Насыр, Жадигер... Они чингизиды, но ни один из них не имеет достоинств, нужных хану.

Вход в юрту заслонило чье-то большое тело. Едиге узнал в вошедшем родственника Темир-Кутлука Шадибека.

Только на мгновение замешкался у входа голубоглазый джигит и сейчас же шагнул к Едиге. Первым среди собравшихся он приветствовал эмира. Приложив руку к груди, Шадибек почтительно сказал:

– Хан Золотой Орды был нашим отцом. Он был вашим товарищем, помогавшим вам поднять остов Орды, и всегда был готов отдать жизнь за вашу честь. Весь народ, населяющий земли Золотой Орды, склонялся перед Темир-Кутлуком, он же преклонял свои колени перед великим Едиге. Я знаю, что горе ваше огромно, и потому мы хотели бы облегчить его, взять часть тяжести на свои плечи. Темир-Кутлук умер, но живы мы, его родственники. Пусть же утешится ваша душа, потому что мы всегда будем с вами рядом и разделим выпавшие на вашу долю невзгоды и печали.

В юрте послышались негромкие возгласы одобрения.

«А почему бы ему не стать ханом? – подумал Едиге. – Шадибек единственный из присутствующих нашел самые нужные, западающие в душу слова».

В этот миг, усыпленный колдовством лстивой -речи, эмир не знал, что в словах Шадибека был яд. Пройдет совсем немного времени, и этот человек станет самым заклятым его врагом.

Скупо поблагодарив Шадибека, Едиге сделал вид, что потерял к нему интерес. Снова вернулись тяжелые и тревожные мысли.

Не только набирающая силы Русь была опасна Золотой Орде. С тревогой обращал свой взор Едиге в сторону Хромого Тимура. Эмир после своего похода в Дешт-и-Кипчак словно забыл о существовании Орды. Занятый своими походами, он теперь не боялся удара в спину, потому что понимал – ни один хан, находясь в здравом разуме, не осмелится, после разгрома Тохтамыша, посягнуть на подвластный ему Мавераннахр. Но долго ли так будет продолжаться? Не придет ли Тимуру однажды мысль вновь повернуть своего коня в сторону золотоордынских земель? Что тогда делать и как поступить? Хромой Тимур, бесспорно, сейчас сильнее. И если он все-таки сделает

это, то Золотой Орде больше никогда не возродиться.

До Едиге доходили слухи, что Хромой Тимур собирается воевать с османскими тюрками. Хорошо, если случится так! Лишь бы его не обра- зумил аллах! Только османские тюрки могут сломать ему хребет, потому что во главе их стоит сейчас смелый и умный воитель Ильдирим Баязит⁷.

Конечно, может получиться так, что, победив Тимура, тюрки захотят отнять у Орды Крым, но все это вряд ли скоро будет, и не стоит об этом пока думать. Сейчас главную опасность представлял именно Хромой Тимур, под рукой которого находилось шестьсот тысяч пеших воинов и четыреста тысяч конницы.

Купцы рассказывали, что Молниеносный Баязит якобы заявил: «Мир не стоит того, чтобы им правили двое». Ясно, Тимуру не понравятся слова предводителя тюрков, потому что единственным, кто призван править миром, он считает себя. Значит, столкновение произойдет непременно. Главное, чтобы оно случилось скорее.

Молниеносный Баязит стал султаном османских тюрков в год змеи (1389), в тот год, когда Хромой Тимур совершил свой первый поход на Золотую Орду. Путь его к власти был кровав. Он убил родного брата Якупа.

Аллах не наказал его за пролитую кровь, и ему во всех делах стала сопутствовать удача. За короткий срок подчинил себе Баязит большие и малые города и народы, живущие по берегам Черного и Средиземного морей. Действия его были дерзки и стремительны, и никто не мог противостоять его знаменитой коннице. Он взял себе в жены одну из дочерей побежденного им сербского короля Лазаря, красавицу Оливер.

Год от года крепили силы Баязита. За одиннадцать лет своего правления султан не знал ни одного поражения. Полмиллиона всадников было теперь в его войске. Страстно желал Едиге, чтобы скрестили поскорее сабли Хромой Тимур и Баязит. В этом виделось ему счастливое будущее Золотой Орды. Едиге не знал, что желанное случится через два года, но оно не принесет ему того, на что он так рассчитывал – Баязит потерпит поражение и закончит свою жизнь в железной клетке, отравленный сердобольным тюрком, а Хромой Тимур выйдет из этой борьбы не только неослабевшим, но еще более сильным, чем прежде.

Так уж устроен мир – то, чего мы желаем более всего, обязательно ускользает от нас.

Думая о будущем, Едиге размышлял и о дне сегодняшнем, о делах близких и не терпящих отлагательства. Он хорошо понимал, что в нынешнем положении, чтобы сделать Орду сильной, надо вновь строить разрушенные города и привлекать купцов.

Шелковый путь больше не существовал. Города Орды в Крыму и по низовьям Итиля ничего не стоили в сравнении даже с одним Хорезмом, которым правил Хромой Тимур. Едиге казалось: овладей он богатым Хорезмом и Золотая Орда вновь начнет крепнуть, а казна ее расти.

Но время для борьбы с Тимуром еще не пришло. Надо выждать несколько лет.

---

⁷ Ильдирим Баязит – Молниеносный Баязит.

На второй день после приезда Едиге в ставку покойного Темир-Кутлука состоялись похороны хана. Его положили в белый мазар, увенчанный золотым полумесяцем. Мазар построили за два дня и две ночи рабы на высокой излучине Итиля.

Едиге велел установить рядом с мазаром каменное изваяние человека. Его привезли давно, еще во времена правления Узбек-хана из Египта. Но поскольку Узбек был мусульманином, а религия эта запрещает изображать людей и животных, изваяние хранилось в подземелье ханского дворца. О каменном человеке со временем забыли, и вот только совсем недавно кто-то отыскал его в развалинах Сарай-Берке. Неведомый великий мастер сотворил каменного чудо-человека. Утром, на восходе солнца, каменное изваяние принимало облик юноши, в полдень, когда золотой диск поднимался высоко в небо, становилось похожим на мужа зрелого, сурового и способного совершать великие дела; вечером же, когда солнце делалось красным и готово было скрыться за краем земли, каменный человек превращался в старца – мудрого и немощного.

Кто-то из приближенных Едиге попытался робко возразить ему, но эмир нахмурился:

– А разве Темир-Кутлук умер смертью, достойной мусульманина? Пусть этот волшебный камень у его могилы напоминает всем, что здесь лежит хан, не похожий ни на одного из тех, которые жили и правили Ордой до него.

И еще одно отступление от обычая совершил Едиге. Когда тело Темир-Кутлука было уже предано земле и муллы закончили читать молит, вы, эмир сказал назидательное слово: ничто не должно измениться после смерти хана, по-прежнему Золотая Орда должна оставаться сильной и могучей, эмиры – преданными тому, кто придет завтра на смену Темир-Кутлуку, а народ – послушен своим повелителям. И еще Едиге сказал:

– Если бы жизнь человека никогда не прерывалась, она бы потеряла смысл. Жизнь оценивается не прожитыми годами, а делами, которые успел совершить человек. Хан Темир-Кутлук прожил недолгую, но славную жизнь. Он ушел туда, куда не доехать даже на самом сильном и быстром коне и откуда не возвращаются люди, как бы ни тосковали о них близкие и друзья. Пусть мягкой будет для тебя земля, славный Темир-Кутлук! Прощай!

Недолго пустовал ханский трон. После семидневных поминок Едиге поднял новым ханом Золотой Орды мирзу Шадибека.

Едиге не спешил уезжать из ханской ставки. Подолгу сидел он в юрте Шадибека, беседуя о делах Золотой Орды.

Его тревожили замыслы Хромого Тимура. Как правило, Тимур говорил одно, а делал другое. Могло случиться, что он направит своя полки не на османских тюрок, а совсем в другую сторону, то есть в степи Дешт-и-Кипчак.

Однажды Едиге сказал:

– Надо отправить послов к Хромому Тимуру и выразить ему наши дружеские чувства.

Шадибек согласился.

– Хорошо придумано, – сказал он. – Мы отправим послов от твоего и моего имени. Надо сообщить Тимуру, что ханом Золотой Орды являюсь теперь я...

Едиге от последних слов Шадибека передернуло. Не слишком ли рано почувствовал этот человек себя ханом? Как и прежде, эмир не собирался выпускать власть над Ордой из своих рук, но он решил пока не показывать своего недовольства.

– Пусть будет так, – сказал Едиге сухо.

Так! Но чтобы Шадибек все же почувствовал, кто настоящий хозяин, на до нанести ему сильный удар.

– Пусть сегодня ночью, – буднично и просто сказал эмир, – в мою постель приведут младшую жену Темир-Кутлука...

Удар был рассчитан точно. По старомонгольским законам эта женщина принадлежала теперь Шадибеку и после сорокадневных поминок по покойному Темир-Кутлуку должна была стать его женой.

Хан побледнел. Это было страшное унижение.

– О ком вы говорите? – хрипло сказал он.

Не отводя от Шадибека холодного, пронзительного взгляда, Едиге повторил:

– Младшую... Самую младшую... Красивую...

Хан опустил глаза.

– Хорошо.

Разговор больше не получался, и Шадибек, поднявшись, вышел из юрты.

Едиге с усмешкой посмотрел ему вслед.

– Ох, как трудно быть ханом Золотой Орды... – сказал он вслух. Когда воин втолкнул к нему в юрту женщину, эмир сначала не узнал ее. Лицо женщины было суровым, глаза гневными, брови нахмурены.

– Постели постель, – приказал Едиге.

Женщина прямо и твердо посмотрела ему в лицо.

– Зачем? Разве ты не знаешь, что я шиитка и не могу лечь в одну постель с мужчиной, если он мне не муж?

Эмир рассмеялся:

– По-твоему не будет!..

Женщина отступила на шаг.

– Не подходи! – в руке ее сверкнул широкий узбекский нож. Едиге нахмурился. Он не привык, чтобы ему отказывали, когда он чего-то хочет.

– Ты хорошенько подумай.

– Мне не о чем думать! Так велит поступать бог!

Эмир вдруг стремительно бросился к женщине, вывернул ей руку, и нож отлетел далеко в сторону. Он повалил ее на кошму и прямо у входа взял ее.

Шадибек не находил себе места. Едиге опозорил его своим требованием, по и отказать, не подчиниться эмиру не мог. Минуло всего несколько дней, как Едиге сделал его ханом. Все войско, вся сила в руках Едиге: захочет – другого поставит ханом. Поэтому надо пережить этот позор, сделать вид, что ничего не произошло.

Шадибек позвал к себе начальника стражи – молчаливого, преданного джигита.

– С наступлением ночи, – сказал он, – отведешь младшую жену Темир-Кутлука в юрту эмира, – и, подумав немного, добавил угрюмо: – Дождешься, когда она выйдет оттуда и... привяжешь ее к хвосту не объезженного коня. Я не хочу, чтобы мои глаза когда-нибудь увидели вновь эту женщину...

Воин поклонился и молча исчез из юрты.

Обида, ярость не покидали Шадибека, не утихали, и оттого не было сна. Он ворочался на своем ложе, старался не думать о происходящем. Только перед рассветом услышал он, как промчался где-то за аулом испуганный конь, выбивая копытами бешеную дробь.

И сразу на душе стало легко. Больше не было свидетельницы его позора.

По усталому виду хана Едиге понял, что тот провел эту ночь без сна. Мелькнула мысль, не слишком ли он быстро и грубо решил подчинить себе Шадибека, смять его волю? Не обернется ли это затаенной злобой, не помешает ли в будущем править Ордой? Но разум подсказывал, что новоиспеченный хан не настолько глуп, чтобы из-за женщины стать врагом ему, своему покровителю.

Весть о том, что новым ханом Золотой Орды по воле Едиге стал Шадибек, вызвала у Хромого Тимура приступ ярости. Правитель Мавераннахра в это время находился в Герате, но и сюда доходили вести, что Орда вновь начинает крепнуть, собирать войско. Тимуру не нужны были пустынные степи Дешт-и-Кипчак, но и не хотел он иметь рядом с собой соседа, который всегда отличался вероломством и только выжидал удачного момента, чтобы вцепиться зубами в полу халата. Эмир решил, что настало время вновь двинуть свои полки на Золотую Орду, чтобы не дать ей возможности превратиться вновь в серьезного соперника и врага. Мысль эта с каждым днем все больше занимала Тимура.

Но в это время в Герат неожиданно прибыли золотоордынские послы. Они привезли эмиру в подарок прекрасных кречетов и ласковые слова от нового своего повелителя хана Шадибека и Едиге.

Тимуру это польстило, но ни одному слову послов он не поверил. Было ясно только одно, что Орда еще слаба, если решилась на такой поступок. Как было заведено по обычаю, эмир одарил гостей ответными щедрыми подарками.

С походом в Дешт-и-Кипчак можно было пока не спешить, тем более что Тимура все больше беспокоили османские турки во главе с их султаном Баязитом Молниеносным. Вот кого в первую очередь следовало убрать с дороги.

На этот раз поистине молниеносным оказался не Баязит, а Тимур. Он не дал возможности своему противнику собрать большое войско и потому легко разбил его под Анкарой, пленив самого султана. Так же стремительно, отягощенный большой добычей, эмир вернулся в Самарканд.

И здесь снова ожила давняя мечта. Хромого Тимура – покорить Китай. Враг, который мог бы ударить ему в спину, был обескровлен; путь же в Китай лежал через золотоордынские степи и Семиречье. Таким образом, была возможность по пути к

большой цели вновь разгромить оживающую Орду.

Ни с кем не делясь, по обыкновению, своими замыслами, Хромой Тимур перебрался в Отрар и велел постепенно подтягивать к берегам Сейхундарьи свое огромное и грозное войско. Вскоре долина реки в среднем течении, вплоть до города Туркестана, стала похожа на огромный военный лагерь. Беспреданно проводились учения, тысячи арб везли продовольствие, из степи пригоняли табуны лошадей.

Здесь и нашел Хромого Тимура посол от Тохтамышша. Бывший хан, спрятавшийся от мести Едиге в окрестностях города Шангитара, прислал к эмиру своего самого верного человека – Караходжу. Эмир знал этого человека лично и потому согласился выслушать то, с чем он приехал.

Караходжа вошел в походную юрту Тимура и, опустившись на одно колено, низко склонив голову, сказал:

– Великий Тимур, я, несчастный, не решаюсь поведать о горечи моего господина и хозяина Тохтамышша. Его слова, его боль в этом послании, – и Караходжа протянул свиток в сторону эмира.

Тимур грозно нахмурил брови, и ноздри его большого орлиного носа затрепетали.

– Я посмотрю, что пишет Тохтамышш.

Опустившись уже на оба колена, Караходжа пополз к возвышению, на котором сидел эмир, держа послание на вытянутых руках.

Тимур небрежно взял свиток и протянул его стоящему рядом визирю в голубой чалме.

– Читай громко, – сказал он. – Послушаем, что пишет человек, потерявший трон, силу и власть.

Догадаться, о чем пишет Тохтамышш, было нетрудно. О чем может писать униженный, ищущий участия и защиты у своего бывшего врага человек?

Визирь глубоким, бархатным голосом, словно стихи, нараспев, стал читать послание бывшего хана. Видно было, что чтение доставляет ему удовольствие, особенно то место, где говорилось о величии, силе и мудрости Тимура.

Эмир рассмеялся.

– Зачем Тохтамышш пишет об этом мне? Разве другие уже не говорили о моем величии? Прочти, чего он хочет.

Визирь кивнул головой.

– За все хорошее, что сделали мне вы, я отплатил дурным поступком и черной неблагодарностью. Теперь же аллах наказал меня, и я расплачиваюсь за это. Если бы вы, великий эмир Тимур, простили мне ошибки и оказали царскую свою милость, то до самых последних дней моих не было бы у вас более преданного человека, готового выполнить любой приказ, любое желание...

Усмешка тронула губы Тимура, и он перебил визиря:

– Все это надо понимать так, что Тохтамышш просит, чтобы я вновь посадил его на трон Золотой Орды?

Караходжа еще ниже склонил голову.

– Да, – сказал он. – Самому ему этого не добиться. Младший брат, покорный вашей

воле, надеется на вашу щедрость, великий эмир!

Тимур громко захохотал.

– Чему только не научит судьба! – сказал он сквозь смех. – Нукер Караходжа, оказывается, и ты уже научился говорить, как бии – льстиво и со слезой в голосе?!

– Да, великий эмир! Когда у тебя великое горе, то слеза потечет даже из незрячего ока.

– Хорошо, – сказал эмир. – Ты придешь ко мне вечером. Нам будет о чем поговорить.

Караходжа пришел к Тимуру после вечернего намаза, и они проговорили до глубокой ночи. Эмир расспрашивал старого нукера о том, что делается в Золотой Орде и каким войском может располагать Едиге, если дело дойдет до битвы.

– Я верну трон Тохтамышу... – задумчиво сказал Тимур. – Но он сам должен помочь мне в этом.

– Как? – Караходжа выжидательно смотрел на эмира.

– Очень просто. Главная сила Дешт-и-Кипчак не столько в ее джигитах, сколько в конях. Без них воин-кочевник ничто. Если Тохтамыш хочет приблизить день своего торжества, то пусть лишит подвластные Едиге роды коней. Это можно делать повсякому: угонять, травить источники и колодцы, наконец, просто убивать...

Хромой Тимур знал, что говорил. В свое время великий Искандер Двурогий, прежде чем отправиться войной на сакские племена, обитавшие тогда в Дешт-и-Кипчак, послал туда своих людей и те скупили у саков двести тысяч коней. Степные лошади были превосходными. Они могли подолгу обходиться без воды, одинаково хорошо были приспособлены к степи и горам. Именно на этих коней посадил Александр своих воинов, отправляясь против саков.

Кочевник, лишенный коня, перестает быть воином. Он становится легкой добычей каждого, кто этого пожелает. На коне легко гнаться за врагом, конь же и выручит из беды, если случится такое, что придется спасти свою жизнь.

И сейчас, разговаривая с Караходжой, Хромой Тимур понимал, что если войско Золотой Орды будет чувствовать недостаток в конях, то станет беспомощным, подобно птице, лишенной крыльев.

Тохтамышу обрадовало обещание Тимура помочь ему вновь стать ханом. Он знал, что эмир всегда держит слово. Но его огорчило и расстроило повеление Тимура уничтожить лошадей.

– Ты же знаешь, Караходжа, эмир хочет, чтобы мы сделали невозможное. У кочевника, после жены, конь является первым другом, и потому табуны охраняют самые смелые и отчаянные джигиты. У нас же слишком мало сил, чтобы совершить задуманное Тимуром.

– Разве трон Золотой Орды не стоит того, чтобы рискнуть?! – упрямо и с вызовом возразил нукер. – Сколько лет ты ждал, пока снова на небосклоне появится твоя звезда. Не начав дело, не сделав попытку, ты выражаешь сомнения и тем самым лишаешь себя силы.

– Хорошо, – сказал Тохтамыш. – Золотая Орда стоит того, чтобы еще раз испытать судьбу.

Тохтамыш не успел выполнить наказ Хромого Тимура. Вьюжной мартовской ночью аула бывшего хана достигла страшная для него весть - неожиданно умер Тимур. Если бы среди зимы ударили раскаты грома и засверкали ослепительные молнии, это бы меньше поразило и напугало Тохтамыша. Потухла, задутая ветром страшного известия, последняя искра надежды вновь возродиться.

Хромой Тимур умер в год курицы (1405), на восемнадцатый день месяца февраля в городе Отраре. Смерть его была легка – он опустился на колени, чтобы совершить намаз, и вдруг упал лицом вниз, головой в сторону священной Каабы. Подбежавшие к нему визири и нукеры увидели, что их повелитель мертв.

Люди знали, каждый из живущих на земле смертен, и все равно известие о том, что не стало Хромого Тимура, потрясло всех. Человека, перед которым трепетали десятки стран, для которого жизнь другого человека была дешевле жизни овцы, больше не было.

Тимур мечтал, подобно Чингиз-хану, завоевать мир, и многое успел сделать, идя к своей цели, но уже на второй день после его смерти, сыновья начали борьбу за его трон. Не прошло и года, как покоренные эмиром государства перестали признавать власть Мавераннахра. Подобно лоскутному одеялу, сшитому неумелой рукой, распалось то, что Тимур создавал десятилетиями.

Начав борьбу за власть, потомки эмира, тем не менее, поступили так, как велел им обычай. Для Хромого Тимура была воздвигнута величественная и прекрасная усыпальница с голубыми куполами – «Гур Эмир». Так потомки хотели не только почтить память эмира, но и показать народу, что деяние покойного одобряются ими и во всем служат примером.

Смерть такого человека, как Хромой Тимур, не могла оставить никого равнодушным. Сотни тысяч людей радовались, что всевышний наконец-то прибрал кровожадного и жестокого правителя, но больше всех радовался сын эмира – Шахрух, потому что теперь трон Тимура принадлежал ему. Были и такие, кого печалила кончина эмира, но самым безутешным среди них был Тохтамыш...

Смерть Хромого Тимура, одно имя которого заставляло трепетать правителей, многое изменила на Востоке и породила немало надежд. Больше некого было бояться.

Едва в степях Дешт-и-Кипчак сошел снег и появилась первая трава, Едиге во главе пятидесятитысячного отряда конницы выступил в сторону Хорезма. Пора было осуществлять давнюю мечту – вернуть некогда принадлежавший Орде цветущий и богатый оазис.

Двигался Едиге вперед поспешно, зная, что потомки Тимура, занятые борьбой за власть, не осмелятся ему помешать. По пути эмир пополнял свое войско кочевниками. В начале осени он остановил свои тумены на берегах Джейхундарьи.

Эмиром Ургенча – главного города Хорезма – в это время был Муса из рода

карататар. И здесь после смерти Хромого Тимура развернулась борьба за власть. Всего месяц потребовался Едиге, чтобы сломить волю защитников Ургенча. В январе года курицы (1406) Муса бросил свое войско и бежал в Мавераннахр.

До наступления весны Едиге оставался в Хорезме, затем, посадив здесь своего даргуши-управителя, неожиданно повел тумены в сторону Шангитара, в земли, где кочевал со своими людьми Тохтамыш. Сейчас, когда удача посмотрела ему в лицо, эмир решил навсегда покончить со своим давним врагом, бывшим ханом Орды.

Казалось, трудно понять, для чего это надо Едиге? Тохтамыш постарел и сам уже не мог угрожать ни эмиру, ни тем ханам, которых он возводил на трон. Но Едиге знал, что делал. Все больше его беспокоили сыновья старого хана. Давно из волчат они превратились в матерых волков, и от них могла идти опасность. Эмир решил, что пора покончить с ними и приторочить их головы к своему седлу.

Тумены Едиге и Тохтамыша сошлись у реки Тара близ ее впадения в великий Иртыш. Погода не благоприятствовала битве – вся степь была закована в ледяной панцырь и кони не могли скакать, но многочисленное войско эмира уже к вечеру определило исход сражения: Тохтамышу придется спасаться бегством.

Бывший хан внимательно следил за битвой. Недоброе предчувствие вдруг сжало его сердце – почему-то подумалось, что на этот раз его едва ли выручит даже самый быстрый конь. Не перст ли это судьбы, не предупреждение ли ее, что пришло время расстаться с этим бранным, беспокойным и таким неудачливым для него миром? Тохтамыш подумал вдруг, что если это так, то он постарается дорого продать свою жизнь.

В течение всей битвы бывший хан видел, как охотились воины Едиге за его сыновьями Жалелэддином и Кадырберди. И сейчас сыновья были окружены плотным кольцом врагов. Что бы ни случилось, они не должны были погибнуть. Тохтамыш считал, что он виноват перед ними, потому что в свое время потерял Золотую Орду, сделав себя и их скитальцами.

Сильно забилося старое, одряхлевшее сердце, и бывший хан тронул повод своего коня. Спокойный и величественный, выехал он на поле битвы и, остановившись от сражающихся на расстоянии полета стрелы, хриплым старым голосом крикнул:

– Эй, Едиге, если ты не трусливая баба, то выходи на поединок!

Тохтамыша услышали и увидели.

Неожиданно от группы воинов отделился Едиге. Бывший хан сразу же узнал его по блестящим в заходящем солнце доспехам.

– Ты хорошо подумал, на что решился, старый волк?! – крикнул он.

Тохтамыш не ответил. Он ждал. И тогда Едиге бросил своего коня навстречу бывшему хану. Конь мчался, распластавшись над землей, подобно птице, и Тохтамыш хорошо знал, что будет дальше. Через несколько мгновений Едиге окажется рядом и коротко взмахнет соилом. Удар эмира неотразим. Если человек не из камня, он обязательно вылетит из седла. Бывший хан знал, что ему не устоять, потому что время его удали и время поединков давно прошло.

Оружием Тохтамыша всегда была хитрость, и теперь, быть может, последний раз в

жизни, он решил им воспользоваться.

Резко развернув коня, он вдруг погнал его в сторону от поля битвы. Воины с обеих сторон перестали сражаться, и теперь все смотрели, как мчались по открытому пространству два великолепных скакуна.

Конь Тохтамыша оказался быстрее, и вскоре он оторвался от преследователя на значительное расстояние. И тогда кто-то из воинов Едиге, желая помочь своему предводителю, увлек за собой несколько сот всадников и поскакал наперерез Тохтамышу.

Кольцо вокруг Жалелэддина и Кадырберди распалось. Они поняли замысел отца, поняли, что он пошел на эту жертву только ради них. Сминая на своем пути поредевшие отряды Едиге, они вместе со своими воинами помчались в противоположную сторону, к чернеющему вдали лесу.

А погоня продолжалась. На огромное расстояние растянулись всадники – гололед мешал скакать, и многие начали отставать. Вскоре в степи остались только Тохтамыш и преследующий его Едиге. Теперь и эмиру было понятно, что это бегство старый хан устроил неспроста, но отступать уже было нельзя. Сыновья Тохтамыша наверняка успели уже скрыться, и поэтому надо было разделаться хотя бы с самим старым волком.

Расстояние между всадниками сокращалось, и вскоре Тохтамыш понял, что развязка близка. Он остановил коня, слез с седла и, подняв над головой кривую саблю, стал ждать приближения Едиге.

Эмир налетел подобно буре и, не останавливая коня, на всем скаку ударил соилом по размытой вечерними сумерками фигуре. Тохтамыш упал. В полусознании он слышал, как вернулся к нему Едиге, как, мягко ступая по обледенелой земле, подошел совсем близко и сел ему на грудь. Стало трудно дышать. Эмир долго и молча сидел на теле поверженного врага, потом вдруг выхватил из-за пояса нож и полоснул Тохтамышу по горлу.

О том, что Едиге убил Тохтамыша, утром уже знала вся степь. И когда эта весть дошла до любимой жены эмира, дочери Тохтамыша Жанике, она не заплакала. Только губы стали бледными, и она прошептала:

– Ты нарушил клятву, мирза Едиге, и за это будешь проклят. Тебе недолго осталось ходить по земле...

После смерти Тохтамыша сыновья его – Жалелэддин и Керимберди ушли на Русь и попросили покровительства у московского князя. Кун-чек-султан, Жапарберди и Кадырберди с остатками своего войска откочевали в сторону Сыгнака, в места, где когда-то отец их стал ханом.

Вернув Золотой Орде Хорезм, убив Тохтамыша, довольный Едиге возвращался в междуречье Итиля и Яика. Он был уверен, что именно теперь наступило то время, о котором он мечтал всю жизнь – Орда набирала силу и возвращала себе былое величие. Впереди были дальние и удачные походы, бесчисленные стада скота и несметная добыча, отнятая у покоренных народов.

Для исполнения желаний необходимо было большое и хорошо вооруженное войско, беспрекословное подчинение эмиров, биев, батыров, старейшин родов. Безжалостной рукой приводил эмир к смирению всех недовольных или несогласных с ним. Со всех родов, кочующих в пределах ордынских земель, Едиге повелел взять большие подати, не считаясь с тем, что, разоренные предыдущими междоусобицами, многие из них едва сводили концы с концами. В улусах и аймаках начался ропот. Все меньше оставалось у эмира приверженцев, и все чаще стали слышны голоса, что он забрал в свои руки слишком большую власть в Орде, что ему пора бы вернуться в свой ногайлинский улус. Особенно недовольны Едиге были те, кто вел свою родословную от великого Чингиз-хана.

Год свиньи (1407) эмир действительно провел в своем улусе. С наступлением весны он собирался заняться подготовкой похода на Русь. Зная, что у него много врагов, Едиге пристально следил за тем, что происходило в Орде, в окружении хана Шадибека. И когда тот, объединив вокруг себя чингизидов, попытался освободиться от влияния эмира, Едиге неожиданно напал на войско хана и разбил его. Шадибек вместе с семьей бежал к эмиру Дербента Шейх-Ибрагиму – своему зятю. Еще некоторое время он продолжал чеканить здесь свои деньги, считая по-прежнему себя властителем Золотой Орды, но Едиге, придя в ханскую ставку, уже посадил здесь нового, угодного ему хана. Им стал Булат – сын покойного Темир-Кутлука.

Всю жизнь ненавидя Тохтамыш, Едиге тем не менее многое делал так же, как он. Главным его оружием всегда были хитрость и коварство. Едиге не оставил мысли о походе на Русь. Через верных людей эмир хорошо знал, что делалось на Москве и в великом княжестве Литовском.

К счастью, между Литвой и Русью не было мира, и это устраивало Едиге. По его наущению Булат-хан, сев на трон Золотой Орды, отправил на Русь посольство с требованием подчиниться ему, платить, как и прежде, подати и налоги, а спорные вопросы между княжествами решать только в ханской ставке. Ни один русский князь не пожелал выразить покорность Орде и, не показав испуга, кроме князя тверского. Но на то были свои основания – там спорили, не могли поделить княжеский престол Иван Михайлович и Юрий Всеволодович.

И, желая обезопасить себя от неожиданности или случайностей, Едиге стал делать то же самое, что делал до него Тохтамыш. Одно за другим отправлял он посольства то в Москву, то в Литву, и каждому князю эмир предлагал помощь в борьбе с его врагом.

Когда же войско его было готово к походу на Русь, Едиге послал к московскому князю своего человека со словами: «Булат-хан намерен с большою силою двинуться на Витовта. Хан хочет отомстить ему за насилия, которые он совершил на твоей земле. Надеюсь, ты не забудешь наш добрый поступок?»

Василий Дмитриевич, несмотря на то, что был заранее предупрежден о тайных замыслах Едиге, поверил, что татары идут на Литву, и не проявил беспокойства...

В конце декабря года коровы (1409) огромное войско, ведомое Едиге, вторглось в

русские земли. Подражая основателю Золотой Орды Бату-хану, эмир приказал никого не шадить. Великий страх должна была нагнать татарская рать на Русь, оставив после себя пожарища и горы трупов.

Дорого обошлась русским землям доверчивость князя Василия Дмитриевича. Татары жгли, грабили и убивали с особой жестокостью. Двухсоттысячное войско Едиге подошло к Москве и остановилось у ее стен. Никто не спешил открывать перед эмиром ворота города, не вышли и встречать его хлебом-солью. На тучи стрел ответили горожане пушечным громом и тяжелыми ядрами.

Ослушался эмира еще недавно выражавший ему покорность тверской князь Иван Михайлович. Не пришел он под стены Москвы со своими ратными людьми и пушками. Среди защитников города были и сыновья Тохтамыша – Жалелэддин и Керимберди.

Тяжким выдался минувший год для московского княжества, – за все лето над ним не прошумело ни одного дождя, и потому земля не родила хлеб. Голод и болезни, больше чем вражеские стрелы, наносили урон защитникам города, но русские не хотели сдаваться на милость победителя.

Едиге забеспокоился. Он надеялся на легкую победу, на быстрый успех. Надо было искать какой-то выход.

Словно спеша помочь эмиру разрубить так некстати завязавшийся узел, прибыл гонец из Орды с посланием от Булат-хана. Тот писал, чтобы Едиге скорее возвращался в Орду, так как над нею нависла серьезная опасность.

Скрывая от всех до поры, что обстоятельства заставляют его снять с Москвы осаду, Едиге потребовал от горожан выкуп в три тысячи рублей. Измученные болезнями и голодом, защитники Москвы согласились на это.

Едиге снял тотчас осаду и, не давая своим туменам отдыха, несмотря на трескучие морозы и частые вьюги, быстрым маршем пошел в родные степи. Из послания Булат-хана он знал, что произошло в Орде.

У покойного хана Тохтамыша осталось тринадцать сыновей и семь дочерей. Все они были связаны родственными узами со многими знатными людьми Орды: с эмирами, беками, биями, батырами. Пользуясь отсутствием Едиге, сторонники Тохтамыша объединили свои силы и двинулись против Булат-хана, желая посадить на его место своего человека.

Стремительное появление Едиге в Орде было для них неожиданностью. Понимая, что с имеющимися в их распоряжении пятидесятью тысячами воинов им не одолеть двухсоттысячное войско эмира, сторонники Тохтамыша разбежались по своим улусам и аймакам.

Расправившись с каждым из мятежников поодиночке, Едиге снова удалился в свой улус. Казалось бы, мир и покой прочно установились в Орде, но в год зайца (1411) неожиданно умер Булат-хан. Ордынская знать самовольно объявила новым ханом среднего сына Темир-Кутлука – Тимура.

Едиге был взбешен. Снова закончилась для него мирная жизнь, и надо было готовиться к борьбе, потому что он чувствовал, что новый хан, поднятый не им, а другими, не захочет одеть на себя ярмо беспрекословного подчинения.

Бесконечная борьба составляла суть жизни Едиге, и потому он без страха и сомнений выступил с пятидесятитысячным войском против нового врага, хана Тимура.

Но на этот раз обстановка сложилась не в его пользу, и, желая избежать осложнений и выиграть время, эмир спешно повернул свое войско в сторону Хорезма, где его положение все еще оставалось прочным.

Но хан, охваченный желанием поскорее избавиться от коварного и хитрого эмира, бросился вслед за Едиге. Битва состоялась в десяти днях пути от Хорезма, и впервые Едиге, уже много лет не знавший поражений, был 'разбит. С остатками войска, с женами и детьми эмир укрылся за стенами главного города Хорезма – Ургенча.

Полгода держал его в осаде Тимур-хан и, быть может, сумел бы покончить с Едиге, но в это время, пользуясь его отсутствием, власть в Орде неожиданно захватил Жалелэддин.

И, как велось испокон веков в степи, те, кто еще вчера, казалось, верно служили Едиге и Тимуру, сразу же переметнулись на сторону более сильного. Теперь у эмира было два врага. Они находились в состоянии войны друг с другом, но оба страстно желали гибели Едиге.

Сын Тохтамыша, Жалелэддин, переметнувшийся в литовский стан, послал к эмирам Тимур-хана своего человека со словами: «Пока ханом Орды был Тимур, вы сражались на его стороне, Сейчас же ханом стал я, и потому вы должны служить мне. Но прежде поймите нашего общего врага Едиге».

Три человека продолжали упорно считать себя повелителями Золотой Орды, ее земель и ее народов. Так долго продолжаться не могло. И тогда один из эмиров Тимура – Газан – приказал своему нукеру убить не ожидающего измены хана, сам же переметнулся к более сильному Жалелэддину.

Усилившись за счет перешедшего на его сторону войска Тимура, новый хан приказал Каджулай-бахадuru с большим отрядом выступить против Едиге и непременно привезти его голову.

Золото развязывает языки быстрее, чем пытки. Вскоре эмир уже все знал об отряде Каджулай-бахадuru. Понимая, что враг превосходит его числом, Едиге решил пойти на хитрость. Выйдя навстречу Каджулай-бахадuru, он разделил свое войско на две части. Первая должна была вступить в битву с врагом, другая же укрылась в засаде. Древний, как мир, прием использовал эмир. Подобно монголам во времена Чингиз-хана, воины его, начавшие битву, вскоре обратились в бегство, бросая конские попоны и переметные сумы. Каджулай поверил, что победа близка, и начал преследовать врага, забыв об осторожности. Когда же его войско потеряло боевое построение и рассыпалось по степи, вышли из засады полки Едиге. Это решило исход битвы, Каджулай-бахадур погиб.

Захватив большое количество пленных и богатую добычу, эмир вернулся в Хорезм. Голова незадачливого Каджулая была надета на острие копья и выставлена на главной площади Ургенча.

Это была победа, но она не веселила сердце Едиге, потому что он хорошо понимал – нынешняя выигранная битва ничего не решала. Мысль о том, что враги его сильны,

ожесточала эмира с каждым днем все сильнее и сильнее. Он все больше проливал крови, и приказы его перестали быть разумными. Едиге повелел заковать пленников в железо и обязал жителей города охранять их. За каждого убежавшего жизнью своей обязан был отвечать не только стерегущий, но и все, кто жил о нем в одном квартале.

Желая как можно сильнее укрепиться в Хорезме, Едиге назначил эмиром его своего сына Мубарекшаха, правителем Ургенча – Бикешек-бия, судьей – Садыршейха. Измученные поборами и грабежами, пребывая в постоянном страхе за свою жизнь, люди начали роптать.

В год, когда Едиге предпринял поход на Москву, закончился спор между сыновьями Хромого Тимура, и в Самарканд въехал его старший сын Шахрух. Он привез с собой своего старшего сына Улугбека и вручил ему власть над Мавераннахром.

Когда же к Шахруху прибыли послы из Золотой Орды, зная, что Едиге находится в зените славы, он с подобающими почестями принял гостей. Одарив друг друга подарками, обе стороны остались довольны друг другом.

Но сейчас, когда положение Едиге уже не было таким прочным, как раньше, Шахрух решил отобрать у него Хорезм и вернуть его под власть Мавераннахра.

Первый поход не принес успеха. Ургенч устоял. Тогда Шахрух отправил новое войско во главе с Шах-Меликом. Это был воин смелый, умный и хитрый. Он не погнал своих воинов на глинобитные стены Ургенча, а, воспользовавшись недовольством горожан, уговорил знатных людей города открыть ворота.

Хлебом, водою и кораном встретили Шах-Мелика сейиды, ученые, купцы и простой народ.

Вместе с сыном бежал Едиге из Хорезма, мечтая о скорой мести для предавших его ургенчских жителей. Откуда было ему знать, что больше никогда жадная рука Орды не дотянется до этих благодатных земель и что следы его коня, оставленные на пыльной дороге, будут последними следами кочевника?

Весть об изгнании из Хорезма Едиге обрадовала Жалелэддина, потому что неудача соперника помогала ему еще больше укрепиться. Желая показать свою преданность великому литовскому князю Витовту и отблагодарить его за оказанную помощь, хан Орды решил предпринять поход на Русь. Взяв несколько приграничных крепостей и пограбив их окрестности, Жалелэддин, однако, не решился идти вглубь русских земель, помня, что даже Едиге с гораздо большими силами не смог причинить русским князьям большого урона.

Становясь ханом, каждый считал: ему предначертано судьбой возродить былое могущество Орды; но проходило время, и они начинали понимать, что смогли лишь продлить агонию, отодвинуть час гибели государства, созданного Бату-ханом.

Пока Жалелэддин тешил себя надеждами, ханом захотел стать его брат Керимберди. В коротком сражении, удачно пустив стрелу с каленым наконечником, Керимберди убил брата и добился желаемого – объявил себя ханом.

Люди всегда соперничали со временем, и то, что не всегда могло разрушить время, разрушали люди. Чингизиды, эмиры, бии рвали земли Золотой Орды на части с

яростью голодных волков, которым досталась баранья шкура, пахнувшая свежей кровью.

Надвигалась старость. И вместо неукротимой жажды деятельности Едиге все чаще хотелось просто мстить своим врагам за то, что так бесславно заканчивалась жизнь.

После долгих раздумий Едиге вместе с женами и детьми в сопровождении большого отряда воинов-ногайлинцев, оставив Крым, который дал убежище после Хорезма, двинулся в Дешт-и-Кипчак. Он рассчитывал добраться до ее восточных пределов, до небольшого городка Кумкента, где когда-то впервые увидел солнце, и здесь, в тишине и покое, не ввязываясь ни в какую борьбу, прожить оставшиеся дни, отпущенные ему аллахом.

Но едва Едиге достиг берегов Сейхундарьи, как кочевавший в окрестностях. Сыгнака младший сын Тохтамыша Кадырберди заступил ему дорогу.

Битва была короткой, но жаркой и беспощадной. Весь израненный, с небольшим отрядом самых близких ему людей, эмир с трудом ушел от погони.

Начались дни скитаний. И однажды, лежа на обрывке старой кошмы и глядя на ярко мерцающие в вышине звезды, Едиге понял, что умирает. Не боль и раны были тому причиной, он просто почувствовал, что оставшаяся жизнь не имеет никакого смысла.

Хриплым, слабым голосом он позвал:

– Окас...

Чья-то тень зашевелилась во тьме, и к изголовью эмира подошел его внук, наклонился, стараясь рассмотреть лицо деда.

– Послушай меня, Окас... Хорошая собака никогда не умирает у порога своего дома... Она уходит, чтобы никто не увидел ее труп... Завтра ты возьмешь десять самых верных воинов и увезешь меня к горам Улутау. Я хочу умереть там...

Окас ничего не ответил.

Долгой была дорога. Едиге везли на носилках, сплетенных из ивовых прутьев и выстланных кусками старой кошмы. В нищете, тайно отправлялся к месту, где он решил умереть, человек, который еще недавно повелевал огромной Золотой Ордой. Возвышал и смещал ханов.

Раны на теле Едиге гноились, и, казалось бы, смерть должна была давно забрать его, но эмир не умирал.

Не ради прихоти или каприза попросил он внука увезти его к подножью Улутау. Здесь, в самой середине великой степи Дешт-и-Кипчак, рождалась более двух с половиной веков назад великая Золотая Орда. Здесь поднял свое знамя ее создатель, внук потрясателя Вселенной, бесстрашный Бату-хан, здесь собирал он свое доблестное войско, с которым покорил десятки государств и множество народов. После многих дней пути небольшой отряд достиг цели.

– Я хочу, чтобы вы подняли меня на вершину Улутау, – сказал внуку Едиге. – Это моя последняя просьба.

– Люди устали... – робко возразил Окас.

– Я хочу, я приказываю! – жестко сказал эмир.

Воины подняли носилки и молча двинулись в путь.

Упираясь в синий купол неба, скалистая и неприступная, возвышалась перед ними вершина Улутау – Великая гора. Воины знали, что им, измотанным долгой дорогой, не одолеть ее крутые склоны, и потому, не сговариваясь, повернули к другой, стоящей неподалеку горе. Народ называл ее Кшитау – Маленькая гора.

С трудом, после долгого подъема, поднялись они на ее вершину и опустили носилки на землю.

Жестом руки подозвал к себе Едиге внука.

– Отпусти воинов, пусть они возвращаются в свои аулы. С тобой пусть останутся только двое, чтобы, когда я умру, было кому предать мое тело земле...

В знак согласия Окас склонил голову.

– Я сделаю так, как ты велишь. Разреши нам, тем, кто остается с тобой, пока еще стоит день, поохотиться на архаров... Запасы еды в наших переметных сумах закончились...

Едиге прикрыл глаза.

Воины ушли. Где-то далеко, у подножья, прозвенели под их ногами на осыпи камни, и наступила тишина.

Собрав последние силы, Едиге приподнялся на носилках и оглянулся вокруг. Необъятный простор открывался с вершины. В сизом степном мареве тонула даль, но в этот миг ему показалось, что он видит все, что скрыто за окоемом. На западе катил свои волны могучий Итиль, а за ним синими жилами пересекали землю Дон и Днепр, а еще дальше был Крым с голубым ласковым морем. Мысленным взором увидел Едиге степи у подножья седого Кавказа и богатый Хорезм, весь в цветущих весенних садах. Все это когда-то принадлежало Золотой Орде, задуманной монголом Бату в центре бескрайней степи Дешт-и-Кипчак. здесь, у подножья Улутау.

Порыв холодного жесткого ветра налетел вдруг с севера-востока, и Едиге сделалось зябко. В той стороне лежала земля русских – суровая и загадочная. Бату-хан покорил ее, но почему-то побоялся остаться в ней, не решился сделать ее своим улусом. Что заставило его так поступить? Ведь и он, Едиге, стоял у стен Москвы и взял там большой выкуп, но вынужден был уйти...

Эмир на миг прикрыл глаза. Тело упрямо тянуло к земле, но прежде чем снова лечь, он в последний раз посмотрел на восток. Там лежали монгольские степи, Каракорум – родина предков, которую он так ни разу и не увидел. Солнце клонилось к закату, и на востоке тяжелело, опускалось к земле небо – там уже рождалась ночь.

Едиге откинулся на носилки. Снова поплыли перед его глазами земли, реки, города, где доводилось ему бывать. Лица людей' теснились перед его мысленным взором, и вставали картины битв. Но все это было в прошлом и почти не волновало эмира.

Золотая Орда. Еще недавно он был ее повелителем, и не каждый человек осмеливался даже глянуть в его лицо. Почему же так несправедлива судьба?! Он, Едиге, делал все, чтобы она стояла вечно, и, казалось, вернул ей былое величие. А, может быть, это действительно только казалось? После того как князь московский – Дмитрий – разбил на Куликовом поле Мамай, произошло непонятное – Золотая Орда

стала спотыкаться и падать, словно конь, которому подрезали жилы. Ни один хан после этого не смог долго усидеть в седле, и ни один не умер своей смертью. Будто проклятие за всю пролитую ранее ее воинами кровь тяготело над Ордой. Она еще побеждала, она еще была опасной, а порой и страшной для других народов, но ей уже сопротивлялись, ей не желали покоряться. А потом Тимур! Великий и страшный воитель! Он словно перст судьбы довершил то, что началось на Куликовом поле.

Золотая Орда увиделась вдруг Едиге старым, огромным воином, стоящим на коленях и не имеющим сил подняться. Обнищавший, уставший от междоусобиц народ, разрушенные города, заросшие полынью караванные тропы когда-то великого Шелкового пути... Вот все, что осталось от прежнего блеска и славы... Разве можно с этим подняться, разве найдется такой человек, которому это под силу? Орда была сильна, пока могла брать, а когда ей это стало недоступно, кончилось и могущество. Другие народы научились защищаться. В развалинах лежат ордынские города, и ремесленники покинули их, став вновь кочевниками и забыв то, что умели.

Едиге, рожденный в степи и выросший в седле, не мог понять и смириться с тем, что имя Золотой Орды больше ни у кого не вызывает трепета и никому не внушает страха. Не знал он в этот миг и того, что был последним правителем, при котором, на короткий миг, подобно степному миражу, возродилось и сейчас же истаяло бывшее величие Орды.

Эмир смотрел в вечернее, наливающееся синевой небо, на белые облака, обрызганные розовым светом закатного солнца, и чувствовал, как уходят, покидают его последние силы. Еще он подумал – с безразличием человека, который устал от жизни, – что лучше бы умереть, как подобает воину, в битве, а не вдали от людей. Но сейчас же эта мысль забылась.

Едиге вдруг послышался тихий шорох. Он с трудом повернул голову, думая, что это возвращается внук Окас, но вместо этого увидел торчащие из-за большого камня острия копий, лотом появилось плоское желтое лицо со злыми глазами. Эмир узнал в человеке одного из сыновей Тохтамыша Жагала, рожденного девушкой, привезенной в свое время из Ирана.

Едиге понял, что в образе Жагала пришла за ним смерть, и не испугался близкого конца.

– Выходит, вы следили за мной? – тихо спросил он.

– Да.

– Ты должен меня убить?

Сын Тохтамыша засмеялся.

– Тот, кто стоит на пути Золотой Орды, должен умереть. Разве не так же поступал ты?

Глаза эмира расширились.

– Да, я поступал именно так, потому что думал так же, как ты...

Жагал сказал хрипло и отрывисто:

– Тебе не придется увидеть, как знамя Орды вновь поднимется над миром и народы десятков государств вновь упадут перед ним на колени!

– Этого не будет... – печально возразил Едиге.

– Почему?

– Потому что уже давно нет Золотой Орды... – голос эмира слабел. – Есть улусы, татары и правители чингизиды, которые правят ими...

– Он слишком много говорит! – крикнул Жагал и посмотрел на пришедших с ним воинов. – Делайте свое дело!

И сразу же несколько копий воткнулись в Едиге. Дружно, легко подняли воины в воздух мертвое тело последнего правителя Золотой Орды и бросили его с вершины горы.

– Быть может, его надо предать земле?.. – неуверенно предложил кто-то из воинов.

– Зачем? – презрительно посмотрел Жагал на распростертого среди камней эмира. – Пусть станет он добычей хищных зверей и птиц... Мы сделали свое дело, и нам пора уходить...

Воины начали поспешно спускаться с горы. У края земли, похожее на большое сердце, висело красное солнце. Оставались мгновения до той поры, когда оно потухнет и на безбрежные земли Золотой Орды опустится ночь.

Журнал «Простор», №№ 1-3, 1984 г.